

В. А. Дивин

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ
МОРЕПЛАВАТЕЛЬ
АИЧИРИКОВ

Географгиз-1953

В.А. Дивинъ

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ
МОРЕПЛАВАТЕЛЬ
А.И. ЧИРИКОВ

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР – ГЛАВИЗДАТ

---

*Государственное издательство
географической литературы*

МОСКВА 1953

ВВЕДЕНИЕ

В летопись мореплавания и географических открытий наш народ вписал яркие страницы, повествующие о бесмертных подвигах его героических сынов. Русские мореплаватели проникали в места, считавшиеся недоступными, открывали новые острова, реки, заливы, проливы, бухты, мысы, исследовали моря и океаны.

В этой связи «Правда» отмечала в июле 1951 года:

«Русский флот имеет славные традиции. Наш народ всегда любил морское дело. Русские моряки обогатили науку крупными открытиями, исследованиями, изобретениями. Им принадлежит честь открытия Тихоокеанского побережья Азии и Северной Америки, исследование самых различных частей Тихого океана»¹.

Но для «обоснования» корыстных целей господствующих классов капиталистических стран выполняющие их волю буржуазные историки и географы, дипломаты и юристы, явно искажая историческую правду, замалчивают великие заслуги русского народа в изучении нашей планеты и открытия русских моряков приписывают иностранным мореплавателям.

Буржуазные ученые, искажающие историю, всемерно стараются «доказать», что способность к мореплаванию присуща только англо-саксам, что великие географические открытия принадлежат лишь представителям этих наций.

Для подтверждения сказанного приведем такой пример. В недавно изданной книге Генри Р. Вагнер «Картография северо-западного побережья Америки до 1800 г.», претен-

---

¹ «Правда» № 210, 29 июля 1951 г.

дующей на научную безукоризненность, умышленно не опубликовано ни одной карты, составленной русскими во время Сибирско-Тихоокеанских экспедиций, в то время как всему миру известно, что именно русским мореплавателям и исследователям принадлежит первенство открытия и освоения северо-западной Америки и составления первых ее карт.

Показ исторической правды о действительной роли русского народа в истории мореплавания и географических открытий, основанная на фактах критика реакционных географов и историков является одной из актуальнейших задач советской исторической науки. Широкое и всестороннее освещение научных подвигов русских мореплавателей и исследователей будет служить делу воспитания у нашего народа чувства любви к Родине, делу укрепления дружбы народов и могущества великой страны социализма.

Исследования советских ученых-историков показали, что мореплавание на Руси зародилось очень давно. Уже в V—VI веках восточные славяне совершали смелые и далекие плавания по Черному и Балтийскому, Каспийскому и Средиземному морям.

В X—XII веках славяне, пользуясь речными и морскими путями сообщения, вели оживленную торговлю с Византией и прибалтийскими государствами, устанавливали прочные отношения с другими странами Западной Европы и Азии.

Характеризуя экономические и культурные связи Новгорода с другими странами в рассматриваемый период, К. Маркс писал: «В X веке его торговля распространялась до Константинополя, а в XII веке его корабли ходили в Любек; его жители сквозь дремучие леса проложили себе путь в Сибирь; неизмеримые пространства между Ладожским озером, Белым морем, Новой Землей и Онегой были ими несколько цивилизованы и обращены в христианство; они перепродавали в Европе азиатские и константинопольские полуфабрикаты, привозили в Россию европейские мануфактурные изделия; они били ливонских рыцарей-меченосцев»¹.

Новгородские мореходы на своих кочах плавали по бурным Белому и Мурманскому морям. Они побывали на острове Грумант (древнее русское название

---

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, стр. 156.

Шпицбергена) за несколько столетий до Баренца, которому буржуазные историки приписывают заслуги открытия Шпицбергена.

Новгородцы плавали по Ладоге, Неве, Финскому заливу. Они неоднократно отражали нападения шведов и немецких псов-рыцарей, стремившихся захватить русские земли. В истории борьбы Новгорода против иноземцев значительную роль играл русский военный флот.

Однако буржуазно-дворянские историки, игнорируя бесспорные факты в угоду иностранцам, утверждали, что в Новгородской земле и вообще на Руси флота до Петра I не было. «В конце концов мы приходим к заключению, — пишет Е. Квашнин-Самарин, — что Новгород не имел морского флота, ни военного, ни коммерческого»¹.

В самые тяжелые периоды истории нашей Родины любовь и интерес русских людей к морю не ослабевали. Так, в эпоху татаро-монгольского нашествия поморы продолжали совершать смелые плавания по Белому и Мурманскому морям. Плавания в суровых условиях способствовали выработке героического характера русского народа.

В центральной части русского государства в это время широко было развито судоходство по многочисленным рекам. В тяжелую пору татарского ига наш народ не только сохранил славные морские традиции, но и обогатился новым опытом в мореходном искусстве.

С ликвидацией феодальной раздробленности и образованием централизованного русского государства проблема завоевания выхода на моря и возвращения принадлежавших России земель, которые были захвачены шведами, польскими панами и немецкими рыцарскими орденами, приобрела первостепенное значение в укреплении русского государства. Выдающиеся деятели России XVI и XVII веков понимали, что без флота Россия не сможет сохранить положение независимой страны.

Особенно энергично боролся за выход на моря Иван Грозный. В 1552—1556 годах он ликвидировал Казанское и Астраханское ханства, представлявшие собой разбойничьи очаги, и тем самым нанес удар по захватническим

---

¹ Е. Квашнин-Самарин, Морская идея в русской земле, История допетровской Руси с военно-морской точки зрения, СПб., 1912 г., стр. 16.

планам турецких правителей. В результате присоединения Казанского и Астраханского ханств к Московскому государству Волга на всем ее протяжении оказалась в руках России. По ней и Каспийскому морю русские купцы стали вести оживленную торговлю со странами Ближнего Востока.

Во второй половине XVI века Иван Грозный предпринял практические шаги, направленные на завоевание выхода на Балтику. Разгромив на первом этапе Ливонской войны войска Ливонского ордена, он овладел значительной частью южного побережья Финского залива. В Нарве был создан торговый порт, ставший важным центром торгово-экономических связей России с западноевропейскими странами. Иваном Грозным была сделана попытка завести постоянный военный флот и создать для него военноморскую базу. Оценивая эту борьбу за выход на Балтийское море, К. Маркс писал: «Он был настойчив в своих попытках против Ливонии; *их* (Ивана Грозного и Петра I. — В. Д.) *сознательной целью было дать России выход к Балтийскому морю и открыть пути сообщения с Европой.* Вот причина, почему Петр I так им восхищался!»¹.

В конце XVII века выход на Балтийское море имел еще более важное, жизненное значение для русского государства. Борьба между западноевропейскими странами за овладение морскими коммуникациями, последовавшая за началом великих географических открытий, привела к росту морского вооружения этих стран, к появлению постоянных военных флотов. Особенно быстро возрастал численный состав английского флота, который использовался для колониальных захватов. Встретив на своем пути в Индию вокруг Африки сопротивление со стороны испанцев и португальцев, англичане стали усиленно искать новые дороги в страны Востока.

Чтобы пробиться к сказочным богатствам Индии и Китая, англичане и голландцы предприняли многочисленные попытки проложить новый путь — из Северного Ледовитого океана в Тихий океан. Причем западноевропейские колонизаторы преследовали не только торговые цели — они стремились огнем и мечом обратить народы других

---

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, стр. 165.

стран в своих рабов. Захватнические цели английских работорговцев с циничной откровенностью выразил английский поэт Майкл Дрейтон (1563—1631 г.):

Тысячу царств отыщем мы за морем,
Неся народам межусобицу и горе...
И земли нехристей объявим мы своими,
Которы Англии не слыхивали имя¹.

Стремясь захватить обширные территории Китая и Индии, а также и другие земли, англичане и голландцы пытались проложить путь в эти страны вокруг северной Азии.

В 1527 году Роберт Торн в письме к английскому королю Генриху VIII доказывал, что путь вокруг северной Азии позволит англичанам открыть множество стран и королевств; «причем, — говорится в письме, — для открытия их остался один путь — северный, ибо, как мы видим, из четырех стран света три уже открыты другими государствами... Таким образом, остается открыть указанные северные страны, что, как мне кажется, является только вашей миссией и долгом... этому благоприятствует также удобство положения и близость к оным вашего королевства»².

Автор письма считал, без всякого на то основания, что плавание будет по такому маршруту легким и откроет путь к странам, обладавшим несметными богатствами.

В 1553 году Себастьян Кабот, организовавший «Московскую компанию», снарядил экспедицию для достижения указанной цели. Экспедицию возглавили Хью Уиллоуби и Ричард Ченслер. Им были вручены специальные грамоты на имя королей, государей, властителей, живущих «в северо-восточной части мира на пути к могущественной империи Катай (Китай)»³.

В мае 1553 года флотилия Уиллоуби, состоявшая из трех судов, вышла из Депфорда в плавание. Она пересекла Северное море; но у северных берегов Норвегии налетевший шторм разбросал суда в разные стороны; корабль начальника экспедиции и еще одно судно были отнесены

---

¹ Дж. Бейкер, История географических открытий и исследований, М., 1950 г., стр. 144.

² Там же, стр. 145.

³ Там же.

к северо-восточному берегу Кольского полуострова. В 1554 году русские промышленники нашли эти два корабля с замерзшими трупами английских моряков, судно же Ченслера во время шторма было занесено в устье Северной Двины, где его спасли русские поморы. Таким образом английская экспедиция, поставившая целью отыскание Северного морского пути, потерпела полную неудачу.

В апреле 1556 года штурман Ченслера Стивен Барроу предпринял самостоятельное плавание для решения той же задачи. Ему удалось дойти до острова Вайгач, но из-за наступления полярной ночи, из-за боязни быть раздавленным льдами, Барроу в августе повернул к Кольскому полуострову. Весной следующего года Барроу пытался пробиться к устью Оби, но эта попытка также окончилась неудачей. Однако англичане не хотели отказаться от заманчивой идеи завоевания новых торговых путей. До конца столетия они предприняли еще несколько экспедиций.

Английские мореплаватели, несмотря на многочисленные попытки пробиться в Китай по Северному Ледовитому океану, не смогли достичь желаемой цели.

Не только Англия, но и другие западноевропейские государства также пытались найти путь в Китай через северо-восточный проход. Так, датская экспедиция, возглавляемая Дитмаром Блефкеном, в 1564 году отправилась к Новой Земле, чтобы от нее идти в Китай. Встретив на своем пути льды, экспедиция не могла пробиться в Карское море и возвратилась обратно.

В 1619 году датский король Христиан IV отправил корабль под командой капитана Мунка для отыскания северо-западного прохода. Потеряв всю команду, Мунк на небольшом судне с двумя матросами вернулся на родину. «Сим кончились датские предприятия, начатые для сыскания северо-западного прохода в Индию», — отмечал М. В. Ломоносов¹.

Большую активность в отыскании нового — северного пути проявляли голландцы.

В XVII веке соперничество между главнейшими западноевропейскими странами приняло еще более острые

---

¹ Цит. по книге В. А. Перевалова «Ломоносов и Арктика», М.—Л., 1949 г., стр. 80.

формы. Испания, стремясь сохранить свои колониальные владения, организовала несколько экспедиций для отыскания северо-западного прохода. Испанские мореплаватели доходили до Калифорнии. В 1592 году Хуан-де-Фука поднимался вдоль берега Северной Америки до 47° с. ш. Другой испанский мореплаватель Мартын Д'агвилар достиг Мексики и Калифорнии, но от дальнейшего плавания вынужден был отказаться.

Столь же неудачно закончились попытки английского мореплавателя Генри Гудсона отыскать путь в Тихий океан с запада.

Однако задачи, решение которых было не под силу иностранцам, успешно разрешили русские мореходы. Великий русский ученый М. В. Ломоносов восхищался отважными русскими людьми, которые с XVI века начали совершать успешные плавания в Арктике. «Из сих трудных к норд-осту морских походов и поисков явствует, что Россияне далече в оной край на промыслы ходили уже действительно близ двухсот лет»¹.

Особенно значительных успехов в борьбе за выход на моря русский народ достиг в XVII веке. Это было трудное для нашей Родины время. Турецкие и крымские татары совершали опустошительные набеги на южные границы России. Шведские феодалы и польские паны отторгли значительную часть Прибалтики, что закрывало выход русским судам в Балтийское море. Русский народ в ратном содружестве с украинцами, белоруссами, литовцами, эстонцами, латышами самоотверженно боролся за независимость своего государства.

В первой половине XVII века донские и запорожские казаки совершали походы против крымского хана и турецкого султана. Они не раз появлялись у стен Константинополя, что приводило в трепет столицу Оттоманской империи. Во время этих походов казацкие «чайки» показали замечательные мореходные качества. Запорожцы и донские казаки были отличными моряками и храбрыми воинами. Они смело вступали в бой с превосходящими силами противника и наносили ему сокрушительные удары.

Богатый опыт поморов и представителей казацкой вольницы в мореплавании был впоследствии использован русскими при освоении Сибири и Дальнего Востока. Освое-

---

¹ Цит. по книге В. А. Перевалова «Ломоносов и Арктика», стр. 103.

ние Сибири пошло особенно быстро после похода легендарного Ермака — покорителя Сибирского царства.

История присоединения Сибири — это эпопея героического труда, великой целеустремленности и необыкновенной отваги русских людей. Широкое участие народных масс, крестьянства и казацкой вольницы, в колонизации Сибири наложило на этот процесс свой ярко выраженный отпечаток, которого не имела колонизация англичан, французов, испанцев и других.

Если западноевропейские колонизаторы, открывая новые земли, устанавливали там режим рабства, то русский народ вносил в открываемые им земли свою передовую культуру, приобщая к ней коренных жителей.

Русский народ в освоении Сибири, а впоследствии и Дальнего Востока, играл решающую роль. Это было не случайным, а вполне закономерным явлением. Образование централизованного государства, его укрепление сопровождалось усилением эксплуатации трудового крестьянства, попадавшего в крепостную зависимость от помещиков. Чтобы спасти свою свободу, часть крестьян уходила за пороги Днепра и на Дон, другая часть устремлялась в Сибирь.

Таким образом, в великой борьбе за освоение Сибири участвовала наиболее сильная духом, а также предприимчивая часть русского народа.

Крестьяне, бежавшие от своих поработителей, шли в Сибирь через непроходимые дебри, плыли по бурным и многоводным рекам на челнах и плотках, переваливали через горные хребты. На пути их продвижения на восток возникали города, села и остроги, служившие опорными пунктами при дальнейшем освоении земель до самого Тихого океана. Московский царь направлял потом в остроги на воеводство «государевых людей».

В этом замечательном деле участвовало множество русских людей. Напомним лишь о наиболее выдающихся представителях русского народа, сыгравших огромную роль в исследовании и освоении необозримых просторов Сибири и Дальнего Востока.

- В 1648 году якутский казак Семен Дежнев с небольшим отрядом обогнул северо-восточную Азию. Это был замечательный подвиг — простой русский человек сделал великое открытие.

Поход Дежнева не был простым эпизодом или случай-

ным событием. Как отмечает А. В. Ефимов, он являлся лишь северным ответвлением единого процесса освоения Сибири: «Не эпизодом местного, второстепенного значения, а одним из крупных событий всемирной истории был поход Семена Дежнева и его спутников из Нижне-Колымского зимовья вниз по Колыме, а затем по бескрайним, суровым просторам Северного Ледовитого океана»¹.

Великое значение плавания Дежнева состояло в том, что в результате его было доказано существование пролива, отделяющего Америку от Азии. Семен Дежнев открыл и описал Чукотский полуостров. Его отважные сподвижники открыли Камчатку. «Дежнев, — пишет тот же исследователь, — оставил нам сведения о двух «островах зубатых», т. е. Диомидовых островах, теперь называемых островами Ратманова и Крузенштерна. Эти острова находятся как раз в середине Берингова пролива, немного больше, чем в 40 км от азиатского и американского берегов.

Весьма возможно, что кроме того часть экспедиции Дежнева открыла северную часть Америки со стороны Тихого океана, достигла Аляски и на берегу Кенайского залива в районе речки Киселевой (Кассиловой) основала поселение.

Вероятно, что с походом Дежнева связано открытие Аляски, но с полной уверенностью этого утверждать мы не можем... Дойдя до Анадыря и поднявшись вверх по реке, Дежнев построил Анадырский острог»². Поход Дежнева показал возможность плавания из Северного Ледовитого океана в Тихий океан. Собранные Дежневым материалы позволили составить представление об общих контурах восточной части Северного морского пути.

Буржуазные фальсификаторы истории стремятся всячески принизить научное значение открытия Семена Дежнева. Известный американский историк Гольдер, искажая историческую правду, высказал сомнение в том, что Дежнев дошел до реки Анадырь. В своей работе «Русская экспансия на Тихом океане», преследующей далеко не научные цели, о чем уже говорит название книги, Гольдер

---

¹ Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в., Сб. док., М., 1951 г., стр. 11.

² А. В. Ефимов, Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах, XVII-й — первая половина XVIII в., М., 1950 г., стр. 62.

пишет: «верить в то, что Дежнев открыл Берингов пролив только на основании его слов, что он проходил пролив, невозможно».

В этой же книге Гольдер, говоря о русских землепроходцах и мореходах, рассказывает о них всякие небылицы. Кроме того, он утверждает, что Дежнев, «может быть, не совершал и, может быть, и не пытался совершить подвига, который ему приписывают».

Далее американский фальсификатор в «доказательство» того, что Дежнев не свершил своего великого подвига, приводит такой «неопровержимый аргумент», как неудачный исход всех экспедиций... западноевропейских мореплавателей, которые не в состоянии были найти северо-восточный проход в Китай, Индию¹.

Действительно, иностранные мореплаватели и ученые не смогли решить целого ряда важнейших научных проблем. Но то, что не под силу было иностранцам, нередко успешно разрешали именно русские мореплаватели. Так, Лаперуз создал легенду о Сахалине, назвав его полуостровом, а Г. И. Невельской доказал, что это остров. Англичанин Кук, не сумевший достигнуть Антарктиды, был уверен, что шестая часть материка не существует. Однако М. П. Лазарев и Ф. Ф. Беллинсгаузен опровергли мнение английского мореплавателя и западноевропейских ученых, разделявших мнение Кука, авторитет которого для них был непререкаем. Все это свидетельствует о том, что Гольдер свое предположение «аргументирует» чистыми домыслами, умышленно фальсифицируя историю.

Еще раньше Дежнева казак Иван Москвитин в течение трех лет плавал по Охотскому морю. Он же сообщил первые сведения об Амуре.

В 1643—1646 годах Василий Поярков со своим отрядом, следуя по Амуру, достиг Охотского моря, обследовав значительную его часть.

Поярков и его соратники положили начало исследованию богатого Амурского края. Освоение Амура, начатое Поярковым, было продолжено Ерофеем Хабаровым. Возглавив отряд казаков, он дважды (1647—1651 гг.) ходил в места, где никто из европейцев до него не бывал, и на

---

¹ F. A. Golder, Russian expansion on the Pacific, 1641—1850, 1914 г., р. 94; обстоятельная критика взглядов американского автора по данному вопросу дана в книге Л. С. Берга «Открытие Камчатки и экспедиции Беринга», М.—Л., 1946 г., стр. 35—38.

берегах многоводного Амура основал новые остроги и первые поселения.

Замечательными результатами завершилась экспедиция Владимира Атласова, под командой которого находилось 120 человек. Небольшой отряд Атласова в 1697 году достиг Камчатского полуострова, подробно обследовал его и сообщил о Камчатке ценные сведения.

В результате титанических усилий русских людей в конце XVII века было завершено присоединение к России северо-восточной Азии, которая постепенно втягивалась в сферу экономических, политических и культурных связей России. И в этом большая заслуга тех русских людей, которых на пути их движения к Тихому океану не страшила неизвестность, не пугала сибирская стужа.

Подвигами землепроходцев и мореходов восхищались все прогрессивные деятели России. История присоединения к России Сибири, и в частности Камчатки, привлекла внимание гениального русского поэта А. С. Пушкина. В 1837 году Александр Сергеевич Пушкин составил конспект труда С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки», обратив особое внимание на его историческую часть. За несколько дней до своей смерти А. С. Пушкин составил план и набросок статьи о Камчатке. Оценивая напряженный труд русских людей по освоению далеких окраин нашего государства, великий поэт писал: «Завоевание Сибири постепенно совершалось. Уже все от Лены до Анадыри реки, впадающие в Ледовитое море, были открыты казаками, и дикие племена, живущие на их берегах или кочующие по тундрам северным, были уже покорены смелыми сподвижниками Ермака». Пушкин высоко оценивал бесстрашие и мужество русских людей, устремлявшихся «сквозь неимоверные препятствия и опасности» и осваивавших новые огромные районы Сибири и Дальнего Востока¹.

Основоположник советской литературы М. Горький восхищался подвигами, смелостью и отвагой Ермака и Дежнева, Хабарова и Крашенинникова, в славных делах которых он видел проявление неисчерпаемых творческих возможностей великого русского народа.

«Он, народ этот, без помощи государства захватил

---

¹ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. 9, М.—Л., 1949 г., стр. 467.

и присоединил Москве огромную Сибирь, руками Ермака и понизовой вольницы, беглой от бояр.

Он, в лице Дежнева, Крашенинникова, Хабарова и массы других землепроходцев, открывал новые места, проливы — на свой счет и за свой страх... Этим народом сделано много дела, у него есть большая история...»¹.

М. Горький очень метко подчеркнул, что русские люди совершали походы по собственной инициативе, на свой страх и риск, без существенной помощи государства.

Открытия русских землепроходцев и мореходов, их рассказы о землях, которые они посещали, и путях, которые они прокладывали, возбуждали большой интерес русского правительства и начинавшего в то время развиваться купечества.

Особенно большого размаха достигли экспедиции в Сибирь и за ее пределы во времена Петра I.

В начале XVIII века, в связи с укреплением абсолютистского государства, руководящая роль в организации изучения открытых земель перешла к правительству. Государство, как надстройка, активно воздействовало на исторический процесс, оказывало большое влияние на судьбы народа.

И. В. Сталин отмечает: «Всякий базис имеет свою, соответствующую ему надстройку. Базис феодального строя имеет свою надстройку, свои политические, правовые и иные взгляды и соответствующие им учреждения, капиталистический базис имеет свою надстройку, социалистический — свою»².

«Надстройка порождается базисом, но это вовсе не значит, что она только отражает базис, что она пассивна, нейтральна, безразлично относится к судьбе своего базиса, к судьбе классов, к характеру строя. Наоборот, появившись на свет, она становится величайшей активной силой, активно содействует своему базису оформиться и укрепиться, принимает все меры к тому, чтобы помочь новому строю доконать и ликвидировать старый базис и старые классы»³.

¹ М. Горький, История русской литературы, М., 1939 г., стр. 188.

² И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950 г., стр. 5.

³ Там же, стр. 7.

Эти четкие и глубокие положения помогают нам правильно понять и объяснить активную роль надстройки феодального общества, что особенно ярко видно из деятельности русского государства при Петре I и что во многом определяло, в частности, характер экспедиций первой половины XVIII века. А именно: многочисленные экспедиции, проводимые государством, преследовали не только научные цели, они служили также делу укрепления экономического и военного положения России, ставшей после Северной войны самым крупным государством в Европе.

Экономическое развитие русского государства, рост товарно-денежных отношений, образование единого все-русского рынка, интересы укрепления национальной независимости России — требовали решения проблемы выхода на моря. От решения данного вопроса зависела судьба России, ее дальнейшее историческое развитие.

«Ни одна великая нация, — писал К. Маркс, — никогда не существовала и не могла существовать в таком отдаленном от моря положении, в каком первоначально находилось государство Петра Великого; никогда ни одна нация не мирилась с тем, чтобы ее морские побережья и устья ее рек были от нее оторваны; Россия не могла оставлять устье Невы, этого естественного выхода для продукции северной России, в руках шведов, так же как устья Дона, Днепра и Буга и Керченский пролив в руках кочевых татарских разбойников»...

Таким образом, К. Маркс подчеркивает, что перед Россией в целом стояла проблема выхода на моря и к устьям рек. Перенесение Петром I столицы из Москвы в Петербург указывало на то, что русский царь, как говорит К. Маркс, намерен был активно действовать на Востоке и на Западе. Завоевание устья Невы Маркс рассматривал лишь как часть общей проблемы выхода на моря.

Без морских стратегических позиций, в условиях колониальной экспансии западноевропейских государств, невозможно было предотвратить вторжение иностранцев в русские земли.

Англия, развившая к этому времени большую активность в международных делах, стремилась укрепить свои позиции не только в колониях, но и на европейском континенте. Она пыталась достигнуть этого одновременно ослаблением своих континентальных союзников и соперников и натравливанием их друг на друга. Швеция в

течение 21 года вела войну с Россией только потому, что ее поддерживала Англия, флот которой находился в Балтийском море. Если Англия не вступила тогда в войну с Россией, то это произошло по той причине, что Петр I за короткое время сумел создать вполне современный флот и армию, показавшие высокую боеспособность.

Прежде всего в интересах безопасности государства Петр I стремился обеспечить надежный выход на Балтийское, Черное, Азовское моря и Тихий океан. Уже в 1723 году он решил послать экспедицию на Мадагаскар. Еще раньше были отправлены в Тихий океан экспедиции Я. Елчина, И. Евреинова и Ф. Лужина. Он сам разработал задание для Первой Сибирско-Тихоокеанской экспедиции. Все эти экспедиции Петр I рассматривал в общем стратегическом плане укрепления морских рубежей русского государства. Укрепление обороны государства было определяющим во внутренней и внешней политике России. Этим же целям отвечали планы Петра I относительно Дальнего Востока. И. В. Сталин, характеризуя политику абсолютистского государства Петра I, писал, что он, имея дело с более развитыми странами на Западе, лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны¹.

Первая и Вторая Сибирско-Тихоокеанские экспедиции² имели важное значение в укреплении позиций России на Тихом океане. В результате этих экспедиций были разработаны практические меры по освоению Дальнего Востока. Выдающуюся роль в этом деле сыграл Чириков.

Ставя перед собой задачу более или менее разностороннего освещения деятельности А. И. Чирикова, автор

---

¹ И. В. Сталин, Сочинения, т. 11, стр. 248.

² В русской дореволюционной и советской исторической и географической литературе существуют различные наименования экспедиций на Тихий океан, проводившихся с 1725 по 1743 годы: «Первая Камчатская экспедиция Беринга», «Вторая Камчатская экспедиция Беринга», «Великая Северная экспедиция», «Экспедиции Беринга», «Экспедиция Беринга» и т. д. А. В. Ефимов в своем исследовании «Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах» указанные нами две экспедиции называет Сибирско-Тихоокеанскими; Д. М. Лебедев такие наименования экспедиций считает более правильными, чем другие. В данной книге приняты указанные выше названия, поскольку они наиболее полно соответствуют целям этих экспедиций и точнее отражают район их деятельности.

в настоящей работе стремится провести следующие основные положения.

1. Сибирско-Тихоокеанские экспедиции являются составной частью борьбы за выход на моря.

Эта проблема, обусловленная экономическими, политическими, стратегическими потребностями и связанными с ними научными интересами, всегда имела жизненно важное значение для нашей страны. Поэтому в данном исследовании кратко излагается борьба передовых русских людей за укрепление позиций России на Тихом океане.

Эта борьба имела целью предупредить колониальную экспансию в отношении русских владений в Сибири, на Дальнем Востоке и Тихом океане со стороны англичан, испанцев и португальцев, достигших в начале XVIII века Японии, Калифорнии, атлантического и арктического побережий Северной Америки.

2. А. И. Чириков был ученым и мореплавателем с широким политическим и стратегическим кругозором. Его предложения по освоению и укреплению безопасности Дальнего Востока имели важное значение для русских экспедиций, проводившихся в Тихом океане в течение XVIII и первой половины XIX века.

3. Значение великих открытий и научных результатов экспедиций русского флота, возглавлявшихся Чириковым и Берингом, может быть верно понято только при рассмотрении их в исторической перспективе.

Великие географические открытия русского флота в XVIII и XIX веках служат ярким доказательством того, что русские люди превзошли иностранцев как по широте научных интересов, так и по важности достигнутых результатов.

4. Наиболее ярко дарование Чирикова, как ученого и мореплавателя, проявилось во время Первой и Второй Сибирско-Тихоокеанских экспедиций. Изучение документальных материалов показало выдающуюся роль Чирикова в этих экспедициях, в особенности в подготовке Второй Сибирско-Тихоокеанской экспедиции и в руководстве ею, а также в обобщении материалов экспедиции и составлении карт.

Все северные и тихоокеанские отряды выполняли частные задачи экспедиции в интересах достижения единой, главной цели — выхода на Тихий океан и освоения северной его части. Поэтому по возможности полно освещается

лишь деятельность тихоокеанского отряда, непосредственно возглавлявшегося Чириковым и Берингом.

5. Героизм и самоотверженность русских моряков сыграли решающую роль в достижении успехов невиданного в истории научного предприятия. Вместе с тем, выдающиеся результаты плавания по неизведанным морским путям, при отсутствии морских карт, в сложных метеорологических условиях, были бы немыслимы без наличия у русских офицеров глубоких разносторонних теоретических знаний, полученных ими в Московской математико-навигационной школе и в Морской академии, без большого опыта в области морской практики.

При освещении указанных вопросов в данной работе встретились значительные трудности, так как после смерти Чирикова за период, превышающий двести лет, о жизни и деятельности этого замечательного сына русского народа не было написано ни одной специальной работы, сравнительно слабо были изучены архивные материалы. Особенно мало материалов о годах учебы мореплавателя в Морской академии и его преподавательской работы в ней. Еще меньше дошло до нас документов о деятельности Чирикова после возвращения его с Дальнего Востока в Петербург.

Имя мореплавателя, так же как и имена других отважных исследователей — Лисянского, Лазарева, Головнина, Невельского и многих других, совершивших великие открытия, — в условиях царской России было предано почти полному забвению.

Большинство дореволюционных исследователей дальневосточных экспедиций ограничивалось в лучшем случае указанием на то, что Чириков был отважным и искусным мореплавателем, но не давало оценки его научной деятельности. Все авторы, писавшие о Чирикове, за исключением А. П. Соколова, обходили вопрос о его роли в разработке практических мер по освоению Дальнего Востока и укреплению его военного положения. Совершенно выпал из поля зрения дореволюционных исследователей вопрос о значении Чирикова в развитии русской картографии.

Это было проявлением неверия русского дворянства и буржуазии в творческие силы русского народа и свидетельствовало о рабелепии господствующих классов перед иностранщиной. Незначительные путешествия иностран-

ных мореплавателей, нередко приписывавших себе открытия русских моряков, высоко превозносились, в то время как выдающиеся открытия русских моряков умышленно замалчивались. В этой связи уместно вспомнить следующие слова публициста Романова, высказанные еще в прошлом веке: «Если бы подобные действия были совершены где-либо иностранцами, то мы давно бы затвердили имена их наизусть, боясь показаться варварами перед образованной Европой»¹.

По фальсификации истории и значения великого открытия Чирикова много сделал французский географ и шпион Жозеф Николя Делиль, служивший в России с 1726 по 1747 год в качестве «научного консультанта». Он, в частности, выкрал журналы и карты экспедиции Беринга и Чирикова и выпустил в Париже брошюру под названием «Объяснение к карте новых открытий на севере Южного моря», в которой дал объяснение составленной им «Генеральной карты открытий адмирала де-Фонте и других мореплавателей, испанских, английских и русских в поисках пролива в Южном море». Честь первооткрытия северо-западной Америки Ж. Делиль нагло приписывал своему брату Делилю де ла Кройеру, находившемуся во время плавания 1741 года на корабле Чирикова «Св. Павел». Это тем более возмутительно, что истинная роль Делиля де ла Кройера была совсем иной: он только и делал, что сильно вредил русской экспедиции да пьянствовал. Ж. Делиль своими «трудами» ввел в заблуждение многих ученых. Именно поэтому Вольтер, пользовавшийся при написании истории России времен Петра I материалами Ж. Делиля, не назвал даже имени Чирикова.

Русские прогрессивные деятели науки, отстаивавшие интересы своего народа, честь и достоинство России, боролись против искажения исторической правды, против умаления роли русских моряков в великих географических открытиях. Так, М. В. Ломоносов в своих замечаниях на первоначальный вариант упомянутой работы Вольтера сделал такое указание, имеющее принципиальное значение: «В американской экспедиции через Камчатку не упоминается Чирикова, который был главным и прошел далее, что надобно для чести нашей». Чтобы восста-

---

¹ Цит. по книге Г. И. Невельского «Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России», М., 1947 г., стр. 330.

новить действительную роль Чирикова, Ломоносов предложил «послать к сочинителю карту оных мореплавателей»¹.

Таким образом, Ломоносов почти двести лет назад подчеркнул, что Чирикову принадлежала руководящая роль в Сибирско-Тихоокеанских экспедициях. Этим был нанесен серьезный удар по измышлениям Ж. Делиля, собиравшего по заданию французского правительства шпионские сведения о России. Однако отмеченное выше указание Ломоносова вскоре было забыто.

В середине XIX века вновь всплывает вопрос о роли Чирикова в Сибирско-Тихоокеанских экспедициях. Так, в январе 1848 года академик-натуралист К. М. Бэр прочитал доклад в Географическом обществе, а затем опубликовал статью о заслугах Петра I в распространении географических познаний. Бэр отмечал лишь заслуги Беринга. Имя Чирикова он упомянул лишь вскользь, говоря о нем в следующих выражениях:

«Чириков был счастливее. Разлученный бурей с Берингом, он достиг Америки и выслал на берег два бота с людьми, которые никогда более не возвращались. Сам он с остальным экипажем возвратился благополучно в Камчатку и в Европу, где, впрочем, также вскоре умер».

В ответ на эту статью Бэра морской историк А. П. Соколов выступил с большой документально аргументированной статьей «Чириков и Беринг», опубликованной в двух номерах «Северной пчелы» за 1849 год.

Используя архивные материалы и главным образом шканечные журналы пакетботов «Св. Петр» и «Св. Павел», Соколов показал, что Чириков превосходил своего начальника как в области морского искусства, так и в научном и нравственном отношении. Из шканечного журнала, который вел Чириков, видно, что он был ученым с разносторонними интересами. В журнал занесено много ценных наблюдений, представляющих интерес для мореплавателей, этнографов, географов и ученых других областей науки.

А. П. Соколов в общем правильно оценил заслуги Чирикова, но и он не оставил о нашем замечательном соотечественнике специального исследования. Не распола-

---

¹ Цит. по книге В. А. Первалова «Ломоносов и Арктика», стр. 84.

гая рядом ценных документов, Соколов не смог показать руководящей и организующей роли Алексея Ильича Чирикова в экспедиции. Что касается большой работы, выполненной Чириковым по обобщению материалов экспедиции, то Соколов этого вопроса почти не касался.

В работе Соколова содержатся и более существенные недостатки. В силу буржуазной ограниченности он не понял социальных причин внутренней борьбы, происшедшей между участниками экспедиции. Все разногласия руководителей экспедиции он сводил к мелким дразгам, между тем это была борьба двух направлений — прогрессивного и реакционного. Прогрессивное направление было представлено Чириковым, Хитровым, Чихачевым, реакционное — иностранцами Шпанбергом и де ла Кройером, Вальтоном и другими, переносившими в условия русской действительности чуждые порядки. Представители прогрессивного направления вели борьбу за честь и достоинство России, за установление дружественных отношений с коренными жителями и русскими пашенными крестьянами и казаками. Они считали, что лишь при этом условии Россия могла прочно утвердиться на Тихом океане.

Недостатком труда Соколова является и то, что в нем слабо показана роль в экспедиции матросов.

В советское время много и плодотворно работал над историей исследования Камчатки и Тихого океана академик Л. С. Берг, опубликовавший по этому вопросу ряд работ. Мы лишь кратко рассмотрим наиболее значительный его труд «Открытие Камчатки и экспедиции Беринга». Первое издание этой книги вышло в свет в 1924 году, второе — в 1935 году и, наконец, последнее — в 1946 году.

В указанной работе, написанной в географическом плане, имеется также много ценных сведений по этнографии, зоологии и т. д. Существенным недостатком книги является то, что Чирикову, основному руководителю экспедиции, автор уделяет очень мало внимания. Плаванию пакетбота «Св. Павел» даже в своем исправленном и дополненном издании он отвел всего лишь шесть страниц¹.

Однако главный недостаток работы заключается в том, что автор этого фундаментального исследования не

---

¹ Л. С. Берг, Открытие Камчатки и экспедиции Беринга, стр. 279—285.

показывает руководящей роли Чирикова в организации и подготовке экспедиции, определении ее целей, руководстве ее деятельностью. Берг совершенно не осветил вопроса об исключительных заслугах Чирикова в развитии картографии и разработке им практических предложений, намечавших эффективные меры по развитию производительных сил края, укреплению его безопасности. Академик Берг главную роль в обеих экспедициях отводит Берингу, о чем говорит само название его книги.

Уместно еще отметить, что Берг также допускает ошибочное толкование целей экспедиции, утверждая, что она ставила перед собой только решение задачи географического характера — соединяется ли Азия с Америкой¹.

Рассматривая предложение Ф. С. Салтыкова, подавшего в 1714 году проект Петру I «О взыскании свободного пути морского от Двины реки, даже до Омурского устья и до Китай», Берг совершенно необоснованно полагал, что этот проект был составлен под влиянием англичан. «Без сомнения, — пишет он, — идею о возможности завести торговлю с Китаем Северным морским путем («кругом Сибирского берега») Салтыков заимствовал от англичан, которые долго не оставляли намерения открыть северо-восточный проход кругом Азии»².

Из этого следует, что академик Берг рассматривает Сибирско-Тихоокеанские экспедиции в отрыве от социально-экономических условий России первой половины XVIII века. Как известно, абсолютистское государство Петра I вело настойчивую борьбу за завоевание выхода на моря. Эта проблема уже во второй половине XVI века рассматривалась государственными деятелями России как очень актуальная; экономическое и политическое развитие русского государства в условиях, когда западноевропейские государства вынашивали планы покорения русского народа, зависело в значительной мере от решения этой задачи.

Крупные ошибки при освещении Сибирско-Тихоокеанских экспедиций допустили и другие авторы. Так, Б. Г. Островский умалчивает о Чирикове, незаслуженно и непомерно восхваляет иностранцев, находившихся на

---

¹ Л. С. Берг, Открытие Камчатки и экспедиции Беринга, стр. 123.

² Там же, стр. 10.

русской службе и участвовавших в Сибирско-Тихоокеанских экспедициях, принижает уровень развития русской географической науки и прочее¹.

Тем самым дается извращенная картина экспедиций, неправильно оценивается в них роль русских мореплавателей и ученых. На самом же деле экспедиции достигли значительных результатов благодаря усилиям русских моряков, геодезистов, крестьян, местных коренных жителей Камчатки. Чириков, Хитров, Елагин, шкипер Белый и многие другие собрали самые разнообразные материалы, относящиеся к различным вопросам науки. Иностранцы воспользовались этими материалами, а зачастую просто присваивали себе открытия русских ученых.

Картографирование огромных просторов Сибири и северо-восточной части Тихого океана, так же как и описание побережья Северного Ледовитого океана, были выполнены русскими моряками и геодезистами, обладавшими всеми необходимыми теоретическими и практическими знаниями. Опыт экспедиций и их итоги показали, что русские люди горячо интересовались различными вопросами науки. В результате петровских преобразований Россия в первой половине XVIII века сделала значительный шаг по пути прогресса науки, заняла одно из первых мест среди западноевропейских стран.

Знаменитый французский писатель, поэт, историк и философ Вольтер в письме к Шувалову от 20 апреля 1758 года писал: «На земле нет примера иной нации, которая достигла бы таких успехов во всех областях в столь короткий срок. Вам понадобилось полстолетия, чтобы овладеть всеми полезными и приятными знаниями и искусствами»².

За последние тринадцать лет проделана значительная работа по изучению русских географических открытий в Тихом океане. В 1941 году был издан сборник документов под заголовком «Экспедиция Беринга», подготовленный А. А. Покровским. В указанный сборник были включены материалы Первой и Второй Сибирско-Тихоокеанских экспедиций. В него вошло также несколько интересных документов, характеризующих деятельность Чирикова, его собственные рапорты, письма и донесения.

---

¹ Б. Г. Островский, Беринг, Л., 1939 г.

² Цит. по книге К. Н. Державина «Вольтер», М., 1946 г., стр. 259.

Однако при отборе материалов А. А. Покровский, на наш взгляд, придерживался неправильной установки. Он считал, что экспедиции на Тихий океан были снаряжены для решения торговых задач, в первую очередь для установления торговых отношений с колониальными владениями западноевропейских государств в Америке. Чувствуя непрочность такого утверждения, он отмечает: «Правда, ни в наказе самого Петра Берингу, ни в инструкциях гр. Апраксина, прямо не упоминается о необходимости завязать торговые сношения с вновь открытыми землями».

Далее же Покровский, не опираясь на документы, заявляет, «что одной из главных побудительных причин, вызвавших к жизни Первую экспедицию Беринга, было именно желание проложить новые торговые пути... Выбор Петра остановился именно на нем (Беринге. — В. Д.) потому, что он совершил плавание в Ост-Индию и, кроме того, обладал теми качествами, которые особенно были нужны для лица, которому было поручено разрешение вопросов, связанных с возможностью установить новые торговые связи»¹.

Неправильно определив цели экспедиции, составитель сборника отбирал документы таким образом, чтобы подтвердить выдвинутую им концепцию. По этой причине в сборник не вошли документы, раскрывающие подлинные цели названных экспедиций, в него не были помещены предложения Чирикова относительно освоения Дальнего Востока, выпали из поля зрения составителя картографические материалы. Поэтому помещенные в сборнике материалы не позволяют составить достаточно полного представления о масштабах деятельности экспедиции, ее научных и политических итогах.

Сборник даже и назван был неправильно, в чем сказалась недооценка значения заслуг Чирикова. На это указывает и то, что Покровский включил в сборник шканечный журнал пакетбота «Св. Петр», а корабельный журнал пакетбота «Св. Павел», представляющий очень большой интерес, включен в сборник не был.

Из советских историков наиболее полно и верно оценил научные заслуги Чирикова и его руководящую роль во Второй Сибирско-Тихоокеанской экспедиции член-коррес-

---

¹ Экспедиция Беринга, сборник документов, подготовил к печати А. Покровский, М., 1941 г., стр. 25.

пондент Академии наук СССР А. В. Ефимов. В своей работе «Из Истории русских экспедиций на Тихом океане»¹ А. В. Ефимов опубликовал две карты, составленные Чириковым в 1746 году, что значительно обогатило наши представления о великом мореплавателе. В другом исследовании того же автора² были опубликованы документы о дате рождения Чирикова, что также представляет большой научный интерес, поскольку биографические материалы о великом мореплавателе весьма скудны. Но в трудах, посвященных проблеме географических открытий в целом, А. В. Ефимов, естественно, не имел возможности дать более или менее разностороннее освещение жизни и деятельности Чирикова.

В 1951 году вышло в свет исследование Д. М. Лебедева «Плавание А. И. Чирикова на пакетботе «Св. Павел» к побережьям Америки»³. Представляет несомненный интерес то, что автор в своей книге опубликовал судовой журнал пакетбота «Св. Павел». Капитан 2-го ранга Г. К. Шумейко, участвовавший в подготовке названного издания, дал обстоятельный анализ судового журнала с точки зрения современных научных знаний. В книге содержится ценный материал, характеризующий Чирикова как талантливого мореплавателя и ученого.

Таким образом, в работах советских исследователей дана принципиальная оценка научной деятельности Чирикова, подчеркнута его выдающаяся роль в развитии отечественного мореплавания и географической науки.

В настоящей работе делается попытка, на основе привлечения ранее не известных в исторической науке документальных материалов и критического пересмотра вышедшей по данному вопросу литературы, показать по возможности жизнь и разностороннюю деятельность А. И. Чирикова, замечательного сына великого русского народа, талантливого ученого и патриота.

---

¹ А. В. Ефимов, Из истории русских экспедиций на Тихом океане, М., 1948 г.

² А. В. Ефимов, Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах, XVII-й — первая половина XVIII в., М., 1950 г.

³ Д. М. Лебедев, Плавание А. И. Чирикова на пакетботе «Св. Павел» к побережьям Америки. С приложением судового журнала 1741 г., М., 1951 г.

Исследования и географические открытия Чирикова в Тихом океане являются великим вкладом в отечественную науку. Они способствовали укреплению позиций России на берегах Великого океана. Его жизнь была примером бескорыстного служения Родине. Преданность патриотическому долгу давала ему моральные силы, а глубокие научные и практические познания позволяли действовать уверенно и решительно в достижении поставленной цели. В самые опасные минуты он сохранял самообладание и твердость духа. Героический образ великого мореплавателя и талантливого ученого дорог и близок нашему народу.

УЧАСТИЕ А. И. ЧИРИКОВА В ПЕРВОЙ СИБИРСКО-ТИХООКЕАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

ГОДЫ УЧЕБЫ И НАЧАЛО НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
А. И. ЧИРИКОВА

ЛЕКСЕЙ ИЛЬИЧ ЧИРИКОВ родился в 1703 году¹. Его отец служил в Киевской губернии комендантом, а в Московской губернии имел 20 крестьянских дворов. Сам Чириков о своем дворянском происхождении и о трудном положении так писал в рапорте Адмиралтейств-коллегии в октябре 1742 года: «За долговременную бытностью моею в экспедиции дом и деревни, которые имею, хотя небольшие, без призрения, разоряются».

¹ До последнего времени не был известен год рождения А. И. Чирикова. Только в 1949 г. член-корреспондент АН СССР А. В. Ефимов нашел документы, из которых видно, что Чириков родился в 1703 г. (А. В. Ефимов, Из истории великих русских географических открытий, стр. 282—284).

В 1951 г. автору этих строк удалось в фонде Миллера Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА) найти родословную Чирикова, доведенную, к сожалению, только до 1641 г. Этот документ представляет значительный научный интерес. По этому документу предков Чирикова удается проследить до «головы казачьей» Федора Большого Яковлева.

Первые известия о роде Чириковых относятся к 1578 г. Далее имеется указание, что в «1596 г. дьяк Григорий Чириков посылан в луг за разбойниками». В 1633 г. Чириковы участвовали в борьбе против польских панов, державших Москву в течение восьми месяцев в осаде. За воинские доблести «Муромским Мяките да Алексею Гри-

Мальчик Алеша жил в Москве за Пречистенскими воротами «в приходе у церкви у Покрова Богородицы у дяди своего родного у Ивана Родивонова, сына Чирикова». В семье своего дяди он, повидимому, получил первоначальное образование. Он был слабого телосложения, по его собственным словам, «от природы не крепок». Но сколько в этом человеке впоследствии было энергии и выносливости. Движимый стремлением содействовать возвышению России и служить прославлению своего народа, Чириков не щадил ни сил, ни здоровья; не только сам терпеливо выносил тяготы путешествия, но и умел в трудную минуту поддержать других, оживить их своей душевной бодростью.

В 1715 году двенадцатилетнего Алешу Чирикова определили в Математико- навигацкую школу.

Эта школа была создана по указу Петра I от 14 ноября 1701 года, в котором было сказано: «быть математических и навигацких, то-есть мореходных, хитростно наук учению». Математико- навигацкая школа была первым военно-морским учебным заведением в России и сыграла огромную роль в подготовке офицерских кадров для военного флота.

Создание боеспособной армии и флота Петр I считал одной из важнейших задач своей государственной и военной деятельности. Еще в апреле 1702 года в своем манифесте Петр I, определяя назначение вооруженных сил, писал: «того ради помышляли мы... как бы обезопасить пределы наши от нападения неприятельского и сохранить права и преимущества нашего государства... Для достижения сих благих целей мы наипаче старались о наилучшем учреждении военного штата, яко опоры нашего государства, дабы войска наши не токмо состояли из хорошо обученных людей, но и жили в добром порядке и дисциплине»¹.

Боярин Оружейной палаты Ф. А. Головин, которому была подчинена Математико- навигацкая школа, затратил

горьевым детям Чирикова после московской осады» были подарены вотчины.

В последующие годы Чириковы были воеводами, служили при Большом дворце, выполняли дипломатические поручения в Персии, Турции (ЦГАДА, ф. Миллера, д. 285, л. 127—127/об.).

¹ Цит. по книге С. М. Соловьева «История России с древнейших времен», кн. 3, СПб., ст. 1344.

много сил и труда для того, чтобы школа готовила кадры именно таких офицеров, какие нужны были Петру I.

Согласно царскому указу, набор учеников проводился в основном на добровольных началах. Охотников учиться из простого народа было немало. Но помещикам и купцам нужны были такая армия и такой флот, которые бы надежно защищали их интересы. Поэтому командование кораблями и полками можно было поручить только представителям господствующих классов.

Однако многих детей дворян и бояр совсем не привлекало тяжелое и опасное ремесло военного моряка. Поэтому Петр I неоднократно издавал указы о наборе боярских детей для обучения морскому делу «со принуждением». Все же в Математико-навигационной школе учились и дети служилых людей, крестьян, ремесленников, разорившихся дворян. Ученикам, родители которых были несостоятельными, выплачивалось жалование в таких размерах: «и учинить неимущим во прокормление поденой корм, усмотря арифметике, или геометрии, ежели кто сыщется отчасти искусным, по пяти алтын, а иным по гривне и меньше, рассмотрев коегждо искусства учения».

Воспитанники усердно изучали общеобразовательные и специальные военно-морские науки. В первом номере русской газеты «Ведомости» от 2 января 1703 года сообщалось: «в математической штурманской школе больше 300 человек учатся и добре науку приемлют».

В то время в школе преподавал видный русский математик Леонтий Филиппович Магницкий. Составленный им учебник «Арифметика, сиречь наука числительная» представлял собой универсальный труд, который включал основы алгебры и геометрии, астрономии и навигации. К учебнику были приложены математические и астрономические таблицы. «Арифметика» Магницкого была основным пособием по математическим наукам для воспитанников Математико-навигационной школы, а затем и Морской академии. По ней училось несколько поколений русских моряков.

Магницкий знал свой народ, его способности и сделал все для того, чтобы его соотечественники хорошо овладели сведениями по различным областям знания и продолжали обогащать науку. Это свое стремление он выразил в одном стихотворении, которое было опубликовано в учебнике и содержало такие строки:

Зане разум весь собрал и чин
природной русский, а не немчин.

Ученый и педагог, Л. Ф. Магницкий умел возбуждать у своих учеников интерес к знанию и развивать у них высокие моральные качества.

Среди преподавателей школы были англичане. Свои обязанности они выполняли недобросовестно, стремились опорочить учеников, обвиняя их в неспособности, поощряли нерадивых и, напротив, притесняли тех, которые проявляли интерес и способности к науке.

Английские учителя возненавидели и талантливое русского математика Магницкого. Дьяк Оружейной палаты А. А. Курбатов, один из организаторов школы, в письме к Ф. А. Головину восторженно отзывался о педагогической деятельности Магницкого и порицал надменных англичан, чинивших всяческие препятствия Леонтию Филипповичу.

«Англичане учат их той науке, — пишет Курбатов, — чиновно, а когда временем загуляются или, по своему обыкновению, почасту и долго проспят», тогда в классах появляется Магницкий, «который непрестанно при той школе бывает и всегда имеет тщание не только к единому ученикам в науке радению, но и ко иным к добру поведением, в чем те англичане, видя в школах его управление не последнее, обязали себя к нему, Леонтию, ненавидением». Английские учителя создавали для Магницкого невыносимую обстановку, и Курбатов решительно выступил в защиту Магницкого, заявив, что английские учителя «хотя в навигаторы написаны, только до Леонтия наукой не дошли»¹.

Именно Леонтию Филипповичу Магницкому Алексей Чириков был обязан теми знаниями, которые он приобрел в Математико-навигационной школе.

В 1716 году Чирикова переводят в Морскую академию. Эта Академия была создана в С.-Петербурге в 1715 году по инициативе Петра I. Создание Академии было вызвано быстрым ростом российского флота, для нужд которого требовалось много офицеров, кораблестроителей, навигаторов.

Царским указом от 20 декабря 1715 года предписывалось: «Которые есть в России знатных особ дети, тех всех

---

¹ Цит. по книге С. М. Соловьева «История России с древнейших времен», кн. 3, ст. 1346.

от 10 лет и выше выслать в школу С.-Петербургскую, а в чужие края не посылать, и чтоб оные недоросли высланы были нынешнею зимою»¹. Этой школой и была Морская академия.

Ядром Академии были 20 лучших учеников Московской математико-навигационной школы, которых для продолжения учебы перевели в новую столицу. В числе этих юношей был и А. И. Чириков.

В Морской академии преподавались следующие дисциплины: арифметика, геометрия с алгеброй, тригонометрия плоская, навигация меркаторская, навигация круглая, ведение шханечного и навигационного журнала, астрономия, география, геодезия, артиллерия, фортификация, черчение, толкование корабельного гола (кораблеведение и корабельная архитектура), такелажные работы, рапирная наука, экзерциции с мушкетами, политика, геральдика, гражданская архитектура, гражданские законы и другие «шляхетские науки», а также семь иностранных языков (вероятно по выбору): английский, французский, немецкий, шведский, датский, итальянский и латинский.

Следует отметить, что Петр I обращал серьезное внимание на то, чтобы морские офицеры имели достаточные познания по геодезии. Это не случайно. Перед русским правительством стояла важная задача — установить размеры государства, необъятные просторы которого раскинулись на два материка, определить координаты городов и крупных населенных пунктов. Для выполнения этой задачи требовались специалисты. С этой целью в программу обучения офицеров флота и была включена геодезия. Получив подготовку по этому предмету, русские моряки успешно проводили геодезические съемки побережья с моря и выполняли аналогичные работы на суше. С течением времени выявилась потребность в особо подготовленных для этих целей специалистах. В связи с этим при Морской академии был образован специальный класс; лица, окончившие этот класс, назывались геодезистами. Еще при жизни Петра I их направляли в Сибирь и европейскую часть России для определения широт и долгот городов и населенных пунктов.

С 1723 года, по указу Адмиралтейств-коллегии, в Морской академии стали преподавать теорию кораблестроения.

---

¹ Петербург петровского времени, Очерки, Л., 1948 г., стр. 97.

Для этой цели привлекались опытные корабельные мастера и искусные офицеры, которые обучали будущих кораблестроителей шесть дней в месяц: «толкованию строения кораблей и пропорций всех частей кораблей по утру два часа и пополудни два часа».

Определенные в Морскую академию дворяне должны были закончить обучение в положенный срок, в случае же, если кто-нибудь «в такое время науки не постигнет (не приемлет), таких посылать в матрозы».

Особое внимание уделялось также подготовке будущих офицеров по вопросам навигации.

В основу учебных программ было положено указание Петра I, которое он четко сформулировал еще в 1710 году: «Учиться навигации зимою, а летом ходить на море на воинских кораблях и обучать, чтоб возможно было оным потом морскими офицерами быть».

Большое значение придавалось в Морской академии и практическому обучению. Все гардемарины должны были некоторое время отслужить простыми солдатами или матросами под руководством русского морского офицера. В инструкции говорилось, что гардемарины «должны служить как солдаты и нести то же бремя без всякой отмены». Согласно расписанию, практическим занятиям гардемарин ежедневно отводилось четыре часа. В первый час они занимались кораблевождением под руководством штурмана, второй час — теорией и практикой артиллерийской стрельбы, в третий час под руководством боцмана упражнялись в постановке парусов и их управлении, в последний час — стрельбой из мушкета.

Кроме этого, все гардемарины, независимо от успехов в науках, должны были под руководством боцмана по очереди участвовать в такелажных работах. Они должны были сами выполнять обязанности простого рабочего — «работать своими руками и обучаться прямой работою, дабы всякий знал оную, и мог указать во время нужды», что делать. Таким образом, гардемарины получали серьезную практическую подготовку по всем вопросам морского дела.

Гардемарины учились также производить астрономические наблюдения и вести вахтенный журнал. После окончания курса практического плавания они возвращались в Морскую академию для теоретического обучения. При этом треть гардемарин по очереди проходила практику

на острове Котлин, где они принимали участие в ремонте судов. Строевому делу и воинскому уставу гардемарин обучали армейские офицеры.

Но самым существенным в системе подготовки командных кадров для молодого флота было то, что офицеров воспитывали в духе активности, решительности, инициативы, сознания воинского долга и чувства ответственности перед отчизной. В отличие от системы воспитания во флотах западноевропейских государств, целью которой была подготовка офицеров в духе педантичного выполнения правил, инструкций, уставов, Петр требовал отличать дух закона от его буквы. Петр I требовал: «не держаться устава, яко слепой стены», но твердо уяснить себе, что в уставах «порядки писаны, а времен и случаев нет». Эти слова Петра послужили А. И. Чирикову руководящим принципом в его практической деятельности.

Сочетание в Морской академии теоретического обучения с практическими занятиями обеспечивало подготовку всесторонне образованных офицеров, прекрасно овладевших всеми доступными в то время знаниями. Офицеры, окончившие Морскую академию, по уровню своей теоретической и практической подготовки стояли выше иностранцев, находившихся на русской службе. Это превосходство русские морские офицеры ярко показали во многих боевых походах и путешествиях.

Таким образом, уже в начале XVIII века устанавливались великие традиции русского флота. Воспитанные на этих традициях русские моряки высоко несли славу своей родины.

Во время своего пребывания в Морской академии Чириков с исключительным усердием и прилежанием изучал математику, астрономию, навигацию, кораблестроительное дело. Отличаясь незаурядными способностями и пытливым умом, он преуспевал во всех науках. Глубокие географические познания и всесторонняя научная деятельность Чирикова дают основание заключить, что он особенно увлекался географией, раскрывавшей ему интереснейшую картину жизни в самых отдаленных уголках нашей планеты¹.

---

¹ Д. М. Лебедев в своей работе «География в России петровского времени», М.—Л., 1950 г. приводит многочисленные убедительные доказательства огромного интереса в России к географической науке.

В 1721 году Чириков очень успешно окончил Морскую академию, благодаря чему через чин мичмана был произведен в унтер-лейтенанты. В следующем году его назначили в Балтийский флот, где началась для него новая жизнь. Плавание на кораблях расширяло его знания в астрономии, артиллерии, навигации и других военно-морских науках. Он старался вникать во все стороны военно-морского дела. Ему хотелось все знать и все уметь. Чириков хорошо представлял себе, что морская служба требует от моряков не только больших знаний, но и многогранного практического опыта, поэтому он не уклонялся от самой тяжелой работы. Он управлял парусами, стоял у штурвала в штормовую погоду, заделывал пробоины, прокладывал курс, а также вел корабельный журнал, куда записывал все замеченное. Ничто, достойное внимания, не ускользало от него. Это развивало в нем наблюдательность, которая сослужила ему добрую службу. Во флоте его знали как одного из лучших офицеров.

11 сентября 1722 года Адмиралтейств-коллегия приказала «для обучения гардемаринов искусных офицеров, а именно: навигации унтер-лейтенанта Алексея Чирикова, артиллерии подконстапеля Тютчева прислать (в Адмиралтейств-коллегию. — В. Д.) немедленно».

Когда Чириков прибыл в Морскую академию, он был подвергнут экзамену. Алексей Ильич обнаружил глубокие познания в различных областях знаний и был признан достойным для работы в Академии в качестве преподавателя навигации. Так Чириков вернулся в Морскую академию.

В октябре 1722 года началась очень плодотворная преподавательская деятельность Алексея Ильича.

Он был еще молод, но достаточно подготовлен в различных науках и опытен в мореходном деле. В своих учениках он воспитывал любовь к морской службе, учил их работать на пользу отечества.

Гардемарин он обучал в духе требований морского устава, «дабы всякий знал свою должность и неведением никто б не отговаривался и к своей должности искусен был». Особое значение Чириков придавал штурманской подготовке будущих офицеров флота. При наличии тогда еще несовершенных навигационных приборов и малой изученности морей штурман должен был обладать глубокими знаниями и практическими навыками в различных областях военно-морского дела. На него возлагалась обязан-

ность вести метеорологические наблюдения, изучать морские течения. Штурман, говорилось в уставе, «должен держать верный журнал, записывать курс, расстояние плавания, дрейф корабля, разные случаи, прибавление и убавление ветров и парусов, склонение компаса, течение моря и грунты»¹.

Эти требования морского устава Чириков положил в основу своей педагогической деятельности. Под его руководством воспитанники вели астрономические определения, прокладывали курс корабля в самых сложных условиях и наносили на карту береговые предметы, измеряли глубины моря, определяли силу и направление морского течения.

В конце года в помощь Чирикову был назначен мичман А. И. Нагаев, ставший впоследствии крупным русским гидрографом.

Петр I оказывал постоянное внимание Морской академии, считая, что она должна готовить морских офицеров из природных россиян. Ему были известны не только профессора и преподаватели Академии, но и многие гардемарины.

Он был доволен успехами молодых офицеров — Чирикова и Нагаева. Поэтому Петр I одобрил предложение адмирала П. И. Сиверса и Н. А. Сенявина послать Чирикова в экспедицию. О том, как ценили Чирикова в Академии, можно судить по следующим документам. Узнав о назначении Чирикова в экспедицию, капитан Козинский, в подчинении которого находился Алексей Ильич, послал в Адмиралтейств-коллегию рапорт такого содержания:

«Сего 1724 года 29 декабря в день приказа из государственной Адмиралтейской коллегии команды моей ундерлейтенанту Чирикову повелено принять материалы по экипажной конторы и которые у него Чирикова имеются инструменты для обучения гардемарин повелено принять другому учителю, а ныне при команде моей другога учителя навигации наук никакого не имеется: только другой ундерлейтенант Нагаев и оный нынче отпущен в дом ево и принять у него Чирикова и обучать гардемарин некому»².

Дело было настолько спешным, что рапорт в тот же день рассматривался в Коллегии. На рапорте была

¹ Книга устав морской, 5 изд., СПб., 1785 г., стр. 91.

² ЦГАВМФ, ф. Адмиралтейств-коллегии, д. 44, л. 54.

наложена резолюция: «По доношению гвардии капитана Козинского: на место унтер-лейтенанта Чирикова и приему инструментов и навигацкому обучению гардемаринов выбрать ему Козинскому в Санкт-Петербургской Академии из навигаторов достойного, и кто выбран будет, о том коллегии рапортовать»¹.

В связи с назначением в экспедицию Чириков опять через чин был произведен в лейтенанты. В решении Адмиралтейств-коллегии по этому поводу говорилось: «По выписке из конторы генерал-кригс-комиссара, унтер-лейтенанта Алексея Чирикова, хотя еще до него очереди не пришло, написать ныне в лейтенанты... О вышенаписанном Чирикове... шаубенахт Сандерс объявил, что по обучению гардемаринов и морских офицеров искуснее всех явился оный Чириков. А гвардии капитан Козинский показал, что гардемарин 142 человека разные науки обучали чрез оного Чирикова»².

Таким образом, в Морской академии Чириков зарекомендовал себя с самой хорошей стороны. Однако преподавание в Академии было лишь началом славного жизненного пути Алексея Ильича.

Его имя дошло до наших дней благодаря участию в Сибирско-Тихоокеанских экспедициях, в которых его незаурядные способности исследователя нашли себе достойное применение и где он с особой пользой смог послужить своей великой Родине.

О ОРГАНИЗАЦИЯ ПЕРВОЙ СИБИРСКО - ТИХООКЕАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ И ЕЕ ЗАДАЧИ

Решение русского правительства об организации Первой Сибирско-Тихоокеанской экспедиции было обусловлено внутренней и международной обстановкой, сложившейся после Северной войны 1700—1721 годов.

В результате победы над Швецией в этой войне Россия обеспечила себе выход к Балтийскому морю, вернув земли, принадлежавшие русскому народу с древнейших времен. Славные победы, достигнутые русской армией и флотом,

¹ ЦГАВМФ, ф. Адмиралтейств-коллегии, д. 44, л. 55.

² В. Б е р х, Первое морское путешествие россиян, СПб., 1823 г., стр. 122.

имели историческое значение. Были сорваны коварные планы Карла XII, стремившегося покорить русский народ.

Победы русского оружия над Швецией разрушили также замыслы английского правительства, рассчитывавшего овладеть богатствами нашей страны, покорить русский народ. Россия не только отстояла в этой войне свою независимость, но заняла прочное место среди крупнейших государств Западной Европы. Неизмеримо возрос ее вес на международной арене.

Однако, выполнив исторически важную задачу на северо-западе, Петр I осуществил лишь часть своего замысла. В ходе Северной войны, занятый руководством боевыми действиями армии и флота, Петр I не переставал думать о выполнении других неотложных проблем. Большое значение он придавал решению вопроса о том, как далеко простираются земли Дальнего Востока и насколько они открыты возможным захватам извне. Этот вопрос необходимо было рассматривать в связи с планами западноевропейских государств распространить свою экспансию на северную часть Тихого океана. Как известно, в этот период шла ожесточенная борьба между важнейшими европейскими странами за колониальное господство. Главными соперниками на международной арене выступали Англия, с одной стороны, и Франция и Испания — с другой.

После открытия Америки, завоевания Ост-Индии и превращения Африки в заповедное поле охоты на чернокожих, указывает К. Маркс, следует «...торговая война европейских наций, ареной для которых служит земной шар. Война эта начинается отпадением Нидерландов от Испании, принимает гигантские размеры в английской антиякобинской войне и теперь еще продолжается в таких грабительских походах, как война с Китаем из-за опиума и так далее»¹.

Колониальное соперничество между этими странами сопровождалось ростом морских вооружений. Характеризуя торговые войны, начавшиеся в XVI веке, Энгельс отмечал: «Эра колониальных предприятий, которая теперь открылась перед всеми морскими нациями, также свидетельствовала о необходимости постройки больших военных флотов для защиты их торговли и новых колоний. С этого

---

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, 1949 г., стр. 754.

времени начинается период, более богатый морскими сражениями и развитием морских вооружений, чем какой-либо из предыдущих»¹.

Англичане, голландцы, датчане и французы прилагали, как уже отмечалось, большие усилия к тому, чтобы проложить путь в Индию и Китай через северо-западный проход.

Иностранцы пытались также разведать Сибирь и Дальний Восток, прикрываясь благовидными «научными» целями.

В этом отношении показателен такой факт. В 1716 году, во время пребывания Петра I во Франции, французская Академия наук обратилась к русскому царю с просьбой разрешить французским ученым проехать в Сибирь. При этом указывалось, что экспедиция ставит своей целью определить расстояние между восточным побережьем Азии и западным побережьем Северной Америки и исследовать состав населения Америки, а также прилегающих к ней островов. Но дальновидный царь отказал в этой просьбе и заявил, что Россия произведет это исследование собственными средствами².

Итак, Петр решил послать экспедицию на Камчатку.

План организации исследования восточных земель он вынашивал в течение почти десяти лет, но приступить к его осуществлению возможно стало лишь в 1725 году. Незадолго до своей смерти Петр составил инструкцию, в которой следующим образом изложил цели и задачи экспедиции.

«1. Надлежит на Камчатке или в другом там месте сделать один или два бота с палубами.

2. На оных ботах возле земли, которая идет на норд, и по чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки.

3. И для того искать, где она сошлась с Америкой; и чтоб доехать до какого города европейских владений или, ежели увидят какой корабль европейский, проведать от него, как оной кюст (берег. — *В. Д.*) называют, и взять на письме, и самим побывать на берегу и взять подлинную

---

¹ Ф. Энгельс, Избранные военные произведения, т. I, М., 1941 г., стр. 317.

² Свен Ваксель, Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга, М.—Л., 1940 г., стр. 23.

ведомость и, поставя на карту, приезжать сюды»¹. Инструкция была вручена Ф. М. Апраксину.

Здесь же напомним, что, давая оценку инструкции Петра I, некоторые исследователи Первой Сибирско-Тихоокеанской экспедиции утверждали, что главная цель экспедиции состояла якобы исключительно в решении географической задачи, сошлась ли Азия с Америкой². К такому выводу они пришли потому, что рассматривали русские экспедиции в Тихом океане в отрыве от жизненно важных проблем, стоявших перед русским государством, обуславливавших внутреннюю и внешнюю политику. Упущалось из виду именно то, что экспедиции на Дальний Восток отвечали задачам борьбы за выход на моря в широком смысле этого слова, что должно было укрепить безопасность России.

Важными вехами на этом пути были следующие мероприятия.

В 1714 году в Охотск была направлена группа архангельских мореходов. Построив здесь небольшое судно, они в 1716 году достигли западного берега Камчатки. Перезимовав там, они морем вернулись в Охотск, ставший к этому времени главным опорным центром России на Тихом океане.

В 1719 году в Охотск были посланы по указу царя геодезисты Лужин и Евреинов, которые в 1720 году составили описание группы северных островов Курильской гряды. Два года спустя Евреинов представил Петру I отчет и карту Курильских островов.

В 1715 году Петр I организовал экспедицию Бековича-Черкасского на Каспийское море. В инструкции Бековичу-Черкасскому, собственноручно написанной царем, экспедиции предписывалось найти места для постройки крепости у устья реки Аму-дарьи. В одном из параграфов инструкции говорилось: «осмотреть место близ плотины, или где удобно, на настоящей Аму-дарье реке, для строения ж крепости тайным образом; а буде возможно будет, то и тут

---

¹ Донесение флота капитана Беринга об экспедиции его к восточным берегам Сибири, Записки военно-топограф. депо, ч. X, 1847 г., стр. 69.

² А. Соколов, Сезерная экспедиция 1733—1743. гг., Записки Гидрограф. департамента, ч. IX, 1851 г.; Л. С. Берг, Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. М.—Л., 1946 г., стр. 11.

другой город сделать». Одной из важных задач экспедиции было установление торговых и политических связей с Индией. Петр поручил «также просить у него (хана. — В. Д.) судов, и на них отпустить купчину по Аму-дарье реке в Индию, наказав, чтобы изъехал ее, пока суда могут идти, а оттоль бы ехал в Индию, примечая реки, озера и описывая водяной и сухой путь, а особливо водяной к Индии той или другими реками, и возвратиться из Индии тем же путем; или ежели услышит в Индии еще лучший путь к Каспийскому морю, то оным возвратиться и описать»¹.

В 1723 году с целью установления пути для торговых сношений России с Индией вокруг Африки было снаряжено два фрегата, которые вследствие неисправностей вынуждены были вернуться обратно.

Все эти мероприятия Петра I представляли собой звенья единого обширного плана, направленного на разрешение исторической задачи выхода на Балтийское и южные моря и на Тихий океан. Только при осуществлении этих задач Россия могла сохранить и укрепить свои позиции морской державы, завоеванные ею в тяжелой и длительной войне со Швецией.

Исходя из насущных потребностей государства, Петр I незадолго до смерти в беседе с Апраксиным сформулировал задачи, которые должна была решить экспедиция, отправляемая на Дальний Восток. Содержание разговора Петра передал Н. А. Нартов, один из приближенных царя. Нартов пишет: «Я, будучи тогда беспрестанно при государе, видел сам своими глазами то, как его величество спешил сочинять наставление такого важного предприятия и будто бы предвидел скорую кончину свою, и как он был спокоен и доволен, когда окончил. Призванному к себе генерал-адмиралу, вручив [инструкцию], говорил следующее: «Худое здоровье заставило меня сидеть дома. Я вспомнил на сих днях то, о чем мыслил давно и что другие дела предпринять мешали, т. е. о дороге через Ледовитое море в Китай и Индию. На сей морской карте проложенной путь, называемый Аниан, назначен не напрасно. В последнем путешествии моем в разговорах слышал я от ученых людей, что такое обретение возможно. Оградя отечество

---

¹ И. Голиков, Деяния Петра Великого, ч. V, М., 1788 г., стр. 125—126.

безопасностью от неприятеля, надлежит стараться находить славу государству через искусства и науки. Не будем ли мы в исследовании такого пути счастливее голландцев и англичан, которые многократно покушались обыскивать берегов американских?»¹

Первая Сибирско-Тихоокеанская экспедиция, таким образом, имела более широкие задачи, чем предполагали некоторые исследователи. Петр еще задолго до экспедиции стремился обеспечить безопасность дальневосточных границ России, ибо в рассматриваемый период, как известно, англичане и французы прилагали все возможные усилия, чтобы колонизировать Северную Америку, что не могло не создать угрозы для русских владений на Дальнем Востоке.

Вместе с тем открытие и освоение новых земель и владений вызывалось потребностями экономического характера.

Война со Швецией потребовала от России больших материальных затрат. Для проведения экономических и военных реформ требовалось много золота, запасы которого были недостаточны. Получать пушнину в прежнем количестве из уже освоенных районов Сибири оказывалось невозможным. Вследствие этого исследование старых, открытие и освоение новых земель и островов приобретало огромное значение. Не случайно Петр I поручил тобольскому воеводе М. Я. Черкасскому поспешить с открытием новых земель. Одновременно было издано запрещение взимать ясак деньгами взамен «мягкой рублиди».

Начальником Первой Сибирско-Тихоокеанской экспедиции Петр I назначил капитана 1-го ранга Витуса Беринга.

Беринг родился в 1681 году в Дании, в городе Хорсенсе. Совсем еще молодым человеком он в качестве матроса участвовал в плавании на голландском корабле в Ост-Индию, откуда в 1703 году возвратился в Голландию, в Амстердам.

В том году Беринг поступил на русскую службу. В 1705 году он командовал шхуной, на которой к острову Котлин перевозили строевой лес. На этом небольшом островке Петр I для защиты Петербурга с моря построил крепость — «фортецию», которая получила наименование

---

¹ Л. Н. Майков, Рассказы Нартова о Петре Великом, Записки Академии наук, LXVII, 1891 г., приложение 6, стр. 99.

Кроншлот. Вместе с укреплениями (батареями) эта крепость преграждала шведскому флоту путь к Петербургу.

В 1706 году Беринг был произведен в лейтенанты, а через четыре года получил чин капитан-поручика.

В прутском походе Петра I (1711 г.) Беринг командовал двадцатипушечной шнявой, а после окончания этого похода был переведен в Балтийский флот.

В последующие годы Беринг командовал различными кораблями. Все свои обязанности он исполнял добросовестно, но смелостью и решительностью не отличался.

В 1717 году Беринг был произведен в капитаны 3-го ранга, а через три года стал капитаном 2-го ранга, в 1721 году командовал шестидесятипушечным кораблем «Марльбург», а два года спустя был назначен командиром девяностопушечного корабля «Лесное», находившегося в составе эскадры Ф. М. Апраксина.

Таким образом, приведенные краткие биографические данные определенно показывают, что Беринг, приехавший в Россию молодым и недостаточно опытным моряком, формировался здесь как морской офицер под непосредственным руководством Петра I и его помощников.

По окончании Северной войны многие офицеры были произведены в более высокие чины, но Беринг повышения не получил. Считая, что с ним поступили несправедливо, он подал в Адмиралтейств-коллегию прошение об отставке. В феврале 1724 года просьба его была удовлетворена, в марте он даже получил паспорт для отъезда в Данию.

Однако покинуть Россию ему почему-то не пришлось.

В августе о Беринге вспомнил Петр I и заинтересовался его судьбой, в результате чего был издан приказ, гласивший: «Беринга принять на службу его императорского величества в морской флот попрежнему в первый ранг капитаном». Капитан 1-го ранга Витус Беринг опять был назначен командующим шестидесятипушечным кораблем «Марльбург»¹.

Обдумывая, кого бы назначить руководителем экспедиции, Петр остановил свой выбор на Витусе Беринге, учитывая его опыт в мсреплавании; такая же мотивировка назначения Беринга приведена в постановлении Адмиралтейств-коллегии: «в Ост-Индии был и обхождения знает».

Помощниками Беринга были определены А. И. Чир-

---

¹ Общий морской список, т. I, СПб., 1885 г., стр. 41.

ков и М. Г. Шпанберг. Шпанберг был опытным офицером, но отличался большой грубостью с подчиненными и жестокостью. Русским языком он владел плохо. «Шпанберг русского письма читать не очень доволен и в письмах его видим весьма нужные слова не в надлежащую силу и неправо написаны», — отмечал Чириков в одном из своих рапортов¹.

В экспедицию был назначен также мичман Петр Чаплин, сыгравший в ней значительную роль². Это был молодой, трудолюбивый и образованный моряк. Благодаря журналу, в котором он ежедневно записывал все свои наблюдения, удалось восстановить многие события этой экспедиции.

Таковы были люди, возглавлявшие экспедицию. Команда, выделенная Берингу, включала плотников, матросов и солдат и состояла из 69 человек³.

Общее руководство подготовкой экспедиции Петр I поручил своему ближайшему помощнику, президенту Адмиралтейств-коллегии генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину. Передавая ему инструкцию, царь сказал: «распоряжение же сего поручаю, Федор Матвеевич, за болезнью моею твоему попечению, дабы точно по сим пунктам, до кого сие принадлежит, исполнено было»⁴.

Выполняя повеление царя, Ф. М. Апраксин в течение нескольких недель закончил снаряжение экспедиции. Вместе с тем он принял меры к тому, чтобы сибирские власти оказывали помощь Берингу и его команде во время перехода в Охотск. 4 февраля он с нарочным направил в Тобольск сибирскому губернатору В. В. Долгорукому специальное письмо о содействии экспедиции.

Отмечая большое государственное значение данного предприятия, Апраксин писал: «В надежде вас яко моего

---

¹ ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 52, л. 248/об.

² Впоследствии адмирал; будучи начальником Архангельского порта, в 1764 г. он оказывал энергичную помощь М. В. Ломоносову в организации экспедиции с целью изучения Северного морского пути. Отмечая заслуги П. Чаплина в подготовке кораблей к плаванию, Адмиралтейств-коллегия в своем решении от 2 июля 1764 г. указывала, что «в приготовлении вышеозначенных судов старанием капитан-командора Чаплина Адмиралтейская коллегия довольна». (В. А. Перевалов, Ломоносов и Арктика, стр. 320).

³ Донесение Беринга, Записки военно-топограф. депо, ч. X, 1847 г., стр. 70.

⁴ Л. Н. Майков, Рассказы Нартова о Петре Великом, стр. 99.

благодетеля прошу; отправился отсюда в Сибирь морского флота капитан Беринг (с порученною командою), которому по прибытии в Якуцк велено зделать боты; и на оных следовать, как на то данная ему инструкция повелевает; которого извольте принять благоприятно; и в потребностях ево к той экспедиции прикажите чинить всякое вспоможение... Понеже в оной заключается немалое дело. О чем паки прилежно прошу изволите ко оному приложить свой труд и производить со осторожностью»¹.

РОЛЬ А. И. ЧИРИКОВА В ПОДГОТОВКЕ ЭКСПЕДИЦИИ И ВО ВРЕМЯ ПЛАВАНИЯ 1728—1729 ГОДОВ

Из Петербурга экспедиция выехала 25 января 1725 года. 5 февраля Беринг с частью экспедиции направился в Тобольск, куда прибыл 16 марта. В Тобольске собрались основные силы экспедиции. О своем прибытии в Тобольск Беринг послал в Петербург лаконичное донесение: «Марта 16 дня прибыли в Тобольск и были мая до 15 дня, понеже зимним путем далее ехать было время поздно, а в бытность в Тобольске требовал, что надлежит материалов по экспедиции». Во время двухмесячного пребывания в Тобольске были заготовлены канаты, пенька, лес, набраны мастеровые.

Сибирский губернатор граф Долгорукий в точности исполнил указание Апраксина. В письме ему от 22 марта губернатор писал, что он выполнил все просьбы Беринга и заверял о своей готовности выполнять в дальнейшем все требования начальника экспедиции «без всякого замедления». В том же письме указывалось, что перед экспедицией стояли большие трудности, так как, судя по сведениям, полученным от местных жителей, значительная часть пути экспедиции проходила по мелководным рекам, во многих местах грузы предстояло перетаскивать сухим путем, причем весь маршрут экспедиции проходил по малонаселенной территории.

Между тем наступила весна. Иртыш и другие реки наполнялись вешними водами. Многие из рек вышли из берегов, затопили часть суши. Мореплаватели стали поспешно собираться в путь. В несколько дней было

---

¹ ЦГАВМФ, ф. канцелярии Апраксина, Записная книжка, ч. I, л. 35.

построено четыре дощаника и семь лодок. На эти суда моряки перенесли свой груз. Денежное содержание им было выплачено полностью за два года вперед. Наконец все было готово.

15 мая путешественники тронулись в путь. Провожать их высыпало все население Тобольска.

В донесении Адмиралтейств-коллегии Беринг писал: «Мая 15 дня отправился из Тобольска водою вниз по реке Иртышу до Самаровского яму на 4-х барках, а оные по сибирски называются дощенники, на которые погрузили все материалы, привезенные из Санкт-Петербурга и которые приняты при Тобольску. Да от Тобольска дано мне, по требованию моему, иеромонах, комиссар, да унтер-офицеров и солдат 37 человек»¹.

Данные, приведенные начальником экспедиции, подтверждаются Долгоруким. Однако дату отъезда экспедиции из Тобольска сибирский губернатор указал иную, а именно 12 мая². Это расхождение, к сожалению, по другим документам выверить не удалось.

Итти пришлось под парусами и на веслах. Во время всего плавания по Иртышу и другим рекам велось морское счисление. По пути следования при помощи морских навигационных и астрономических инструментов Чириков определял координаты городов и сел и наносил их на карту. Чириков в своем журнале записал, что это делается «для проверки меркаторской карты и узнания, верно ли она сочинена»³.

21 мая барки подошли к Самаровскому яму и стали к берегу.

Из Самаровского яма Беринг направил 10 человек во главе с мичманом П. Чаплиным в Якутск, поручив ему тщательно записывать все примечательное.

19 июля 1725 года флотилия достигла Маковского острога, оказавшись на расстоянии 2 672 верст от Москвы. Отсюда моряки по суше добрались до Енисейска, где для них были подготовлены дощаники. 12 августа экспедиция налегке отправилась вверх по Енисею к Тунгуске и 29 сентября благополучно прибыла в Илимск. Груз и материалы были доставлены лишь в ноябре, поэтому в Илимске пришлось зазимовать. К весне там было

¹ Экспедиция Беринга, стр. 60.

² ЦГАВМФ, ф. канцелярии Апраксина, д. 235, лл. 286—286/об.

³ В. Б е р х, Первое морское путешествие россиян, стр. 8.

построено 16 судов и 14 лодок, и с наступлением теплых дней экспедиция на судах двинулась по Лене в Якутск. 1 июня 1726 года сюда прибыли на девяти судах Беринг и Шпанберг, а 16 числа в Якутск с отрядом судов прибыл и Чириков.

Путешественники преодолели лишь наиболее легкую часть пути. Далее необходимо было сухим путем идти в Охотск, который отделяется от Якутска расстоянием свыше 1 000 верст. Дороги в то время, конечно, еще не были проложены.

Провизию пришлось отправлять на лошадях. Ранней осенью ударили сильные морозы. Многие лошади пали из-за недостатка корма. Только небольшая часть каравана во главе с Берингом добралась в октябре до Охотска.

Чириков был оставлен в Якутске, чтобы руководить отправкой грузов в Охотск.

За время пребывания в Якутске Чириков сделал ряд ценных наблюдений о городе и его населении. В своем журнале он отметил, что в Якутске 300 русских дворов. Он также узнал, что в окрестностях этого сибирского города постоянно кочуют 30 000 якутов.

Лето в том году выдалось жаркое и засушливое. Часты были случаи лесных пожаров. Над городом стояли облака дыма. Алексей Ильич подметил, что в Якутии выпадает очень мало осадков, частые засухи причиняют большой вред населению. «И до того травы мало растет, кроме тех мест, где река поднимала. Также и снегов мало идет, а морозы стоят жестокие». Чириков не только записывает свои наблюдения, но и стремится дать научное объяснение замеченным явлениям: «И причина малобывающих дождей и снегов требует рассуждения: широта Якутска по наблюдению $62^{\circ}08'$ ...»

Сделанные Чириковым наблюдения в то время, когда Сибирь еще не была изучена, имели не только научное, но и большое практическое значение.

Трудности встречались на пути экспедиции постоянно. Так, во время пребывания Чирикова в Якутске здесь началась эпидемия кори, охватившая как детей, так и взрослое население. Но и в таких условиях Чириков успешно выполнял возложенные на него задачи.

В июле 1726 года из Якутска по Лене, Алдану, Мае, Юдоме были отправлены пушки, канаты, якоря, паруса, а также часть провианта. Все это было погружено на

13 судов, команда из 264 человек находилась под начальством Шпанберга. С наступлением сильных морозов, когда реки замерзли, этот отряд вынужден был остановиться в 450 верстах от Юдомского креста. Команда Шпанберга переносила большие лишения. Ввиду гибели лошадей, предназначенных для перевозки грузов, людям пришлось впрягаться в нарты и тащить грузы до Юдомского креста. Из 100 нарт, отправленных в Юдомский крест, места назначения достигла лишь половина.

Наконец, отряд прибыл в Охотск. Охотский острог насчитывал в то время лишь десять дворов. Нужно было срочно строить жилые помещения, склады для провианта и строительных материалов. Работать пришлось в невероятно тяжелых условиях. Попрежнему все грузы приходилось таскать на себе. Кроме того необходимо было заботиться о заготовке продовольствия, заниматься ловлей рыбы, добывать соль.

Строительный материал, который везли с большим трудом, оказался разбросанным на расстоянии 450 верст от устья реки Юдомы до Юдомского креста. Беринг поручил доставить этот материал своим подчиненным, измученным и голодным, не имевшим теплой одежды и обуви.

«Капитан посылает нас, нагих, босых, без жалования, на верную смерть; и это в его воле. Идем, и ежели сможем, подыдем казну, а не вмочь — и не тронем», — сетовали они. Беринг, отвечая на их жалобы, заявлял: «Жалование им следует получать из Якутска, а не от меня. Мне самому тошнее их: в дороге пало 500 лошадей и не ведаю, как буду отвечать, а вы хоть все пропадите — пособить нечем»¹.

Всею доставкой материалов руководил Шпанберг, который с невероятной жестокостью обращался с людьми, обслуживавшими экспедицию. Его подчиненные гибли от изнурительной работы, плохого питания и нечеловеческого обращения. Нередки были случаи, когда возмущенные люди отказывались работать и большими группами возвращались в Якутск. Лишь в феврале 1727 года Шпанберг вернулся на Юдом. Чириков помог ему доставить припасы в Охотск, где была немедленно начата постройка судна, получившего название «Фортуна».

¹ А. Полонский, Первая Камчатская экспедиция Беринга 1725—1729 гг., Записки Гидрограф. департамента, ч. VIII, 1850 г., стр. 543.

1 июля 1727 года «Фортуна» под командой Шпанберга вышла в море, чтобы доставить плотников и запасы продовольствия в Большерецк. На «Фортуне» находилось также 13 купцов с Енисея и из Иркутска, которые ехали на Камчатку по коммерческим делам. 3 июля в Охотск прибыл Чириков, который по поручению Беринга доставил туда 2 300 пудов муки. Данное ему задание он выполнил.

Лейтенант Шпанберг 11 августа возвратился в Охотск, а через 10 дней Беринг вместе со Шпанбергом на «Фортуне» вновь отправились в Большерецк. Чириков добирался туда самостоятельно на небольшой ладье. Вместе с Алексеем Ильичем отправился Чаплин. Возникает вопрос, почему Беринг решил остановиться на западном берегу Камчатки, в то время как ему нужно было обосноваться на восточном.

Оказывается, Беринг опасался, что «Фортуна» может не выдержать осенние штормы, и поэтому отказался от мысли итти вокруг Камчатского носа. Вот что Беринг писал по этому поводу президенту Адмиралтейств-коллегии Апраксину: «Весьма желали итти кругом Камчатского носа, но для осеннего времени и за жестокими ветрами, на таком карбусе итти не посмел, чтобы не случилось какого несчастья и не учинилось в той экспедиции великого препятствия»¹. Уже здесь проявляется та чрезмерная осторожность и неуверенность Беринга, которые впоследствии стоили жизни ему самому и части его экипажа.

Положение экспедиции, таким образом, значительно осложнилось: предстояло весь груз переправить из Большерецка в Нижнекамчатск. Расстояние между этими пунктами составляло 883 версты.

Первоначально предполагалось переправить грузы по рекам Быстрой и Камчатке. Но вскоре пришлось отказаться от этого плана потому, что сильное течение реки Быстрой представляло значительную опасность. Эта река недаром получила свое название.

Основная часть груза была перевезена на собаках, остальная переправлялась по реке Камчатке. В январе 1728 года в Нижнекамчатск на собаках прибыл Беринг. В своем донесении он рассказал, с каким трудом добирался до места назначения. По его словам, он ехал «совсем

---

¹ А. Полонский, Первая Камчатская экспедиция, Записки Гидрограф. департамента, ч. VIII, 1850 г., стр. 545.

по тамошнему обычаю на собаках, и каждый вечер в пути для ночи выгребали себе станы из снегу, а сверху покрывали, понеже живут великие мятелицы»¹.

В апреле в Охотске был заложен еще один бот (длина 60 футов, ширина 20, глубина 7,5). Бот был спущен на воду 8 июня 1728 года и назван «Св. Гавриил». Не имея возможности построить второй бот, Беринг решил перевести из Большерецка «Фортуна» и использовать ее для целей экспедиции.

6 июля «Фортуна» под командой морехода Мошкова прибыла в Нижнекамчатск.

В Нижнекамчатске, как и в Охотске, моряки сами заготавливали продовольствие, ловили рыбу, покупали оленей, вываривали соль, перегоняли вино, используя для этой цели сладкую траву (гераклеум), варили смолу. Все работало много и очень напряженно. Личный состав корабля состоял из 44 человек.

13 июля «Св. Гавриил» поставил все паруса и вышел в море для выяснения географической загадки — соединяется ли Азия с Америкой?

Здесь необходимо напомнить, что вопрос о том, соединяется ли Азия с Америкой, фактически был решен русскими еще в 1648 году, когда Семен Дежнев обогнул Чукотский полуостров.

Однако русское правительство, заинтересованное в сохранении в тайне подлинного назначения экспедиций, посылаемых на Тихий океан, удачно использовало географическую версию. Вместе с тем тогда уже забыли плавание Дежнева и не было полной уверенности в существовании пролива между северо-восточной оконечностью Азии и северо-западной частью Америки, поэтому одной из задач экспедиции явилось окончательное разрешение вопроса о проливе.

27 июля «Св. Гавриил» миновал мыс Св. Фаддея. Все, что наблюдали моряки во время плавания, записывалось в корабельный журнал. Производились зарисовки гор, мысов, растительности. В корабельном журнале, между прочим, содержатся сведения о животном мире: «Близлежащие берега должны быть высоки, ибо мы видели их в большом отдалении. При мысе сем встречали мы множе-

---

¹ А. Полонский, Первая Камчатская экспедиция, Записки Гидрограф. департамента, ч. VIII, 1850 г., стр. 546.

ство китов, сивучей, моржей и разных птиц. Пользуясь тихой погодой, наловили мы здесь довольно вкусной рыбы, роду лососей. Глубина моря была здесь 65 и 75 сажен».

29 июля мореплаватели прошли устье реки Анадырь. На следующий день «Св. Гавриил» бросил якорь. Было решено искать пресную воду, но пополнить ее запасы удалось лишь 1 августа в бухте, названной бухтой Св. Креста. 6 августа «Св. Гавриил» вошел в бухту, получившую впоследствии название бухты Преображения. Пополнив запасы пресной воды, «Св. Гавриил» 8 августа двинулся дальше и достиг другой бухты на широте $64^{\circ}30'$. Здесь уже появились чукчи, которые рассказали, что «земля их делает две губы и обращается к устью Колымы, а всюду прилегло море и великие отмели, и на море, в которое впадала река Колыма, всегда носит льды, о чем и от русских людей довольно верно сведано; а в соседстве у нас, кроме нашего чукотского, народа не имеется, только де слышим от родников, которые ходят на реку Колыму, что там живут русские люди, а морем, до устья Колымского, мы не хаживали, а чрез землю родники наши на оленях часто ходят, для того, что гораздо ближе; на море де знаем один остров, на котором живут люди нашего рода, а кроме того никаких островов и земель не знаем»¹.

9—11 августа со «Св. Гавриила», обходившего Чукотский нос, был замечен остров, о котором рассказывали чукчи. Этот остров получил название острова Св. Лаврентия. Отсюда был взят курс на северо-восток. 13 августа, ровно через месяц после выхода с Камчатки, моряки находились в широте $65^{\circ}30'$. Возник вопрос, как поступить дальше — продолжать ли плавание или вернуться на Камчатку. Беринг созвал совет офицеров. Он считал, что дальнейшее плавание бесполезно и опасно ввиду осеннего времени и возможности оказаться затертыми льдами.

Разгорелись оживленные споры. Шпанберг, поддерживавший Беринга, высказал мнение, что продолжать путешествие следует только в течение еще трех дней, если же за это время не удастся дойти до широты 66° N, необходимо вернуться обратно. В своих соображениях Шпанберг исходил из того, что на Чукотке нет гавани, нет дров для отопления и что местное население будет якобы относиться к морякам враждебно.

¹ А. Полонский, Первая Камчатская экспедиция, Записки Гидрограф. департамента, ч. VIII, 1850 г., стр. 549—550.

Алексей Ильич Чириков настаивал на продолжении плавания, так как ответ на вопрос — соединяется ли Америка с Азией — еще не был получен. Чириков следующим образом обосновывал свое мнение: «Понеже известия не имеется, до которого градуса ширины из Северного моря, подле восточного берега Азии, от знаемых народов Европейским жителям бывали, и по оному не можем достоверно знать о разделении морем Азии с Америкой, ежели не дойдем до устья реки Колымы или до льдов — понеже известно, что в Северном море всегда ходят льды — того ради надлежит нам непременно, по силе данного Вашему (Берингу. — В. Д.) благородию указа, подле земли итти, ежели не воспрепятствуют льды, или не отыдет берег на запад, к устью реки Колымы, до мест, показанных в означенном е. и. в. указе; а ежели земля будет наклоняться еще к N, то надлежит, по двадцать пятом числе сего настоящего месяца в здешних местах искать места, где бы можно было зимовать, а наипаче против Чукотского носа на земле, на которой по полученной сказке на Чукоц, чрез Петра Татаринова, имеется лес. А ежели до означенного числа будут противные ветры, то в то время всегда искать зимовой гавани»¹.

Желая опровергнуть Чирикова, Беринг говорил: «Ежели больше будем мешкать в северных краях, опасно, чтобы в такие темные ночи и в тумане, не придти к такому берегу, от которого не можно будет, для противных ветров, отойти». Далее Беринг указывал, что на судне имеется ряд неисправностей, что места для зимовки найти будет трудно, что жители на Чукотке враждебно настроены, что на Чукотке не окажется лесу и т. д. Ввиду этого Беринг считал, что экспедиция для зимовки должна вернуться на Камчатку.

Таким образом, Беринг, который прежде всего думал о том, чтобы не нарушить данные ему инструкции и не вызывать гнева Адмиралтейств-коллегии, отклонил дальновидные, обоснованные и вместе с тем смелые советы Чирикова. Он отказался итти к устью Колымы, как предлагал Чириков, хотя состояние льдов, очевидно, позволяло это сделать и уже к 25 августа можно было бы достигнуть устья реки. Только при этом условии имелась возмож-

---

¹ А. Полонский, Первая Камчатская экспедиция, Записки Гидрограф. департамента, ч. VIII, 1850 г., стр. 551—552.

ность окончательно удостовериться, что Азия и Америка не соединяются. Но Беринг не поддержал Чирикова.

14 августа мореплаватели, продолжая плавание, достигли $66^{\circ}41'$, а 16 августа остановились на $67^{\circ}18'$ с. ш. и $193^{\circ}7'$ в. д. Отсюда Беринг решил повернуть обратно на Камчатку. О мотивах своего решения он послал донесение в Петербург, изложив в нем подробно все свои опасения: «Рассуждали, что по всему видимому, и по инструкции блаженные и вечнодостоинья памяти е. и. в. исполнено, понеже земля более к северу не простирается, а к Чукотскому или восточному углу земли никакой не подошло, и возвратился. А ежели б еще и итить далее и случилось бы противные ветры, то не можно паки того лета возвратиться до Камчатки, а на тамошней земле зимовать было бы не без причин, понеже лесу никакого не имеется, а тамошний народ не под державою Российского государства, самовластен и союза с нашими ясашными иноземцами не имеют»¹.

На обратном пути экспедицией был открыт остров Св. Диомиды (впоследствии было установлено, что на самом деле здесь два острова).

На Камчатку экспедиция возвращалась прежним путем. В этом была крупная ошибка Беринга, подмеченная еще Ломоносовым, который писал: «Жаль, что, идучи обратно, следовал тою же дорогою и не отошел далее к востоку, которым ходом конечно бы мог приметить берега северо-западной Америки»².

Этот факт свидетельствует о том, что Беринг в данном случае не проявил той страстной пытливости, которая так свойственна выдающимся людям науки.

2 сентября 1728 года «Св. Гавриил» возвратился в устье Камчатки. Экспедиция зимовала в Нижнекамчатском остроге. В течение зимы проводилась подготовка к предстоящему плаванию к американским берегам. За это время был отремонтирован бот, приняты запасы продовольствия и снаряжения.

5 июня 1729 года бот поставил паруса и при попутном ветре вышел в море, взяв курс на восток «понеже Камчатские жители сказывали, что будто в ясные дни

¹ А. Полонский, Первая Камчатская экспедиция, Записки Гидрограф. департамента, ч. VIII, 1850 г., стр. 552—553.

² Сочинение Ломоносова, изд. Гидрограф. департамента Морского министерства, СПб., 1847 г., стр. 57.

[можно] видеть землю через моря»¹. Через три дня Беринг приказал повернуть обратно, ввиду сильного ветра и густого тумана. При возвращении «Св. Гавриил» обогнул южный мыс Камчатки (мыс Лопатка). Моряки нанесли этот мыс на карту. 2 июля «Св. Гавриил» вошел в Большерецкое устье и отсюда направился в Охотск, куда прибыл 23 июля.

1 марта 1730 года Беринг возвратился в Петербург. Беринг считал, что ему удалось удостовериться в наличии пролива между Азией и Америкой. Однако А. И. Чириков держался другого мнения.

Отличавшийся исключительной научной добросовестностью, Алексей Ильич считал необходимым продолжить плавание, чтобы убедиться на деле в существовании пролива, отделяющего Азию от Америки, хотя теоретически он не сомневался в наличии такого пролива.

В Петербурге тоже с недоверием отнеслись к сообщению Беринга. Здесь открыто говорили о бесплодности экспедиции, поскольку она не полностью выполнила поставленные ей задачи, и, прежде всего, не достигла американского материка. «Итак о несоединении (Азии с Америкой. — В. Д.) утвердиться сомнительно и ненадежно», — отмечала Адмиралтейств-коллегия.

Однако указанное обстоятельство не должно умалить значения экспедиции. В процессе плавания были собраны сведения о чукчах, составлена карта восточного побережья пролива, получившего впоследствии имя Беринга. Английский мореплавателю Кук, которого никак нельзя обвинить в пристрастии к русским мореплавателям, должен был признать, что составленные экспедицией описания Чукотского носа отличаются исключительной точностью: «Я должен воздать справедливую похвалу памяти почтенного капитана Беринга; наблюдения его так точны и положение берегов означено столь правильно, что с теми математическими пособиями, какие он имел, нельзя было сделать ничего лучше. Широты и долготы его определены так верно, что надобно сему удивляться». Здесь необходимо подчеркнуть, что в этом была заслуга не только Беринга, но и Чирикова и других участников экспедиции.

Собранные экспедицией материалы показывали, что ширина пролива, отделяющего Азию от Америки, незна-

---

¹ Экспедиция Беринга, стр. 65.

чительна, о чем свидетельствует инструкция Жозефа (Николя) Делиля для второй экспедиции, озаглавленная «Известие о новой карте моря Восточного океана, которая сочинена для показания кратчайшей дороги из Азии в Америку». В этом документе говорится, что между Азией и Америкой есть «только малой переезд чрез море, которой авось... легко можно было перебежать не очень большими кораблями, употребляя временем способным»¹.

Автор указанного документа прямо говорит, что сделанное им заключение основывается на данных, полученных русской экспедицией. «Сие мнение о дороге весьма короткой и, может быть, не трудной между Азией и Америкой не без основания есть по показаниям господина капитана Беринга о землях близких на берегу Азии к норд-осту, которой он переезжал в своем первом походе между параллелями 56 и 67 градусов». Как сообщает Делиль, на основании первых наблюдений, произведенных участниками экспедиции, Беринг сделал следующие выводы, представляющие, бесспорно, большой научный интерес.

«1. Что удаляясь от сих берегов нашел он только малую глубину и волны низкие, каковы обычно бывают в узкостях моря, гораздо различные от высоких волн, которые бывают при берегах положенных к морю очень пространному.

2. Что нашел он сосны и другие деревья, вырванные из корени и принесенные ветром оста, каковы не растут в Камчатке.

3. Что увидал он тамошних обывателей, что ветер может принести в два или три дня лед, а весту надобно дуть 4 или 5 дней, чтобы отнести лед от берега норд-ост в Азии.

4. Что некоторые птицы порядочно на всякий год в те же месяцы прилетают от стороны оста и, проводивши несколько месяцев на берегу Азии, возвращаются опять так же порядочно в обычайно время»².

Наблюдения участников экспедиции, прежде всего Чирикова и Чаплина, имеют большое значение для изучения истории океанографии. Чирикову удалось заметить характер волнения, обычный в проливах и в ограниченных водах.

¹ ЦГАДА, ф. Правительств. сената, д. 666, л. 208.

² Там же, л. 209.

Заключение А. И. Чирикова о совокупности признаков существования земли поблизости помогло определить направление пути экспедиции к американским берегам в 1741 году.

Пристальное рассмотрение материалов Первой Сибирско-Тихоокеанской экспедиции показывает, что большую роль в подготовке и плавании экспедиции сыграл Алексей Ильич Чириков.

* *
*

Первая Сибирско-Тихоокеанская экспедиция положила начало планомерному исследованию Тихого океана. В XVI—XVII веках землепроходцы и мореходы совершали плавания и путешествия преимущественно по собственному почину и на собственные средства; рассмотренная же экспедиция была снаряжена и финансирована правительством. Программа исследований была разработана непосредственно Петром I, руководство подготовкой осуществлял президент Адмиралтейств-коллегии генерал-адмирал Ф. М. Апраксин.

Эта экспедиция была первым крупным научным предприятием, осуществленным русскими моряками. Последующие экспедиции XVIII века организовывались по такому же принципу.

Опыт плавания в северных широтах показал, что русские моряки петровской закалки способны были в самых неблагоприятных климатических условиях проводить широкие и глубокие научные исследования. Корабли, построенные в Охотске русскими мастерами, отличались хорошими мореходными качествами и большой прочностью. Благодаря указанному было возможно предпринять затем экспедицию столь широкого размаха, как Вторая Сибирско-Тихоокеанская экспедиция. В этом и заключалось большое значение Первой Сибирско-Тихоокеанской экспедиции.

Во время плавания 1728—1729 годов русские офицеры обнаружили высокую теоретическую подготовку при проведении исследований в широких масштабах. С самой лучшей стороны проявил себя Чириков, сыгравший в этой экспедиции очень видную роль. К сожалению, имя Чирикова было предано незаслуженному забвению, в то время как имя Беринга переходило из одного исторического труда в другой.

Благодаря усилиям Чирикова и Чаплина было дано описание значительной части побережья от Камчатки до 67° с. ш. Ими же были собраны ценные сведения о Сибири, ее жителях. Характерно, что Чириков интересовался самыми различными вопросами. Так, он вел журнал путешествия, начатый еще в Тобольске, делал определения географических координат городов, которые встречались на его пути по Сибири. В его журнал были внесены ценные сведения о численности и составе населения городов, которые ему приходилось посещать, об их быте и нравах. Чириков описал сухой путь от Юдомского креста до Охотска и составил обстоятельную карту этого пути¹. Много ценных наблюдений сделал и Чаплин.

В любых условиях Чириков действовал, как подлинный ученый. Он всегда стремился довести дело до конца. С древнейших времен географы пытались решить вопрос, соединяется ли Азия с Америкой. Алексей Ильич считал, что решение этой географической задачи может быть окончательно выполнено только при том условии, если плавание будет продолжено до Колымы. Твердая убежденность Чирикова в правоте высказанных им в 1728 году предложений основывалась на глубоком знании навигационных условий в Северном Ледовитом океане.

Д. М. Лебедев в своем исследовании «География в России петровского времени» пишет: «Предложение плыть именно до Колымы обнаруживает чрезвычайно широкий географический горизонт А. И. Чирикова. Мы знаем, что с научной точки зрения отсутствие перешейка между севером Азии и Америки можно было считать вполне безоговорочно доказанным лишь после того, как были тщательно исследованы менее всего изученные воды Ледовитого океана между Чукотским полуостровом и Колымой. Это было выполнено только почти сто лет спустя, во время экспедиции Ф. П. Врангеля.

Таким образом А. И. Чириков высказал научное требование, осуществленное лишь столетием позже»².

Не менее ярко проявил также научную дальновидность Чириков, доказывая возможность зимовки против Чукотского носа. Аргументируя свои положения, Чириков ссылался на «скаску» Петра Татаринова. Д. М. Лебедев,

¹ Экспедиция Беринга, стр. 139.

² Д. М. Лебедев, География в России петровского времени, стр. 97.

произведя сравнение ссылки Чирикова на Татаринова с текстом «скаска» Петра Попова, посетившего в 1711 году Чукотку и сделавшего сообщение о находящихся против Чукотки островах и «Большой Земле», пришел к выводу о том, что упоминаемый Чириковым Татаринов есть тот же Попов. Этот вывод представляет несомненный научный интерес. Дело в том, что «скаска» Попова была опубликована лишь в 1736 году. Следовательно, Чириков познакомился с этим документом в подлиннике. «Это служит доказательством того, — отмечает Д. М. Лебедев, — что, перегруженный текущими делами экспедиции, он производил сам научные изыскания, изучил и правильно оценивал материалы, относящиеся к северо-востоку Азии и прилегающим водам Тихого и Ледовитого океанов. Другими словами, он проявил качества настоящего ученого»¹.

Изучив опыт плавания русских моряков на Тихом океане, Чириков высказал верную мысль о том, в каком направлении нужно искать Америку. Он также указал, какие корабли наиболее пригодны для плавания в Северном Ледовитом и Тихом океанах.

Адмиралтейств-коллегия высоко оценила деятельность Чирикова. Она отмечала, что Чириков, «будучи в оной экспедиции також и в других, где он употреблен был командах... показал себя тщательным и исправным, как надлежит искусному морскому офицеру»².

Таким образом, Чириков показал себя во время Первой экспедиции на Дальнем Востоке талантливым ученым и выдающимся мореплавателем. Обогащенный большим практическим опытом, Алексей Ильич в полном блеске проявил свои замечательные качества во Второй Сибирско-Тихоокеанской экспедиции, где он играл руководящую роль.

---

¹ Д. М. Лебедев, География России петровского времени, стр. 97.

² Материалы для истории русского флота, ч. VII, стр. 520.

РОЛЬ А. И. ЧИРИКОВА В ОРГАНИЗАЦИИ И ПОДГОТОВКЕ ВТОРОЙ СИБИРСКО-ТИХООКЕАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

ЗАДАЧИ ВТОРОЙ СИБИРСКО-ТИХООКЕАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

ЕФОРМЫ Петра I вызвали большие изменения в экономике России. Поступательному движению вперед, укреплению мощи России старались помешать иностранцы, занимавшие высокие посты в государстве. Вместе с приверженцами старых феодальных порядков они стремились сохранить экономическую отсталость страны, приостановить развитие нарождавшегося купеческого класса. Однако они оказались бессильными помешать ходу истории, ибо «...законы экономического развития являются объективными законами, отражающими процессы экономического развития, совершающиеся независимо от воли людей», — отмечает И. В. Сталин¹.

В России развивались ремесла, крепостнические мануфактуры, увеличивалось производство хлеба, предназначенного для продажи на рынке, в сферу товарно-денежных отношений втягивались все новые и новые области, росли экономические и культурные связи с Сибирью и

---

¹ И. В. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952 г., стр. 5.

Дальним Востоком. Непрерывно расширялась внешняя торговля. В связи с этим большое значение приобретали морские пути сообщения.

Усиление России, ставшей после Северной войны перворазрядной морской державой, вызывало тревогу среди западноевропейских государств. Англия и Франция прилагали все усилия к тому, чтобы подорвать могущество русского государства.

Правительства этих государств решили использовать в своих интересах иностранцев, пробравшихся к кормилу правления в России. Под давлением иностранцев было прекращено строительство линейных кораблей, флот почти не выходил в море для практических плаваний. Матросы и офицеры утрачивали свой славный боевой опыт. Турция и Швеция, подстрекаемые англо-французами, решили, что наступил благоприятный момент для «сведения счетов» с Россией. Они препятствовали развитию торговых и культурных связей русского государства со странами Западной Европы, попустительствовали значительному развитию морского разбоя в Балтийском и Черном морях. Но турки и шведы не хотели ограничиться этими мерами, а усиленно готовились к войне против России.

Натравливая Турцию и Швецию на Россию, Англия рассчитывала, действуя чужими руками, ослабить северного исполина и захватить его земли, а русский народ превратить в своих колониальных рабов. Политика войны чужими руками становится традиционной политикой английской буржуазии. В течение всего XVIII века она завязывала всевозможные конфликты на континенте Европы.

В результате колониальных войн первой половины XVIII века, в которые были втянуты почти все государства Западной Европы, Англия значительно расширила свои владения в Северной Америке и Ост-Индии.

Прогрессивные политические деятели России хорошо понимали, что усиление колониального могущества Англии создавало угрозу русским интересам не только на западных границах, но, в еще большей степени, представляло опасность для дальневосточных владений России. Они прилагали усилия к тому, чтобы укрепить безопасность государственных границ Российской империи, особую заботу проявляя о Дальнем Востоке, неисчерпаемые богатства которого разжигали алчные аппетиты английских работорговцев.

Проблема освоения Дальнего Востока в рассматриваемый период приобретала особенно большое значение. Экономическое и политическое освоение Дальнего Востока должно было в случае войны с западными государствами ослабить экономические трудности для России и обеспечить получение дополнительных источников доходов, необходимых для покрытия военных расходов. Кроме того, в случае возникновения войны на западе, Россия могла нанести удар по коммуникациям противника в его колониях, расположенных в Тихоокеанском бассейне. Не случайно авторы проектов большое внимание уделяли укреплению дальневосточных границ русского государства.

В целях решения задачи по всестороннему освоению Дальнего Востока, правительство решило снарядить Вторую Сибирско-Тихоокеанскую экспедицию, для которой была разработана обширная программа исследований.

Общей задаче укрепления и освоения Сибири и Дальнего Востока отвечало также важное решение правительства об административном устройстве края. Согласно указу императрицы от 14 декабря 1731 года Сибирскому приказу поручалось осуществить экономические мероприятия в отношении Сибири и Дальнего Востока. В этом указе говорилось: «Сибирскому приказу быть особливым и отдать в дирекцию Павлу Ивановичу Ягушинскому, а Камор-коллегию от того приказу и ото всех сибирских доходов отрешить». Таким образом сибирские города изымались из ведения Камер-коллегии, которая ведала торговлей и всевозможными сборами.

Сибирский приказ наделялся большими полномочиями. Сибирский губернатор и воеводы должны были «о всяких делах и денежной и протчей казне рапорты присылать в Сибирский приказ... И по посылаемому ис того приказу указов исполнение чинить неотменно»¹. Сибирский приказ получил право назначать и смещать воевод сибирских городов, кроме Тобольска, и «инструкции им давать и всякого исправления на них взыскивать и неисправных штрафовать».

В связи с расширением полномочий упомянутого приказа во главе его были поставлены видные государственные деятели того времени. Руководителем приказа был назначен действительный статский советник Иван Шере-

---

¹ ЦГАДА, ф. Правительств. сената, д. 666, л. 50.

метев, а в помощники к нему, или в «товарищи», как тогда говорили, были определены Василий Титов, Иван Карташев, князь Федор Борятинский, Василий Мещерский; вице-губернатором Сибирской губернии был назначен Петр Бутурлин.

В виду особого значения Охотска, как опорного пункта России на Тихом океане, в 1731 году начальником Охотского края был назначен известный деятель и талантливый ученый из «птенцов гнезда Петрова» Г. Г. Скорняков-Писарев, «потому что способнее его к тому делу иного тогда не рассуждено», отмечает И. К. Кирилов.

Разработанная Сибирским приказом для Скорнякова-Писарева инструкция была направлена «к лучшему произведению сего полезного дела» и охватывала очень широкий круг вопросов, связанных с освоением Дальнего Востока.

В инструкции Скорнякову-Писареву указывалось: «Приехав в Охотск, иметь тебе над оным местом полную команду, и чтоб то место людьми умножить и хлеб завести и пристань с малой судовой верфью, также несколько морских судов для перевоза на Камчатку и оттуда к Охотску казенной мягкой рухляди и купецких людей с товарами, и для других потреб сделать, дабы оное, яко новое место, с добрым прибытком к пользе и прибыли государственной приведено было»¹.

Далее в ней намечались пути и средства для заселения далекого края. Эта задача была очень трудной. В первую очередь предполагалось заселить районы, лежащие на пути к Охотску, что должно было облегчить связи последнего с центральными областями Сибири. Для этого прежде всего нужно было создать поселения на реках Юдоме, Ураке, Уде. Кроме того, из Илимского уезда было намечено переселить часть жителей в Камчатский острог.

Для заселения самого Охотска Скорнякову-Писареву необходимо было набрать из якутских жителей желающих поселиться в городе. Ему было также поручено для постройки судов взять в Якутске из ссыльных человек двадцать мастеровых, поселив их в Охотске. Однако правительство сознавало, что найти на месте необходимую

---

¹ ЦГАДА, ф. Правительств. сената, д. 666, л. 65/об. Опубликовано в полном собрании законов Российской империи (ПСЗРИ), т. VIII, № 5813.

рабочую силу, в особенности квалифицированных мастеров для постройки судов, невозможно. Поэтому Адмиралтейств-коллегии было приказано «для показания пропорций в делании судов... отправить из Адмиралтейства мастера или подмастерья, который бы умел галиоты и корабельные боты делать и к ним в помощь плотничного командора и человека четыре плотников лучших»¹.

Для поделки железных деталей судовых креплений и оборудования было решено послать из екатеринбургских заводов двух-трех человек, поручив им завести «ручные домницы и ковать не токмо нагели и другие припасы, но и якори, хотя небольшие для судов, чтобы не возить железа из Тобольска напрасно, ибо там железной руды сказывают есть довольно». Вместе с тем предусматривался завоз на Дальний Восток различных семян, в особенности конопли.

Опыт экспедиции Беринга — Чирикова показал, что наиболее трудным и опасным участком пути к Охотску был район между реками Юдома и Урак. Здесь грузы неоднократно приходилось перетаскивать волоком, что затрудняло поддержание связи между Якутском и Охотском. Скорнякову-Писареву предлагалось тщательно изучать этот район. «Как ты, Писарев, в Охотск из Якутска отправишься, то тебе едучи водою прилежно смотреть худых и трудных мест в проезде, а особливо между Юдомою и Ураком реками, где надобно быть землею переволоке, и сказывают, что место низкое и недалеко, не мочно ль коммуникацию водяную сделать до Охотска, буде же трудно или весьма немочно, то б хотя расчистить, и о том о всем иметь тебе, Писареву, старание, не отписываясь за дальностью, но что сделаешь или намерен положить, о том писать вице-губернатору или в Сибирский приказ».

Особое место отводилось Камчатке, связь с которой признавалось наиболее выгодно осуществить морским путем. Поэтому Скорнякову-Писареву приказывалось построить четыре или шесть кораблей «для обыкновенного переезду на Камчатку и в другие места служилым людям и купцам», т. е. для обычных рейсов, не ставящих перед собою специальных задач. Плавание в суровых условиях Охотского моря было возможно лишь при наличии хорошо подготовленных матросов и штурманов. Ввиду этого из

---

¹ ЦГАДА, ф. Правительств. сената, д. 666, л. 69.

Адмиралтейства намечалось послать в Охотск шесть матросов и троих штурманов, чтобы «казацких детей молодых обучать морскому ходу, дабы там своих штурманов и матросов завести».

Чтобы привлечь местных жителей на сторону русских, предлагалось распространять в крае христианство. Для этой цели нужно было строить церкви, при которых коренные жители должны были обучаться грамоте. Более того, помимо церковных школ, где преподавалось только чтение и письмо, говорилось о необходимости завести в Охотске специальные училища. «А в Охотске хотя б и нарочную школу не для одной грамоты, но и для цифири и навигации завести тебе, Писарев, и жалование малое для содержания учеников давать, из чего могут люди к службе знающие возрастать, а не дураками оставаться».

Значительную роль в развитии экономики края должна была играть торговля. Исходя из этого, Скорнякову-Писареву рекомендовалось создать для купечества такие условия, при которых оно могло бы получать большие выгоды. «Для познания сего нового порта Охотского... чтобы узнало его купечество, дать позволение лет на десять купечеству ездить и торговать свободно и без платежа там и без платежа ж при проезде через Якутск пошлин».

В инструкции пояснялось, что при таком распорядке не только не будет убытка, но, напротив, развитие торговли приведет к обогащению и процветанию края. Льготы, предоставляемые Охотскому порту, могли привлечь к нему предприимчивых купцов, в результате чего имелась возможность организовать крупную торговую компанию, что также безусловно содействовало бы хозяйственному росту края. Для осведомления о богатых возможностях, имевшихся для купцов на Дальнем Востоке, рекомендовалось следующее: «о том в Москве и Сибирской губернии велено публиковать, чтобы купецкие люди, кто пожелает на Камчатку для купечества ехать, пропускать их без задержания, о чем и в Сибирь к губернатору велено послать указ»¹.

Скорнякову было предоставлено право определить размер платы за перевозку товаров на казенных судах между Юдомским крестом и Якутском, с учетом того, чтобы эта плата не была особенно высокой для торгов-

---

¹ ЦГАДА, ф. Правительств. сената, д. 666, лл. 70—70/об.

цев. Приемлемые условия должны были быть созданы также и для купцов, ведущих торговлю с Камчатской и другими областями.

Скорнякову-Писареву было дано право собирать ясак с населения Шантарских островов. Одновременно ему было дано указание о том, чтобы сборщики ясака «к обывателям показывали как возможно ласку и вводили б их в вольный и свободный торг»¹.

Большое внимание в инструкции уделялось установлению дружественных отношений с Японией, сведения о которой были получены во время Первой Сибирско-Тихоокеанской экспедиции, когда к берегам Камчатки было занесено небольшое судно с несколькими японцами. На основании отрывочных данных было составлено мнение о том, что Япония обладает большими богатствами. Поэтому русское правительство было заинтересовано в установлении торгово-экономических связей с японским государством. В специальном пункте рассматриваемой инструкции Скорнякову-Писареву предлагалось: «Ежели... впредь занесет (японцев. — В. Д.), то не грабя и не озлобляя их, надлежит отвозить в Япон попрежнему в их жилища и тем подать причину дружбы и искать способа к свободному торгу; также лежащие между Япони острова велеть осматривать, какие на них народы живут и какое довольство имеют, что все легко добрым распоряжком может известно быть; и для того будет возможно вам посылать сколько надлежит людей на судах, удовлетворя оных по тамошнему обычаю припасами»². Это обстоятельство свидетельствует о том, что Россия не ставила перед собой других целей, кроме установления торговых связей со своими соседями.

Необходимо указать еще на одну статью инструкции, согласно которой начальнику Охотского края предоставлялось право контролировать деятельность офицеров и служилых людей, назначенных в Охотск для службы в острогах, «чтоб они с тамошним народом поступали порядочно, и ежели происходить будут жалобы или по слуху сам уведаешь о каких непорядках и обидах, то как возможно унимать и штрафовать по силе государственных прав, понеже Охотск стал быть от Якутска к Камчатке самый близкий порт».

¹ ЦГАДА, ф. Правительств. сената, д. 666, л. 72.

² Там же, л. 71/об.

Итак, благодаря большим усилиям прогрессивных государственных деятелей того времени была намечена развернутая программа освоения Дальневосточного края, намечены меры по развитию хозяйственной деятельности, разведению хлебопашества, торговли, мореплавания.

Ответственность за выполнение этой программы была возложена на Скорнякова-Писарева, виднейшего деятеля времени петровских преобразований. Скорняков-Писарев стремился честно исполнять свой долг, как он его понимал, однако этому противодействовали иностранцы, находившиеся на русской службе и приезжавшие на Дальний Восток с целью личного обогащения. Скорняков-Писарев решительно пресекал злоупотребления этих темных дельцов. Они писали на Скорнякова-Писарева многочисленные доносы, обвиняя его в преступлениях, которых он не совершал. Буржуазно-дворянская историография не смогла правильно оценить личность Скорнякова-Писарева.

Рассмотренная выше инструкция была впоследствии положена в основу программы, разработанной для Второй Сибирско-Тихоокеанской экспедиции, решение о которой было принято 17 апреля 1732 года. С этого времени была начата энергичная подготовка экспедиции. Для разработки программы исследований были привлечены почти все коллегии, Сенат, Академия наук. Особенно деятельное участие в разработке задач экспедиции приняла Адмиралтейств-коллегия, возглавляемая адмиралом Н. Ф. Головиным. По его заданию над установлением целей экспедиции работали виднейшие представители русского флота. Хранившиеся в архивах многочисленные проекты позволяют установить подлинные задачи экспедиции.

С этой точки зрения исключительное значение имеет проект-доклад Н. Ф. Головина от 1 октября 1732 года об организации кругосветной экспедиции, несмотря на то, что он и не был осуществлен. Этот проект, и это очень важно, помогает определить условия, которые вызвали его появление, и установить связь данного проекта с другими аналогичными предложениями.

Названный документ был составлен в то время, когда было решено послать на Камчатку вторую экспедицию под начальством Беринга. Предложение президента Адмиралтейств-коллегии Н. Ф. Головина указывает на широту его политического и научного кругозора. В нем очень

хорошо подчеркнута важность проблем, стоявших перед русским государством. Из проекта видно, что адмирал стремился сделать все для того, чтобы Россия в период ожесточенных колониальных войн, в которые были вовлечены почти все западноевропейские государства, могла не только сохранить свою самостоятельность, но и укрепить свою морскую мощь. Внешние политические обстоятельства требовали от русского правительства самых энергичных мер по укреплению безопасности России.

Проект проникнут горячим желанием поднять престиж России. Во вступительной части доклада говорится о мотивах, которые заставили его автора сделать предложение об организации экспедиции на Камчатку вокруг мыса Горн: Это действительно было смелое предложение. Поэтому Головин приводит веские аргументы о необходимости организации кругосветного плавания. Головин подчеркивает, что такое дальнейшее плавание укрепит военно-морскую мощь русского флота. Он стремился найти такой путь, чтобы корабельный флот «к вечной славе в других морях произвести и показать и в том морских афицеров достаточными морской практике умножить, дабы и впредь вечно Российский флот мог бы в состоянии по препорции патентатов в соседстве вашего императорского величества живущих в Балтийском море, действительно быть»¹.

После краткого вступления Головин дает подробное обоснование политических, военных и научных задач, которые могли быть решены в результате осуществления кругосветного плавания. Его проект состоит из десяти пунктов.

Мы отметим содержание только наиболее важных из них. Первый параграф проекта дает характеристику состояния флота, который после смерти Петра I переживал глубокий упадок. Иностранцы, занимавшие высокое положение в правительстве и других учреждениях, стремились подорвать мощь России и, в частности, привести в негодность ее военно-морские силы, что им в известной мере и удалось. В своем докладе Головин прямо заявляет, что «государственные злодеи» нанесли большой урон флоту, сильно подорвав основы морского могущества России.

Англо-французское колониальное соперничество создавало угрозу интересам России на Дальнем Востоке. Вот

---

¹ ЦГАДА, ф. Госархива, разр. XXIV, д. 8, л. 6, подлинник.

почему адмирал Головин был глубоко озабочен тем, что русский флот утрачивал былую славу, добытую русскими моряками в ожесточенных боях и сражениях со шведским флотом во время Северной войны. Он искал пути к возрождению флота и укреплению его боеспособности. Хорошая подготовка моряков рассматривалась им как решающее условие поддержания флота в надлежащей готовности. «А между тем, я имею вашему императорскому величеству предложить добрый способ, которым возможно бы было учредить всегоднюю морскую практику для обучения молодых афицеров и матрозов во флоте российском, дабы... возможно увериться на тех во время войны и к случаю нападения от неприятеля на корабли вашего императорского величества, чтобы не токмо было мочно самим себя оборонять, но земли вашего императорского величества защищать и охранять, а не в таком состоянии быть, как оные ныне я нахожу к вящей моей печали и сожалению»¹.

В третьем параграфе своего предложения Головин касается решения правительства о посылке экспедиции Беринга — Чирикова на Камчатку сухим путем через Сибирь. Здесь же он отмечает, что Адмиралтейств-коллегией приняты меры к своевременному отправлению экспедиции, и высказал мысль о том, что осуществление этого решения, в силу большой отдаленности Камчатки, сопряжено с большими трудностями, о которых он писал: «по-неже оный путь через Сибирь и там пустые места весть столько людей и правянтю и материалов весьма труден и казне убыточно будет, ибо некогда надлежит ехать водою, а некогда сухим путем, некогда же на лошадях, а в иных местах люди имеют все материалы, правянт и богаж и прочее нести на себе, а в иных местах летом пройтить ни проехать невозможно, а надобно дожидаться земного пути, индеже зимним путем ехать ни итить невозможно, а надобно дожидаться летнего времени». Далее в проекте говорится, что для перехода экспедиции потребуется не менее двух лет, а на постройку кораблей и подготовку личного состава к плаванию потребуется не менее четырех.

Приведенное высказывание Головина говорит о том, что Адмиралтейств-коллегия была заинтересована в быст-

---

¹ ЦГАДА, ф. Госархива, разр. XXIV, д. 8, л. 7.

ром осуществлении намеченного предприятия. Между тем, по расчетам Головина, для экспедиции, отправляемой через Сибирь, требовалось около шести лет. В условиях, когда англичане и французы прилагали усилия к тому, чтобы распространить свое влияние на северную часть Тихого океана, Головин считал, что за такой продолжительный срок обстановка может сильно измениться не в пользу России. Подчеркивая важность быстрейшего выполнения экспедицией задания, он пишет: «поистине сказать, что то описание оных берегов и изыскание новых земель и островов весьма есть нужно и зело полезно... и ради распространения областей и державы и впрядь для знания морского ходу в тех местах, и для иных государственных нужнейших резонов и понеже для вышеозначенных важностей ныне господину капитану командору Берингу ехать сухим путем через Сибирь на Камчатку надлежит»¹.

При решении этого очень важного вопроса Головин прежде всего поступает как государственный деятель. Он не был против посылки Беринга на Камчатку, но в то же время считал возможным одновременно послать корабли из Балтийского моря на Камчатку следующим маршрутом. «В будущую весну отправить отсюда в Камчатку чрез море два фрегата военные российские с ластовым судном, на которых положить всякого провианту в запас на год или больше по рассуждению, которые имеют итти чрез большое море окаян кругом Капагорна и в Зюйдное море и между японских островов до Камчатки, и оный путь оные фрегаты могут учинить во время одиннадцати месяцев или меньше, понеже голландские корабли всякий год до японских островов ходят и назад восемнадцать и в шестнадцать месяцев возвращаются, и оный путь всякому доброму навигатору или морскому афицеру весьма известен (подчеркнуто мной.— В. Д.), а кроме воровских каперов никого бояться в том вояже и на тех морях не надобно, ибо те вашего величества фрегаты снабжены быть надлежат каждый по малой мере, по сороку пушек и двойной комплект обер и ундер афицерами, також и довольное число амуниции всякого сорту, и тако те фрегаты всегда будут в добром состоянии себя оборонять и надлежащие отпоры дать»².

---

¹ ЦГАДА, ф. Госархива, разр. XXIV, д. 8, л. 8.

² Там же, л. 8а.

Экспедиция, отправляемая из Кронштадта на Тихий океан в составе 300 человек, имела своей задачей доставить Берингу необходимые запасы снаряжения и материалы для того, чтобы ускорить подготовку Второй Сибирско-Тихоокеанской экспедиции, которая должна была провести большие исследовательские работы.

Кроме того, корабли, прибывшие из Балтийского моря, по мнению Головина, сразу же могли быть использованы для исследования Тихого океана и открытия Америки. Головин пишет, что фрегаты «способнее без всякого опасения везде ходить и выискивать всякие земли и острова будут». Эта мысль Головина очень примечательна. Она еще раз подтверждает, что основной задачей экспедиции являлось изучение Тихого океана, открытие новых земель и присоединение их к России.

В случае успешного завершения плавания и возвращения судов в Кронштадт, по твердому мнению Головина, надлежало ежегодно направлять на Камчатку по два фрегата, «а прибывшим остаться здесь, и для изыскания вновь земель, островов и проходов, морских гаваней, заливов и прочего, а более для морской практики».

Головин подробно анализирует, что могут дать постоянные плавания русских кораблей из Кронштадта на Камчатку. По его мнению, такого рода плавания будут подлинной школой воспитания у молодых офицеров и матросов высоких морских качеств. Молодые офицеры и матросы получают возможность изучить условия плавания в различных морях и океанах, определить «склонение и перемену компаса, разные течения моря, перемены ветров и все то, что потребно будет знать доброму морскому афицеру, и тако в один такой путь могут те афицеры и матросы обучиться более нежели при здешнем море в десять лет»¹.

Но еще большее значение для России, по расчетам Головина, будет иметь достижение русскими побережья Америки, что откроет перед Россией широкие возможности для установления экономических связей.

«В изыскании же Америки может быть следующая великая государственная польза, ибо имеются там мины пребогатые как серебрянные, так и золотые, о которых еще неведомо (а как известно есть), какую пользу полу-

---

¹ ЦГАДА, ф. Госархива, разр. XXIV, д. 8, л. 9.

чает королевство Гишпанское, Англинское и Португальское, и какая важность тем королевствам от оной коммерции и мореплавания в те край имеются и поныне». Автор указанного предложения выражает уверенность, что плавание русских моряков увенчается успехом.

В проекте говорится, что для прочного закрепления за Россией открытых земель там необходимо построить крепости и «поселить несколько из российского народа и войско посадить».

Придавая большое значение кругосветному плаванию, Головин изъявлял готовность принять на себя командование фрегатами в том случае, если правительство примет решение направить экспедицию на Камчатку вокруг мыса Горн.

Большой научный интерес представляет также проект, составленный членом Адмиралтейств-коллегии адмиралом Сандерсом. Этот документ тем важнее, что он отражал и мнение президента коллегии Н. Ф. Головина.

В своем проекте Сандерс говорит о необходимости послать на Камчатку одного морского офицера с командой в пятьдесят человек, с тем чтобы он отыскал удобное место для постройки судов «одинаковой величины и пропорции» с кораблями, которые строились в то время на Галерной верфи. Первоначально рекомендовалось построить два пакетбота, на которых экспедиция должна была найти удобную гавань в южной части Камчатского полуострова, произведя тщательные обследования всего этого района. В проекте указывалось, что руководители экспедиции должны «прилежно записывать глубины воды, как при высокой, так и при низкой воде, и отметить подводные камни, утесы, мели. Вблизи от устья такой гавани они должны поставить бакены, чтобы ориентировать суда»¹.

Команде, посылаемой на Камчатку, по мнению автора проекта, следовало поручить заняться обстоятельным изучением метеорологических условий этого района, характера морских течений, направления ветров и т. д. «Команда должна ознакомиться с характером ветров; откуда они главным образом веют, часто ли они меняются, и в какие времена года и месяца, связано ли это с большими бурями. Наблюдать, в какие часы самый сильный отлив и прилив... что показывает компас при отливе и приливе».

---

¹ ЦГАДА, ф. Госархива, разр. XXI, д. 9 доп.

Таким образом намечалась обширная программа исследований. Все эти сведения необходимы были не только для торгового мореплавания, но и для целей обороны.

В последующих абзацах автор рассматриваемого документа пространно и обоснованно высказывает ряд предложений военно-политического характера. Говоря о назначении кораблей, которые было намечено построить, Сандерс отмечал, что эти корабли должны обладать достаточным вооружением (30—50 пушек) и быть годными к защите от японцев.

Предвидя большие трудности в строительстве флота на Тихом океане, вследствие отсутствия на месте многих строительных материалов, доставка которых в Охотск или на Камчатку также была сопряжена с большими осложнениями, Адмиралтейств-коллегия занялась вопросом о том, как найти наиболее выгодный путь для перевозки грузов на Дальний Восток. Перевозка грузов по сухому пути в то время требовала не менее двух лет, в дополнение к этому на постройку двух кораблей требовалось не менее этого срока, таким образом посылка экспедиции слишком затягивалась. Адмирал Сандерс предложил послать корабли на Тихий океан из Балтики вокруг мыса Горн, убедительно мотивируя тем, что «этот рейс может быть сделан через мыс Горн на Камчатку в течение десяти месяцев, а при удачной погоде в девять — восемь месяцев». Это смелое предложение о посылке экспедиции вокруг мыса Горн могло родиться потому, что русские кораблестроители создавали совершенные по своим мореходным качествам корабли и Адмиралтейств-коллегия была уверена в том, что такой поход можно успешно осуществить.

Исключительный интерес представляет та часть записок Сандерса, которая определяет значение дальнего плавания для поддержания боевой готовности флота на надлежащем уровне. «Прекрасный метод, — говорится в записке, — воспитания молодых морских офицеров, посылка их в такое плавание. Это упражнение в изучении моря и ветров в разных местностях земного шара, тщательное изучение компаса, муссонов и пассатов и всего, что нужно опытному мореплавателю; все это даст одна такая экспедиция, которая может вполне заменить десять маневров под Красной Горкой»¹. Характерно, что русские морепла-

---

¹ ЦГАДА, ф. Госархива, разр. XXI, д. 9 доп.

ватели первой половины XIX века высказывали аналогичные взгляды на значение кругосветных путешествий в деле совершенствования морской выучки военных моряков.

Ценность записок Сандерса заключается и в том, что в них очень четко определено оборонное назначение отправляемых на восток кораблей. В случае осложнения отношений со странами тихоокеанского бассейна или возникновения войны России с европейскими странами — Англией, Данией, Швецией или Голландией, эти корабли, по мнению автора, могли нанести удары по наиболее чувствительному месту европейских колониальных держав — по их торговле.

Определяя важное значение Камчатки, автор записок отмечал: «Для осуществления всех этих операций Камчатка является особенно благоприятным местом. Это видно, когда имеешь перед собой глобус». Удаленность европейских стран от их колониальных владений представляла для них очень большие трудности. Между тем основание военной базы на Камчатском полуострове обеспечивало России большие стратегические преимущества. Даже при наличии небольших сил она могла создать реальную угрозу для колониальных владений западных держав.

Ряд параграфов проекта был посвящен специально Японии: в них подчеркивалась необходимость установления дружественных отношений с японским государством, в случае же враждебных действий со стороны последнего, предлагалось нарушить торговлю Японии с другими странами.

Создание Тихоокеанского русского флота необходимо было также для охраны русских поселений на Тихом океане и островах, прилегающих к Камчатке (имелись в виду Курильские острова). Проект затрагивал также вопрос о комплектовании кораблей, находящихся на Камчатке. Учитывая отдаленность Камчатки, автор записок предлагал привлекать для службы во флоте коренных жителей. «В случае если из команды на судах часть матросов умрет, то по приезде на Камчатку их можно заменить туземными жителями или же казаками, которые жительствоуют в тех местах, а это не причинит никаких убытков. Эти люди к этому времени, как судам отплыть в Петербург, сделаются отличными мореплавателями, как и те,

что оттуда приехали. Они могут быть использованы также на маленьких судах по мере надобности»¹.

Говоря о целесообразности посылки кораблей вокруг мыса Горн, Сандерс утверждал, что таким путем можно без труда доставить на Камчатку всевозможные инструменты, материалы, орудия земледелия, семена, садовые растения и т. д. Он далее указывал, что введение земледелия и животноводства укрепит экономическое положение нового края и в то же время создаст местную продовольственную базу для военно-морских сил России на Дальнем Востоке.

В заключительной части своих записок Сандерс, как и Головин, вновь говорит о важности дальних плаваний для повышения боеготовности флота. Он указывает, что продолжительное нахождение флота в гавани, его бездеятельность разрушительным образом действуют на флот, подрывают его боеспособность.

Кроме изложенных проектов, заслуживает внимания также высказывание обер-секретаря Сената Ивана Кирилова, принявшего активное участие в разработке программы для экспедиции, снаряжавшейся на Тихий океан.

Иван Кирилов писал, что при наличии флота на Дальнем Востоке Россия может надежно обеспечить безопасность своих границ и морской торговли. При этом он указывал, что обладание Камчаткой и прилегающими к ней островами дает России по сравнению с западноевропейскими странами значительные стратегические преимущества, обусловленные близостью владений России к колониям западных держав, которым в случае войны потребовалось бы много времени для переброски войск, вооружения и снаряжения. Россия же, широко используя реки, впадающие в Охотское море, могла на месте создавать необходимые запасы вооружения, снаряжения и продовольствия.

Говоря о преимуществах России, Кирилов писал: «Здесь же перед европейцами, кои ходят в Ост- и Вест-Индии, великая выгода, что под экватор подъезжать и солнечный зной терпеть незачем; также алгирцов и иных морских разбойников бояться не станут, и сверх того, что

---

¹ ЦГАДА, ф. Госархива, разр. XXI, д. 9 доп.

они в проезде у чужих портов издерживают, а у нас все то подданным же в пользу придет»¹.

Таким образом, подготовка экспедиции проходила в обстановке оживленных дискуссий, в ходе которых были выдвинуты различные проекты, отражавшие назревшие потребности политического, экономического и военного характера. Под влиянием и с учетом указанных проектов, для экспедиции была разработана конкретная программа, в которой было намечено решение целого комплекса задач, связанных с необходимостью укрепления позиций России на Тихом океане. Вторая Сибирско-Тихоокеанская экспедиция находилась в органической связи с политикой русского государства, боровшегося в течение столетий за решение проблемы выхода на моря.

Следовательно, характер Второй Сибирско-Тихоокеанской экспедиции определялся политическими, экономическими, военными задачами, стоявшими перед русским государством. Решение этих коренных задач требовало проведения широкой исследовательской работы, которая была полностью подчинена основным целям. Эта мысль была точно сформулирована в указе императрицы от 17 апреля 1732 года². Основное научное задание для экспедиции было разработано Адмиралтейств-коллегией и изложено в специальной инструкции, которая была утверждена в декабре 1732 года.

Одна из главных задач экспедиции заключалась в том, чтобы осуществить всестороннее исследование условий плавания из Архангельска на Камчатку и окончательно разрешить вопрос — соединяется ли Азия с Америкой. Отсюда следует, что решение научной задачи вытекало из практических потребностей русского государства. Еще при Петре I выдвигались всевозможные проекты относительно организации торгового судоходства Северным морским путем для связи с Китаем и Индией. Авторы многочисленных проектов указывали, что этот путь является более коротким и легким по сравнению с морским путем вокруг мыса Горн. В период ожесточенной борьбы западных держав за господство на Атлантическом и Тихом океанах существовала угроза нападения на торговые суда со стороны морских пиратов. Поэтому, в случае войны России

¹ Цит. по книге А. В. Ефимова «Из истории великих русских географических открытий», стр. 291.

² ПСЗРИ, т. VIII, № 6023.

с западноевропейскими странами, пользование путями Атлантического океана было бы сильно затруднено.

Итак, экспедиция должна была практически доказать существование северо-западного прохода. Как следует из высказываний ученых того времени, теоретически этот вопрос уже не вызывал сомнений. Так, Иван Кирилов, основываясь на данных русских мореходов и плавания Беринга и Чирикова в 1728—1729 годах, был уверен в том, что Азия отделяется от Америки проливом, и твердо высказывал мысль о возможности плавания из Северного Ледовитого океана в Тихий океан¹.

Для указанной цели Адмиралтейств-коллегия наметила построить необходимое количество кораблей. В инструкции по этому вопросу говорится: «Того ради... для подлинного известия, есть ли соединение Камчатской земли с Америкой, токо ж имеется ль проход Северным морем, построить дубель-шлюпки о 24 веслах, каждую с палубою, а именно: при Тобольске на реке Иртыше — одну, да в Якутске на Лене реке — 2»².

Отыскание пути к американским берегам составляло вторую важнейшую задачу экспедиции. Для плавания к берегам северо-западной Америки предлагалось построить два пакетбота, вооружить их артиллерией и следовать на них на восток, стремясь достигнуть 67° с. ш.

Отмечая исключительную важность этого плавания, инструкция предлагала Берингу и Чирикову американские берега и острова «искать с крайнею прилежностью и старанием, точно оный поход чинить с таким усмотрением, дабы попрежнему к Камчатке возвратиться могли, не допуская такого времени, когда становится там лед и для того отпрапляться в тот поход по вскрытии вешнего льда, не упуская ни малого времени»³.

Стало быть, для Второй Сибирско-Тихоокеанской экспедиции устанавливалось два основных направления, объединенных общей идеей выхода на просторы Тихого океана. Адмиралтейств-коллегия составила для руководителей экспедиции еще ряд дополнительных, более подробных, инструкций, определявших пути и средства, необходимые для решения указанных выше задач.

¹ А. В. Ефимов, Из истории великих русских географических открытий, стр. 290.

² Экспедиция Беринга, стр. 91.

³ ЦГАДА, ф. Правительство. сената, д. 666, л. 116/об.

В то время как составлялась программа для экспедиции, Чириков находился в Казани, где он проводил большую и важную работу по учету материальных ценностей и разработке штатов по поручению Адмиралтейства.

Прибыв в Петербург в связи с назначением его в помощники Берингу, он критически изучил инструкцию и представил по ней ряд предложений очень важного, порой принципиального характера.

Предложение Чирикова показывает, что мореплаватель учитывал всю совокупность факторов, влияющих на плавание кораблей, которым предстояло пройти громадный путь от Якутска до Камчатки в сложных метеорологических и навигационных условиях Северного Ледовитого океана, к тому же в то время мало изведанных. Он считал, что этот переход возможно осуществить в два этапа.

Первый этап — от Якутска до устья Колымы, по мнению Чирикова, корабли могли пройти в одно лето. В устье реки Колымы должна была быть устроена зимовка.

Второй этап пути — от Колымы вокруг Чукотского угла (мыс Дежнева) до Камчатского полуострова мог быть выполнен в следующее лето. Ввиду того что пополнить запасы продовольствия во время пути не представлялось возможным, мореплаватели должны были запастись всем необходимым на год. Поэтому Чириков предлагал построить на реке Лене «бот большой пропорции и при нем малую шлюпку четырехвесельную... Для того, что одним летом той климаты дойти от Якутска до Камчатки или Анадерского устья не могут, ибо от устья Ленского до Камчатского расстояние будет с 6 000 верст, и потому довольно, что первым летом дойти до Колымы и тут, хотя и имеются русские острожки, однако ж без завезенного с собою провианта пропитаться не могут; да и для того дубель-шлюп неудобен, что к земле Чукотскому носу приставать и медлить долго опасно, потому что жители той части российской области не покоряются... а на море держаться в большие погоды на таком судне не можно; а обходу около сего Чукотского угла не меньше 2 000 верст, затем к Чукотской и Камчатской земле прилегло известное пространство моря, по которому иттить в таком судне бедственно, а шхер при берегу земли Камчатской мало»¹.

---

¹ Экспедиция Беринга, стр. 205—206.

Приведенное высказывание Чирикова показывает не только силу его аргументации, но говорит и о том, что он был в курсе политической обстановки, которая сложилась в то время на Чукотском полуострове. Есть основания предполагать, что его убежденность в возможности плавания из Якутска до Камчатки была основана на изучении плавания Семена Дежнева, открывшего Берингов пролив еще в 1648 году.

Вместе с тем, Чириков более глубоко и всесторонне учитывал трудности плавания по Северному Ледовитому океану, чем Беринг, допуская мысль о возможности осуществить плавание вдоль морского побережья от Оби до Нижнекамчатска в течение одного лета и на одном судне. Последующий ход событий подтвердил правильность и реальность расчетов Чирикова.

Чириков решительным образом высказывал свои возражения против того пункта инструкции, в котором предлагалось для плавания к американским берегам построить один пакетбот в Охотске, а другой на Камчатке. Он указывал, что вследствие отсутствия на Камчатке строительного материала и трудности доставки его туда, постройка корабля может затянуться на длительное время. Обосновывая целесообразность постройки обоих кораблей в Охотске, Чириков привел убедительные доказательства в пользу своего предложения. Он писал: «Ежели лес найдется на Ахоте реке или на Ураке, весьма способнее построить пакетботы при Охотском остроге; а по нужде один, а другой на Камчатке, через что может довольным временем, скорее экспедиция окончится»¹. Аргументируя свое предложение, Чириков указывал, что в Охотске имеются необходимые запасы продовольствия для строительных рабочих, что туда легче доставить провиант для строительных рабочих, чем на Камчатку. «А от Охотского устья до Камчатского — 1 800 верст морем, а судов, на чем перевозить провиант, служителей и мастеровых людей и материалов, кроме одного или двух, там быть не надеемся; и на тех грузить больше семи и осми сот пудов невозможно», — писал Алексей Ильич². Далее он отмечал, что постройка корабля на Камчатке может потребовать много времени, так как там нет лошадей и «лес по берегу реки

---

¹ Экспедиция Беринга, стр. 206.

² Там же.

повинно будет таскаться людьми да на собаках, как на строившийся там бот в 727 году лес заготовлен»¹.

Глубокую научную принципиальность и проницательность Чириков проявил также в решении вопроса о том, в каком направлении искать Америку. По этому вопросу между императорским указом и вторым пунктом инструкции Адмиралтейств-коллегии существовало противоречие.

В указе Сената говорилось, что экспедиция первоначально должна следовать к Америке. Далее, после достижения американских берегов, Берингу и Чирикову, в соответствии с инструкцией Петра I от 1725 года, необходимо было «доехать до которого города или местечка европейских владений»².

Во втором же параграфе инструкции Адмиралтейств-коллегии речь шла о том, что экспедиция должна была идти на восток. В случае, если бы ветры благоприятствовали судам, надлежало подняться до 67° с. ш., а при возможности и желании офицеров рекомендовалось идти еще дальше на север.

Таким образом, инструкция Адмиралтейств-коллегии и указ Сената давали разноречивые указания, что дезориентировало руководителей экспедиции. Отмечая противоречивость этих двух важнейших документов, Чириков с присущим ему тактом писал: «А оные места от Камчатского устья лежат меж норда и оста расстоянием не можно быть меньше 2 000 верст; и, ежели из Сената точной вышеписанному указу дан будет³, и вышепомянутая коллежская инструкция, то сомнительно будет, в которую страну иттить. Того ради покорнейше просим, дабы со изъяснением определено было, куда иттить от Камчатского устья: меж норд ли и оста или меж зуйда и оста?»⁴.

Но Чириков никогда не ограничивался только критическими замечаниями. Он всегда вносил глубоко обоснованные практические предложения для разрешения того или иного научного или сугубо практического вопроса. В данном случае он дал совет, в каком именно направлении нужно искать Америку, и показал не только понимание важности дела, которое ему поручалось, но и проявил

¹ Экспедиция Беринга, стр. 206.

² Там же, стр. 94.

³ Очевидно, Чириков хотел сказать: «если от Сената будет дан указ подобного содержания».

⁴ Экспедиция Беринга, стр. 206.

заботу о том, чтобы экспедиция успешно достигла поставленной перед ней цели.

Выражая свое твердое убеждение, Алексей Ильич писал: «А ежели государственная Адмиралтейств-коллегия соблаговолит принять и от меня о сем покорнейшее расуждение, то доношу, что, по моему мнению, не токмо возвышаться нам выше 67 градусов и в 67 градусов не для чего, понеже посылающимся офицерам от Якутска рекою Леною и морем до Камчатки может свидетельствоваться, что Азия с Америкой разделяется водою»¹. Эти слова Алексея Ильича свидетельствуют о том, что он стремился согласовать деятельность северных отрядов с тихоокеанскими отрядами, каждому из которых должен был быть отведен определенный район исследования. Он был уверен в существовании пролива, отделяющего Америку от Азии, проход же кораблей из Северного Ледовитого моря в Тихий океан должен был практически подтвердить правильность его суждений на этот счет.

Что касается указания Коллегии о возможности плавания выше 67° с. ш., то Чириков полагал, что плавание в таких высоких широтах нецелесообразно, ибо оно сопряжено с большими опасностями и может окончиться неудачей. Правда, он допускал мысль о том, что в этих широтах имеются острова, но высказал предположение, что они необитаемы.

Из этого видно, что Чириков предлагал изучить Тихий океан в определенной последовательности. В первую очередь, по его мнению, нужно было с уверенностью искать путь к Америке. Хорошо зная метеорологические условия северной части Тихого океана, а также учитывая, что колонизация западноевропейскими странами Америки может распространиться и на северную ее область, он считал важным начать обследование северо-западной Америки от колониальных владений Испании. Эту мысль он сформулировал следующим образом: «лучше, по моему признанию, искать островов в самой Америке меж 50-ти и 65-ти градусах, где климат удобен жителям и земля может быть не пустая»².

Чириков считал, что плавание в северных широтах не вызывается необходимостью. На самом деле, при тогдаш-

---

¹ Экспедиция Беринга, стр. 206—207.

² Там же, стр. 207.

них условиях начать освоение этих северных островов, даже если бы там были обнаружены естественные ископаемые, было очень трудно. Алексей Ильич предлагал приступить к изысканию с более южной области, где климатические условия были благоприятнее, что впоследствии могло облегчить освоение новых земель. При разработке маршрута Чириков точно указал, что Америка должна находиться на незначительном удалении от Чукотского полуострова. Так, он писал: «чаем, что Америка не весьма далеко от Чукотского восточного угла, лежащего в 64 градусах и, может быть, что от Павлуцкого слышится о самой Америке»¹. Замечание Чирикова относительно Д. И. Павлуцкого² довольно любопытно. Оно свидетельствует о том, что мореплаватель следил за всеми экспедициями, которые в то время осуществлялись на Тихом океане. Он не только был в курсе событий на Дальнем Востоке, но, повидимому, тщательно изучал материалы изысканий своих соотечественников.

В своем последнем отчете Д. И. Павлуцкий сообщал, что служилый человек Афанасий Мельников, посланный им в 1725 году для сбора ясака и приведения «непокоренных иноземцев в подданство», собрал ценные сведения о Большой Земле. Когда Мельников был в 1725 году на Чукотском полуострове, туда прибыло с морского острова два человека, «кои вставляють к своим зубам моржевые зубья, и сказывали ему, Мельникову, на словах: до жилища де их, на котором острове они жительство имеют, от Чукотского Большого носу день ходу, а от того острова вперед до другого острова, которая называется Большая Земля, день же ходу, где имеется всякой зверь: соболи, лисицы, бобры, речные рассамахи, рыси, дикой олень, також есть всякий лес, и аленных де и пеших иноземцев довольное число»³.

На основании этих сообщений и собственных наблюдений, произведенных во время первого похода, Чириков пришел к твердому убеждению, что можно дойти до Америки, не спускаясь к испанским владениям. «А можно достоверится и освидетельствовать о Америке и не доходя к зюйду до ишпанского владения: когда придем к

¹ Экспедиция Беринга, стр. 207.

² Д. И. Павлуцкий в течение многих лет был начальником Анадырского острога.

³ Экспедиция Беринга, стр. 94.

американским берегам по величеству земли и по разности длины, самояльство Америка или острова, в чем надеюсь, что подтвердит мое мнение отправляющийся в настоящую экспедицию профессор, и имея как от чукчей, так и от других народов по человеку для языка и во известиях о землях»¹. «А чтоб для одного уведомления [об] Америке иттить до Мексиканской провинции,— указывал Чириков,— признаваю не для чева, понеже чрез вышеписанные способы узнать оное можно, и чрез протяжение 15 градусов, то-есть от 65 градусов до 50, ежели неразрывный берег увидим. А ежели туды иттить, то... от той далной страны возвратитца чрез одно лето к Камчатке весьма ненадежно, отчего опасно бедствие».

Итак, Чириков уже в 1733 году, задолго до непосредственного плавания, определил совершенно точно, в каком именно направлении нужно искать Америку. Это означает, что теоретически вопрос о существовании северо-западной Америки и ее приблизительных границах был решен в положительном смысле, что имеет немаловажное значение.

Указанное обстоятельство показывает высокий уровень русской географической науки и в то же время говорит о том, что плавание Чирикова и Беринга принципиально отличалось от плавания Колумба. В поисках торговых путей, с целью отыскания новых источников богатства, Колумб шел в Индию, как стремились туда многие европейские колонизаторы. Идя в Индию, он случайно открыл новую землю, назвав ее Вест-Индией. Чириков же, на основании глубокого изучения материалов русских экспедиций, теоретически доказал, что Большая Земля не остров, как это изображалось на всех картах того времени, а Северная Америка и, как увидим дальше, открыл ее с запада, свершив великий научный подвиг.

Определение района исследования, полагал Алексей Ильич, составляло лишь одну сторону вопроса. Решающее значение в успешном выполнении научного задания он придавал подготовке экспедиции, умелому подбору офицеров, матросов, постройке доброкачественных мореходных кораблей. Отдаленность Камчатки от экономических областей и районов, ее необжитость до крайней степени осложнили положение. Алексей Ильич хорошо понимал,

---

¹ Экспедиция Беринга, стр. 207.

что на пути экспедиции встретятся немалые трудности, поэтому он хотел все предусмотреть, точно подсчитать потребное количество снаряжения, строительных материалов, запасов продовольствия и т. д., определить количество всех необходимых запасов для экспедиции в 500 человек.

Для перевозки материалов, грузов, продовольствия Чириков предложил в селах на пути следования экспедиции построить до 200 малых речных судов. Он указывал, что эти суда должны быть небольших размеров, чтобы их можно было перетаскивать через мели, ибо на больших судах до пункта назначения «дойти весьма невозможно, отчего и в прежние посылки провиант до уроченного места не доведен и назад возвращен»¹. Доставить материалы до Юдомского креста Чириков рассчитывал речным путем, а далее все запасы и материалы переправить гужевым транспортом.

Чириков стремился учесть все до мельчайших подробностей. В связи с тем, что перевезти грузы от Юдомского креста до Охотска можно было только гужевым способом, он предложил в Охотске заготовить для лошадей «пристойное число сена», для чего рекомендовал заблаговременно прислать в Охотск из Якутска косцов. Лучшего способа выйти из создавшегося положения, по мнению Чирикова, придумать было нельзя.

Признав ценность и полную обоснованность предложений Чирикова, Адмиралтейств-коллегия с большей их частью согласилась и включила их в окончательный вариант своей инструкции от 28 февраля 1733 года. Так, начальнику экспедиции предлагалось построить два пакетбота, один в Охотске, другой — на Камчатке. Ему также предоставлялось право окончательно определить место постройки кораблей, для чего прежде надо было, «рассмотря по нынешнему времени и по тамошнему состоянию, учинить с протчими афицерами консилиум, и где построить оные суда ко интересам ее императорского величества за способнее потребно». В выбранном месте, говорилось далее, «оные суда, какие залучее к вояжу рассудятца, построить и вооружить оные артеллериею и впротчем исправить, как надлежит по вашему же рассуждению»².

---

¹ Экспедиция Беринга, стр. 207.

² Там же, стр. 163.

В параграфе девятом инструкции, определявшем порядок плавания кораблей к Америке, было сказано: «на тех судах на одном вам, капитану-командору Берингу, а на другом — капитану Чирикову следовать, не разлучаясь обоим, и в том следовании искать американских берегов и островов с крайнею прилежностью и старанием чинить вам, господину-командору, *с общего согласия с капитаном Чириковым по науке морской* (подчеркнуто мной.— В. Д.), к чему в совет приобщать посланного Академии наук профессора и для того сперва итти по предложению и мнению помянутого профессора и по вашему общему рассуждению»¹. Этим самым признавался научный авторитет Чирикова.

После определения того, что одной из главных задач экспедиции является открытие Америки, в инструкции подробно излагались и другие задачи. В частности, в ней говорилось: «когда самые американские берега найдутся там, как чаецца, найдете, то на оных побывать и разведать подлинно, какие на них народы и как то место называют и подлинно ль те берега американские и, учиня то и разведав, с верным обстоятельством поставить все на карту и потом итти для такого же разведывания подле тех берегов, сколько время и возможность допустит по своему рассмотрению, дабы к Камчатским берегам могли по тамошнему климату возвратитца во благополучное время, и в том у вас руки не связываютца, дабы оный вояж от того не учинился безплодной, как и первой..., возвращаясь к Камчатке, осматривать иных новых земель или островов и содержать себя во всякой опасности, чтобы не впасть в какие руки и не показать им к себе пути, о котором они никогда не слыхали. А по возвращении к Камчатским берегам, о том вояже и обо всем прислать в коллегию журнал и другие довольные ведомости и карту с нарочным офицером, который будет в том вояже, и отправить его оттуда через почту, а самим остатца тамо и ожидать указу»².

Десятый параграф инструкции гласил, что, в случае если осмотреть и описать американские берега в одно лето не удастся, следует об этом донести в Адмиралтейств-коллегию, а «самим, не ожидая указу, следовать и во оконче-

---

¹ Экспедиция Беринга, стр. 163.

² Там же, стр. 163—164.

ние то проводить в другое лето»; а если и тогда достигнуть американских берегов все же окажется невозможным — «учиня консилиум, возвратиться и следовать к третьему месту и о том в Коллегию рапортовать».

Для отыскания пути к Японии Берингу поручалось на реке Камчатке построить один бот и две дубель-шлюпки; на этих судах капитану М. Шпанбергу надлежало совершить плавание к японским островам. Для одаривания жителей «не токмо вновь приходящих в подданство, но и прежних тамошних народов княжцов» начальнику экспедиции предлагалось захватить необходимое количество товаров.

В целях обстоятельного исследования побережья Охотского моря, Берингу приказывалось снарядить одно или два судна, экипажи которых должны были состоять из морских служителей и сибирских жителей. В задачи этого отряда входило описание морского берега Охотского моря и реки Уды. Закончив эту работу, отряд должен был подняться как можно выше по реке и собрать сведения о наличии строевого леса, изучить возможности для земледелия и животноводства. Однако, дальше Амура отряду идти не рекомендовалось, «дабы не впасть у китайцев в подозрение, потому что за Тугуром до Амура и далее Корея и прочие земли — китайского владения»¹. Таким образом, Адмиралтейств-коллегия требовала от руководителей экспедиции, чтобы они строжайшим образом соблюдали государственные интересы соседнего великого китайского государства.

Важно также отметить следующее. Адмиралтейств-коллегия считала, что задача экспедиции состоит в отыскании островов, не известных другим народам. Посещения земель, открытых европейцами или принадлежащих другим государствам, экспедиции предлагалось избегать. Из сказанного следует, что Адмиралтейств-коллегия наказывала участникам экспедиции строго придерживаться существовавших обычаев относительно географических открытий.

В обязанность командиров отдельных отрядов вменялось разыскивать на посещаемых островах и землях места для устройства пристаней «и для прибежища во время штормов и льдов», исследовать, в каких местах имеется

---

¹ Экспедиция Беринга, стр. 168.

лес, пригодный для починки морских судов, рекомендовалось также по возможности выяснить, не имеется ли на открываемых землях полезных руд¹. Для этой цели в распоряжение экспедиции передавался пробирный мастер Гардебол, отправленный на Камчатку с Д. И. Павлуцким еще в 1727 году. С той же целью было решено отправить на Камчатку двух или трех «в сыскании и в пробах рудных наученных людей, с принадлежащими инструментами» с екатеринбургских заводов. Всем им велено было разыскивать металлы и минералы «и буде есть, то брать руды, зделать малые, а потом, по надежде и свидетельству смотря, большие пробы *и описывать такие места особо*»².

Отмечая важность отыскания руд и металлов, инструкция подчеркивала, что в случае, если в подвластных «России местах такое подземное богатство откоется, от которого по большим пробам прибыль покажетца, о том, не упуская вдаль, по возвращению объявлять охотскому командиру, а в протчих местах другим командирам, а им определено на особливых судах и с посланных мастеров и с ними надлежащее число людей для охранения и работы, и инструменты, и припасы, и правянт посылать и всемерно старатца в настоящее действие производить в пользу и в прибыль интереса ея императорского величества, и исполняя то, писать в Сенат и прислать пробы руд»³. Астроному, находящемуся в составе экспедиции, поручалось производить астрономические определения сибирских городов, для чего ему разрешалось свободно передвигаться по всей Сибири.

В связи с организацией Второй Сибирско-Тихоокеанской экспедиции русское правительство решило упорядочить административное устройство Охотского края. Прежде Охотск и Камчатка находились в ведении якутского воеводы, который вследствие большой отдаленности от Якутска указанных земель не мог оказывать значительного влияния на жизнь края. Как выше отмечалось, в 1731 году начальником Охотского края был назначен Г. Г. Скорняков-Писарев, в подчинение которого передавалась и Камчатка. Что же касается прав начальника Сибирско-Тихоокеанской экспедиции, то они ограничивались, хотя первоначально предполагалось передать Бе-

¹ Экспедиция Беринга, стр. 169.

² Там же (подчеркнуто мной. — В. Д.).

³ Там же, стр. 169—170.

рингу всю полноту власти. Начальнику экспедиции предлагалось заниматься делами, вытекавшими из рассмотренной выше инструкции Адмиралтейств-коллегии, не касаясь перевозки людей, их поселений, земледелия, животноводства, сбора ясака и т. д. Однако это указание Коллегии Беринг и Шпанберг часто нарушали. Они вмешивались в дела начальника Охотского края, что приводило к распрям между руководителями экспедиции и местными властями.

По всем вопросам, связанным с экспедицией, Беринг должен был обращаться к начальнику Охотского края, «который как людьми, так и протчим помогать будет»¹.

Ввиду того, что Адмиралтейств-коллегия была заинтересована в своевременном получении материалов экспедиции, Берингу предлагалось немедленно по окончании плавания послать их в Петербург. Придавая большое значение экспедиции, проходившей в период, когда западно-европейские колонизаторы стремились расширить свои колониальные владения, Адмиралтейств-коллегия указывала на необходимость сохранять истинные цели экспедиции в строжайшей тайне, а «для публичного показания сообщаетца вам, тако ж капитану Шпанбергу и офицеру, который пойдет из Лены в Камчатку, особые инструкции»². Эта мысль была развита в указе от 28 декабря 1732 года, где говорилось, что при встрече с иностранными кораблями следует предъявлять ту инструкцию, в которой излагались чисто научные задачи.

Чтобы всесторонне изучить новые земли и собрать материалы по самым различным научным вопросам, Академия наук разработала ряд дополнительных инструкций для экспедиции, дающих участникам экспедиции вполне конкретные и определенные указания. Об этих инструкциях имеются лишь отдельные упоминания в литературе, посвященной Второй Сибирско-Тихоокеанской экспедиции³. Между тем, без рассмотрения этих документов невозможно понять всей грандиозности задуманной экспедиции и того научного и политического значения, которое ей придавалось. При составлении задания экспедиции были учтены те значительные сведения о Дальнем Востоке, которые уже находились в распоряжении Академии наук.

¹ Экспедиция Беринга, стр. 171.

² Там же.

³ Там же, стр. 393, примечание 41.

Часть этих ценных сведений была получена в процессе первой экспедиции.

Прежде всего обращают на себя внимание «Известия о новой карте¹ моря Восточного, которая сочинена для показания кратчайшей дороги из Азии в Америку». Автором этой инструкции был известный уже нам профессор астрономии Жозеф Делиль. В «Инструкции» указывалось, что экспедиция должна идти к земле, которую якобы видел голландский мореплаватель Жуан де Гама. По предположению Делиля, эта земля должна была лежать «на полудни от Камчатки». Далее указывалось, что земля Гама находится к востоку от земли Компании, открытой в 1643 году голландцами и нанесенной ими на карту. Однако Делиль в точности не знал, находятся ли эти земли во владении Голландии. Согласно его заявлению, ему не было известно, высаживались ли на землю Гама люди, открывшие этот остров, и был ли он введен во владение какой-либо державы.

Предлагая идти к земле Гама, Делиль считал, что последняя соединяется с Калифорнией в северной ее части. Он утверждал, что берега, «виденные доном Иоанном де Гама, которые положил я прямо против Камчатки, чинить может быть часть великия земли непрерывные, которая сходится с Америкою и которая еще соединяется к норду от Калифорнии с берегом полунощным, или северным при входе сысканном через Мартина да Гиллера».

На основании этих данных Жозеф Делиль предлагал экспедиции идти к земле Гама. По его словам, он был убежден, что, идя указанным курсом, можно найти берег американского материка. Составленная французским ученым карта была передана Берингу для неуклонного следования ей. Предложения же Чирикова относительно плавания к Америке не были приняты.

Для экспедиции были также написаны специальные инструкции. В них излагались методы определения географического положения островов и земель, которые предстояло посетить русским мореплавателям. Так, в одной из них («Инструкции особливые о обсервациях географических») подчеркивалась мысль о важности точно описывать все места, где придется бывать русским морякам, проверять и уточнять все карты, составленные прежними

¹ Составлена на основе карты французского географа Гильома Делиля.

моряками. Основным методом определения координат тех или иных пунктов признавался геодезический метод.

Этот метод установления географических координат позволял выполнить названные работы самым точным для того времени образом, для чего, однако, требовалось много времени и немало хорошо подготовленных геодезистов. Поэтому разрешалось производить определение географических координат также посредством компаса или измерения расстояния, проходимого кораблем, с помощью веревки или цепи, а в некоторых случаях допускалось указывать расстояние «по догадке или по скаске обывателей».

На основании данных, полученных таким путем, невозможно было, разумеется, составить отчетливого представления о географических координатах изучаемых островов или земель. Однако при отсутствии в распоряжении экспедиции необходимых сил и средств даже такой элементарный способ давал ценные результаты.

Подчеркивая значение географических исследований, инструкция отмечала, что данные о координатах слабо изученных районов и вновь открываемых земель будут использованы при составлении генеральной карты Российской империи. Вполне достоверной карты в то время еще не было, а те, что имелись, были «не совершенны и недостаточны»¹.

Далее в инструкции указывались задачи по исследованию отдельных районов, находившихся по соседству с владениями России. В первую очередь предстояло исследовать побережье Азии выше 55°. Река Амур и впадающие в нее реки были обозначены на китайских картах, «но после реки Амур до Охоты есть еще 4 или 5 градусов берегов моря восточного, которые суть незнаемы». На самом деле, на этом берегу, как подтверждали все русские люди, имелось много рек, которые впадали в Восточное (Охотское) море, как например, река Уда, на которой находился Удский острог. В связи с этим ставилась задача «учинить изыскание для моря Восточного, чтобы иметь карту подлинную берега, которой есть на полудни Охоты со всеми реками, которая в ту впадают даже до устья Амура, ежели дойти мочно, которую карты хинские кладут под шириной 53 градусов без некоторых минут»².

---

¹ЦГАДА, ф. Правительств. сената, д. 666, л. 209/об.

² Там же.

Экспедиция должна была определить положение берега до устья Амура или «до которого места случай допустит». Цель этого исследования заключалась в проверке правильности показаний китайских карт.

В инструкции экспедиции ставилась также задача изучить характер и образ жизни народов, обитающих на северном берегу Амура, ибо «потребно знать каково нынешнее состояние народов на северной стороне реки Амура на берегах моря Восточного и во внутренности земли той даже до границ сибирских, какой есть оных язык, одежда, обычай, закон и проч., имеют ли сообщение и купечество с соседями своими и, во-первых, плавают ли по морю Восточному к островам и ходят ли до земли Иессо». По мнению автора этой инструкции, все указанные сведения об Амуре можно было собрать до прибытия экспедиции в Охотск.

Вторая задача географического характера, поставленная перед экспедицией, состояла в том, чтобы произвести обследование Пенжинского, т. е. Охотского, моря, определить находящиеся в нем острова, их размеры, установить, есть ли на них жители и т. д. Важность изучения Пенжинского моря состояла в том, что оно позволило бы проложить путь к земле Иессо, определить места остановки судов.

Затем экспедиции предлагалось, следуя проливом, отделяющим материк от Великого острова, т. е. Сахалина, спуститься на юг, чтобы «уведомитца о берегах северных и восточных и западных, устье земли, которые еще и до сего числа не найдены». Вспомним здесь, что находившийся в этом районе в 1621 году иезуит Десанж не мог преодолеть пролива, названного со временем Лаперузовым; его неудача объяснялась впоследствии тем, что ему не удалось «перейти сию узкость ради быстроты ея течения»¹.

Далее следовали указания, каким образом следует проверять месторасположение пунктов, обозначенных на карте голландскими мореплавателями в районе острова Сахалина и земли Иессо. Особое внимание обращалось на исследование положения города Матсмай², считавшегося столицей Иессо. Географическое положение Иессо

¹ ЦГАДА, ф. Правительство сената, д. 666, л. 232.

² Этот город расположен на одноименном острове, который теперь называется о. Хоккайдо.

еще в точности не было определено, так как из европейцев мало кто знал о существовании такой земли. Первыми здесь побывали голландцы, но они стремились держать в тайне результаты своих плаваний. На картах эта земля изображалась то круглой, с ровными и гладкими очертаниями, то изрезанной различными заливами и проливами.

Главное заключалось в том, чтобы найти путь к Матсмаю, «как он есть столичный город земли Иессо, ...что должно бы было к нему наипаче искать путь, для того в этот город той страны жители со своих товаров с купцами японскими, которые туда из японских провинций проходят».

Показательно, что в инструкции, которая, казалось бы, должна была ограничиться изложением чисто научных положений, много внимания уделялось характеристике экономических выгод, которые можно получить в результате установления торговых отношений с населением японских островов. «Прибыль такова купечеству могла бы быть в мене мехами сибирскими на шолк Японии, на посуду их муравленную и форфоровую, не считая золота и серебра, меди и олова и свинца, о чем извесно, что у японцев всего сего изобильно». Далее автор инструкции, обосновывая свои предположения, ссылается на рассказы других мореплавателей о том, что в Иессо «обретаются самые лучшие мехи так же де руды золотыя и серебряныя, в котором деле жители весьма не искусны и не знают. Находятся там так же и руды медные, которые содержат или кажутся содержат много серебра, почему российский народ может великую себе корысть получать»¹.

Для экспедиции была разработана также программа всестороннего исследования жизни народов тех земель, где кораблям Беринга и Чирикова предстояло бывать. Им поручалось, например, определить, «разделены ли или родом или видом между собою или смешаны» жители посещаемых стран.

Они должны были выяснить историю возникновения различных народов: «откуда имеют всякие народы начало или происхождение свое и иные предания о древних народах, оных жилищах и переселениях, о вещах воинских и от оных сделанные». Берингу и Чирикову были даны ука-

---

¹ ЦГАДА, ф. Правительство. сената, д. 666, л. 236.

зания относительно сбора материалов о религиозных верованиях, обычаях, нравах местных народов. Большое внимание уделялось изучению производственной деятельности, состоянию науки, ремесел, характеру военных сил, политического правления, состоянию торговли.

Далее инструкция требовала установить названия рек, городов, провинций. В случае посещения любого города предлагалось узнавать его историю, «когда и от кого сочинена или написана». Берингу и Чирикову вменялось в обязанность не оставлять без внимания всякого рода достопримечательности, особенно тщательно описывать памятники старины. «Все всякого рода камни и разваленные здания, или плоты, старые гробы, или кладбища, статуи, сосуды, скудельные или глиняные ветхия и новыя идолы или болваны, славнейших городов вид и положение места, крепости и протчая должен, а иные ежели можно будет и сюда привести подобает».

В заключение инструкция указывала на желательность описания внешнего вида одежды местных народов.

Рассмотрев различные документы, составленные для экспедиции, можно сделать следующие выводы.

В разработанной для Второй Сибирско-Тихоокеанской экспедиции программе намечался целый комплекс задач, их осуществление призвано было способствовать решению главной тихоокеанской проблемы. В условиях ожесточенной борьбы западноевропейских держав и реальной угрозы распространения экспансии этих государств на северные районы Тихого океана эта проблема приобретала для русского государства жизненно важное значение.

Русское правительство знало о существовавшей тогда угрозе иностранного вторжения. В сенатском указе об отправлении В. Беринга на морских судах «для проведывания» земель, находящихся между Америкой и Камчаткой, имеется пункт, в котором говорится: «токмо того накрепко остерегаться, чтобы в американские и азиатские такие места не зайтить, где уже владения европейских государей или китайского богдыхана и японского хана есть, чтобы не войтить в подозрение и не открыть бы к Камчатским берегам своим приездом пути, о котором они поныне неизвестны, а наипаче при нынешнем тамошнем малолюдстве через ту причину не заняли нужных пристаней»¹.

---

¹ ПСЗРИ, т. VIII, стр. 774 (подчеркнуто мной. — В. Д.).

Вместе с тем программа экспедиции была частью мероприятий, проводимых государством с целью определения территории России и изучения ее естественных богатств, что диктовалось экономическими, научными соображениями, а также интересами укрепления безопасности Дальнего Востока.

Экспедиции ставилась задача разрешить географическую проблему, соединяется ли Азия с Америкой, открыть путь к Америке и Японии. Все это должно было облегчить установление торговых отношений России с Филиппинами, Индией и другими государствами тихоокеанского бассейна. Таким образом, организаторы экспедиции стремились содействовать решению жизненно важной задачи выхода России на моря и океаны.

Программа экспедиции включала совокупность мероприятий по приведению в подданство России народов, обитавших на многочисленных островах, открытых русскими мореплавателями, и присоединению к России этих новых земель. Осуществление этих задач могло воспрепятствовать экспансии иностранцев в этой части земного шара и обеспечить свободный выход России на Тихий океан.

По замыслу Адмиралтейств-коллегии во время плавания в Северном Ледовитом и Тихом океанах русские моряки должны были усовершенствовать свою морскую выучку.

Одной из важнейших задач экспедиции было отыскание на побережье Тихого океана и на островах удобных гаваней, занимающих выгодное географическое положение, для создания военно-морских баз и торговых портов.

В условиях необжитого края и возрастающей угрозы агрессии западноевропейских стран на восточных окраинах России требовалось принять меры по экономическому освоению Дальнего Востока. Поэтому экспедиции надлежало обследовать обширные районы Сибири и Дальнего Востока и определить районы, где целесообразно было бы создать экономические и культурные центры, что способствовало бы укреплению безопасности дальневосточных границ Российского государства.

Осуществление общего руководства экспедиции было возложено на Адмиралтейств-коллегию, сделавшую очень много для ее успеха.

Алексей Ильич Чириков сыграл выдающуюся роль в разработке программы исследований, в определении пути

к американским берегам. Но еще бóльшие его заслуги в практическом осуществлении программы такой экспедиции, какой, по метким словам И. Кирилова, «ни отково никогда небывало»¹.

А. И. ЧИРИКОВ — РУКОВОДИТЕЛЬ ПЕРЕХОДА ЭКСПЕДИЦИИ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В ОХОТСК

Обширная программа по исследованию Сибири и Дальнего Востока, принятая Адмиралтейств-коллегией, определила организационную структуру Второй Сибирско-Тихоокеанской экспедиции. Всего было намечено создать семь отрядов. Каждому отряду для исследования и составления карты отводился определенный участок.

Первый отряд, сформированный в 1734 году в Архангельске, должен был исследовать участок от устья Печоры до устья Оби.

Второй отряд формировался в Тобольске. Во главе его был поставлен один из наиболее опытных морских офицеров лейтенант Дмитрий Овцын. Этому отряду поручалось обследовать и нанести на карту побережье Карского моря от устья Оби до устья Енисея. Постройка корабля, предназначенного для плавания этой экспедиции в арктических условиях, была начата в апреле 1733 года по указанию Беринга, который потребовал, чтобы Сибирская губернская канцелярия выделила для этой цели «мастеровых и работных людей с их инструментами».

Третий отряд, созданный в процессе работы экспедиции, имел задачу — изучить побережье Карского моря восточнее устья Енисея. В г. Туруханске, избранном в качестве базы отряда, развернулась подготовительная работа.

Четвертый и пятый отряды были сформированы в Якутске. Постройка кораблей и подбор экипажей осуществлялись Берингом и Чириковым.

Задача четвертого отряда заключалась в том, чтобы положить на карту морское побережье от устья Лены на запад до устья Енисея. Пятому отряду поручалось обследовать и нанести на карту побережье Северного Ледовитого океана от устья Лены, а затем, обойдя Чукотский полуостров, направиться к Камчатке.

---

¹ Цит. по книге А. В. Ефимова «Из истории великих русских географических открытий», стр. 290.

Шестой отряд предназначался для плавания к берегам Америки, а седьмой — к японским островам.

Действиями всех отрядов, за исключением первого, руководили Чириков и Беринг, которые определили задачи каждого отряда в отдельности. Сделанные ими в этой связи предложения были включены в общую программу экспедиции. Под их руководством проводилась постройка кораблей, предназначенных для плавания в суровых условиях Арктики. При этом был использован богатый опыт, приобретенный русскими моряками во время Первой Сибирско-Тихоокеанской экспедиции. Командиры отдельных отрядов в течение всей деятельности экспедиции поддерживали непосредственную связь с Берингом и Чириковым. Очень часто эта связь осуществлялась через специальных нарочных. Считая, что северные отряды выполняют лишь частные задачи единой программы, Беринг и Чириков в общих отчетах о деятельности экспедиции подробно освещали их деятельность. При подведении научных итогов экспедиции Чириков обобщил материалы, добытые всеми ее участниками.

В марте 1733 года были утверждены штаты экспедиции, участникам ее было установлено двойное жалованье.

Начальником экспедиции, как известно, был назначен Беринг, его первым помощником Чириков, вторым — Шпанберг.

В организации и подготовке экспедиции большую роль сыграли обер-секретарь Сената И. К. Кирилов, президент Адмиралтейств-коллегии Н. Ф. Головин и гидрограф Ф. И. Соймонов. Они стремились к тому, чтобы экспедиция была укомплектована офицерами и нижними чинами из русских, а не иноземцами, предпочитая «охотников», т. е. добровольцев. И все же среди участников экспедиции оказалось много иностранцев, что не могло не сказаться отрицательно на ходе экспедиции.

Не совсем удачным было назначение начальником Беринга, так как он (хотя и сформировался как моряк в России и прошел русскую школу морского воспитания) все же имел недостатки — проявлял чрезмерную осторожность, легко поддавал под чужое влияние. Поэтому он, по справедливому замечанию историка А. П. Соколова, был «мало способный начальствовать экспедицию, особенно в такой суровый век и в такой неорганизованной стране,

какую была Восточная Сибирь в начале осемнадцатого века»¹.

С недоверием отнеслись к назначению Беринга его современники.

Берингу делали упреки в том, что он еще в первом плавании неправильно определял курс корабля. В своем донесении Адмиралтейств-коллегии лейтенант М. Г. Плаутин² писал: «А как он капитан-командор из принуждения на море отправиться, то надеюсь исправление у него такое же будет, как и в первой экспедиции для того что он ни командующим был, и без всякого резону такие нерасчетные курши (курсы) переменял через один два часа и не от перемены ветра или для какой опасности приключившегося как на море случается, идучи между нордом и остом и поворотить между вестом и зюйдом и потом пайти к востоку, за что с офицерами у него была ссора не малая, для того, что они ему предлагали в том, чтоб взять один курш, и подписаться в том, чтобы итти до тех пор, пока что найдут или нужда велит переменить тот курш; а он в том их не послушал и того ради и к пользе интереса е. и. в. не учинил вымышленного»³.

Нерешительность, свойственная Берингу, была хорошо известна правительству и адмиралтейству по опыту Первой Сибирско-Тихоокеанской экспедиции, которую он возглавлял. Тем не менее, руководство следующей экспедицией было вновь поручено Берингу. При этом исходили из того, что мысль об организации рассматриваемой экспедиции принадлежала Берингу, что он знает район деятельности экспедиции и, имея помощниками хороших русских офицеров и матросов, справится с поручением.

Выгодно отличался от Беринга Алексей Ильич Чириков, сыгравший решающую роль в руководстве всей экспедицией, «соединявший с образованием и умом скромность, твердость характера»⁴.

«Капитан Алексей Ильич Чириков был лучшим офицером своего времени, краса и надежда флота, умный, обра-

---

¹ А. Соколов, Северная экспедиция 1733—1743 гг., Записки Гидрограф. департамента, ч. IX, 1851 г., стр. 208.

² Можно предполагать, что он был участником Первой экспедиции.

³ А. Соколов, Беринг и Чириков, «Северная Пчела», 1849 г., № 98.

⁴ ЦГАВМФ, ф. 315, д. 521, л. 45.

зованный, скромный и твердый, человек, в котором морская служба не могла ожесточить чувствительное сердце», — говорит о Чирикове историк А. П. Соколов¹.

По возвращении в Петербург в 1730 году из Первой Сибирско-Тихоокеанской экспедиции Чириков был произведен в капитан-лейтенанты, а спустя два года — в капитаны 3-го ранга. Эти звания были присвоены Чирикову за его большие заслуги в экспедиции.

В постановлении Адмиралтейств-коллегии о назначении Чирикова в экспедицию говорилось: «утверждалась на нем, по искусству его не без надежды в той экспедиции к интересам е. и. в. доброго плода, чего ради он в общий совет во всех отправлениях с капитан-командором Берингом сообщен»².

Вторым помощником Беринга был назначен Шпанберг, которому поручалось возглавить отряд, отправлявшийся к Японии.

В марте 1733 года, закончив все приготовления, основная часть экспедиции тронулась в путь. В ее состав входило около 500 человек. Экспедицию сопровождал обоз из сотни подвод, на которых везли различные материалы, необходимые для предстоящего плавания. Многие члены экспедиции взяли с собой семьи, так как не рассчитывали быстро возвратиться. Вместе с Чириковым поехали в Сибирь жена и дочь. Жена Алексея Ильича стойко переносила все лишения, связанные с жизнью в непривычных и суровых условиях отдаленного края, где часто не хватало самого необходимого. Покидая родные места, все невольно испытывали чувство беспокойства перед предстоящим им трудным путешествием. Никто не знал, суждено ли ему возвратиться на Родину.

Вскоре после того как отбыл первый отряд экспедиции, из Петербурга, по распоряжению Сената, выехала группа ученых, среди которых находился историк Г. Ф. Миллер, доктор медицины, химик и естествоиспытатель И. Г. Гмелин, астроном Людвиг Делиль де ла Кройер, командированный в экспедицию по настоянию своего брата академика Жозефа Николя Делиля — французского шпиона в России. Впоследствии к экспедиции присоединились

---

¹ А. Соколов, Северная экспедиция 1733—1743 гг., Записки Гидрограф. департамента, ч. IX, 1851 г., стр. 210.

² Материалы для истории русского флота, ч. VII, стр. 521.

также историк И. Э. Фишер и известный естествоиспытатель Г. В. Стеллер.

Для участия в экспедиции был назначен от Академии наук студент Степан Петрович Крашенинников.

Крашенинников родился 31 октября 1711 года в Москве в семье солдата петровской армии. С детства он отличался любознательностью; тринадцати лет его отдали в Московскую славяно-греко-латинскую академию. Исключительные способности и трудолюбие юноши выделяли его из среды товарищей. О годах пребывания Крашенинникова в Академии один из его современников писал, что Степан Петрович имел большие успехи в изучении латинского языка, красноречия и философии, натуральной истории и географии и «превосходил товарищей ревностью и прилежанием в науках, впрочем и в поступках был человеком честного обхождения». Когда потребовалось выделить из числа учеников Московской академии двенадцать лучших для перевода их в только что учрежденную в Петербурге Академию наук, выбор среди других пал на Крашенинникова.

Вместе с учеными и четырьмя другими студентами Крашенинников направился на Камчатку, где прожил около четырех лет. Своим упорным трудом он много сделал для различных областей науки. Крашенинников, по словам Ломоносова, «сразу выделился своими способностями и рвением к науке». Крашенинников вошел в историю отечественной и мировой науки как первый исследователь Камчатки. Его описание края — один из наиболее блестящих трудов мировой географической литературы.

В распоряжение экспедиции было также выделено около 500 солдат из Тобольского и Якутского полков, в результате чего численность ее достигла 1 000 человек. Для экспедиции, снаряженной в первой половине XVIII века, это была весьма внушительная цифра, причем сюда не вошли работавшие по доставке провианта, материалов, воды — для этой цели привлекались местные крестьяне и люди, находившиеся в ссылке.

Основной состав морского отряда следовал до Твери на лошадях. Как только вскрылся лед, экспедиция на судах отправилась по Волге до Казани; отсюда она к осени добралась до местечка Оса, расположенного в верховьях Камы. С первым снегом экспедиция вновь тронулась в путь. В конце 1733 года все отряды собрались в Тобольске.

На Чирикова была возложена самая трудная задача — доставить в Якутск обоз. Шпанберг выехал из Петербурга несколько ранее остальных членов экспедиции. Ему было поручено на пути следования экспедиции подготовить во всех сибирских городах прием ее участников.

С наступлением весны и со вскрытием льда на Иртыше Чириков также направился в путь с вверенным ему обозом. Он шел по Иртышу, Оби, Кети, Енисею, Тунгуске, Илим и Лене и в середине следующего года прибыл в Якутск. Путь был долгий, трудный, но участники экспедиции преодолели его. Беринг, забрав часть команды, отправился в путь по Таре и Енисею в Иркутск, а оттуда по Лене в конце октября прибыл в Якутск.

В конце 1734 года основная часть экспедиции собралась в селе Усть-Кута на Лене. Всю зиму моряки строили суда, чтобы со вскрытием реки двинуться в путь. Было сооружено 80 судов, и в мае на них начали грузить материалы и продовольствие; в начале июня флотилия направилась в Якутск, куда прибыла в июле. Там их уже ожидала группа офицеров во главе с Берингом.

Незадолго до этого Шпанберг отправился в Юдомский крест. Однако ему не удалось добраться до этого пункта, и он остановился в совершенно безлюдной местности в 20—30 милях от цели. Запасов продовольствия у Шпанберга было немного. Чтобы спасти команду Шпанберга от неминуемой голодной смерти, его отряду было направлено двести фунтов продовольствия.

Если Шпанберг, прибыв в Юдомский крест в 1734 году, ничего практически не сделал для подготовки экспедиции, то Чириков, прибыв в Якутск в 1735 году, великолепно сумел организовать отправку материалов и провианта к Юдомскому кресту, в результате чего только в одном 1735 году из Якутска было отправлено семнадцать тысяч пудов различных грузов¹.

Главная задача в 1736 году заключалась в том, чтобы доставить в Охотск необходимое количество продовольствия и материалов.

С этой целью в Якутске была начата постройка дополнительных судов, руководство которой было поручено Чирикову, и он отдавал этому делу все силы, за всем наблюдал, вникал во все детали.

---

¹ ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 52, л. 243/об.

Большое внимание материальной стороне уделял и Беринг. «Он не раз говорил, что, мол, нехитрое дело загнать людей в места, где они сами могут себя пропитать, а вот обеспечить их содержание на месте — это дело, требующее предусмотрительности и разумной распорядительности»¹.

Чтобы перебросить грузы из Юдомского креста в Охотск, нужно было преодолеть большие трудности. Юдомский крест, расположенный на реке Юдоме, находился от Охотска на большом расстоянии. На всем пространстве между Охотском и Юдомским крестом не было ни одного населенного пункта. Поэтому пришлось через каждые две версты строить избы, чтобы дать возможность людям, идущим в Охотск, останавливаться в теплых помещениях. К этому следует добавить, что значительную часть груза людям приходилось тащить на себе.

Другого способа доставки грузов зимой не было, так как глубокие снега и отсутствие фуража не позволяли использовать лошадей. Человек получал груз весом до шести пудов, складывал его на небольшие сани-нарты и тащил по снегу к месту назначения.

Сотни людей, впряженных в сани, длинной вереницей двигались по направлению к Охотску. В таких невероятных трудностях проходили дни участников экспедиции в самом ее начале.

Чтобы ускорить доставку провианта и материалов в Охотск, решено было использовать реку Урак, протекающую примерно на полпути от Охотска до Юдомского креста. Но никто не знал, судоходна ли она.

Пришлось немедленно командировать разведывательный отряд для выяснения того, можно ли воспользоваться рекой Урак для переброски судов. Оказалось, что летом, в период проливных дождей, река Урак становится вполне пригодной для судоходства. На берегах реки спешно начали строить склады, жилые помещения. Но, как уже отмечалось, грузы до этих складов приходилось доставлять на нартах; за шесть месяцев пришлось сделать 15 поездов.

Охотск расположен при впадении реки Охоты в Охотское море. В устье реки водится много рыбы, которая в то

---

¹ Свен Ваксель, Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга, стр. 33.

время составляла главный источник питания местного населения. Рыбу в больших количествах сначала засаливали, а затем высушивали на солнце. Самой распространенной породой рыб в районе Охотска является лосось. Существует несколько видов этой рыбы. Самой лучшей считается нерка, мясо которой, имеющее красноватый цвет, очень жирно и приятно на вкус. Другой сорт лосося — известная у нас кета, мясо ее более мягкое, но уступает нерке по вкусовым качествам. Третий сорт — мальма, которая значительно меньше кеты и нерки. Из мальмы местные жители делали запасы рыбьего жира на зиму.

Ловля рыбы производилась в зимнее и летнее время. В марте и апреле население занималось добычей соли.

Употребление в пищу лососей в больших количествах отрицательно сказывалось на русских моряках, хотя местные жители, привыкшие к такой еде с детства, жалоб не высказывали.

Главными обитателями Охотска были тунгусы (эвенки) и ламуты, которые вели кочевой образ жизни. Постоянное население города было незначительно.

Начальником Охотского края и Камчатки в то время был Г. Г. Скорняков-Писарев, который был сослан в Сибирь и лишен всех чинов за участие в заговоре против А. Д. Меншикова.

Скорняков-Писарев был одним из образованнейших людей России первой половины XVIII века. Продолжительное время он преподавал в Морской академии артиллерийское искусство. Скорняков-Писарев являлся автором первого в России учебника по механике «Практика художества статического или механического, краткое некоторое истолкование оногo художества»; в течение ряда лет он был директором Морской академии.

Произвол Шпанберга и других иностранцев, медленный ход работы экспедиции возмущали Скорнякова-Писарева. Шпанберг, прибывший в Охотск раньше других, не признавал местных властей, сам стремился стать неограниченным властелином края. Скорняков-Писарев, как русский человек, ненавидел жаждущего дешевой славы и богатства иностранца, поэтому борьба между Шпанбергом и начальником Охотского края приняла острые формы.

По прибытии в Якутск Берингу пришлось заботиться о том, чтобы снабдить экспедицию всем необходимым. Требовалось очень много. Нужно было доставить провиант, канаты, пеньку, пушки, порох.

В Охотске не было необходимого числа строений, поэтому в первую очередь пришлось выстроить казармы для солдат, дома для офицеров и несколько портовых сооружений.

Бухта оказалась непригодной для якорной стоянки, так как не была защищена от ветров, а во время отливов значительно мелела. Весной в бухте скапливалось множество льда, который представлял большую опасность для находящихся там судов.

В течение зимы 1737/38 года члены экспедиции большую часть грузов с Юдомского креста перевезли «на себе нартами, от которой работы люди весьма утруждены... к тому ж платьем и обувью обносились и все стали наги и босы, а помощи учинить никакой не можно, и купить ничего негде, понеже здесь место пустое и купецких людей (в Охотске) ныне не имеетца», — так об этом писал Беринг¹. Положение осложнялось тем, что иркутская провинциальная канцелярия жалование служителям выплачивала с большим опозданием.

Шпанберг, посланный в Охотск раньше других, не выполнил порученного ему дела. В своем рапорте от 13 декабря 1742 года Чириков сообщал о своей работе и отрицательно охарактеризовал деятельность Шпанберга. Этот документ представляет большой интерес. В нем Чириков рассказывает о том, что сделал для экспедиции он сам и каковы «заслуги» Шпанберга. «Оное о себе упомянуть принудила меня ево, Шпанбергова, гордость и ловкая похвала, что он и в Государственную Адмиралтейскую коллегия представлять не устыдился, выхваляя себя так будто бы его прилежным старанием много в экспедиции исправлено больше всех, а как по истине сказать, что ево Шпанберговых больших трудов и на сухом пути не видно, да и быть не можно, потому что и самых нужных тогда потребностей не исправил, а именно ни судов к перевозке по рекам удобных, ни магазейн, ни покоев служителям и работным людям зимовей в надлежащих местах по пути от Якутска до Охотска не построил, ни перевозки водяным

---

¹ Экспедиция Беринга, стр. 306.

путем не учредил, а которые суда мелкоходные немного и построил и те неудобны были и затем брошены»¹.

Шпанберг не заготовил провианта даже для своей команды «и подлинно сказать можно, что он жил там в покое против нас, а надлежало б то: все исправить и заготовить и перевозки учредить ему Шпанбергу, ибо он наперед всех сюда послан и видел, что до прибытия ево по силе указов не заготовлено и не учреждено было»². Чириков показал, что Шпанберг, прибыв в Сибирь, был озабочен совсем другими делами. Чувствуя себя в Сибири властелином, Шпанберг стал собирать ясак с местных жителей «для своей корысти»; кроме того, он перегонял водку и выменивал на нее ценные меха, продавал опиум (который в Сибири получил название шару). «Многие люди допросами показали, что такой «шару» у жены его девки в разные числа неслыханно дорогою ценою покупали», — пишет Чириков.

Шпанберг ничем не стеснял себя в осуществлении корыстных желаний. «Молва о нем, — писал историк А. П. Соколов, — разнеслась по всей Сибири и долго хранилась в народной памяти. Напуганные его самовольством и дерзостью сибиряки видели в нем: некоторые — «генерала», другие — «беглого каторжника», всегда сопровождаемого огромной собакой, которою, говорили, при случае он травил оскорбляющих его».

Притеснял он и тунгусов, и русских пашенных крестьян, вынуждая их работать бесплатно, хотя располагал казенными деньгами для оплаты наемных работников. Местные жители неоднократно жаловались властям на произвол Шпанберга.

Когда от Шпанберга потребовали объяснения по поводу совершаемого им бесчинства и произвола, он оправдывался, «выдумав явную ложь... будто они сами поклонились в казну и денег не взяли»³. Чириков считал это утверждение ложным, писал, что этого никогда не бывало, «ибо им (крестьянам. — В. Д.) из своей воли уступать нечего, понеже им в том немалый был труд и в их крестьянских работах не без помешательства, да и лошаадьми весьма нужны, да ежели б подлинно поклонились работою из своей воли, тоб почто им после на него

¹ ЦГАВМФ. ф. Беринга, д. 52, л. 244.

² Там же.

³ Там же, л. 248/об.

жаловаться... да где это слыхано, чтоб такие бедные рабочие люди за надлежащую свою работу денег не брали»¹.

Некоторые офицеры, участники экспедиции, главным образом заботились о том, чтобы за время пребывания на Дальнем Востоке составить себе состояние, служебные же дела отодвигали на задний план. Они, например, гнали водку и продавали ее местным жителям, выручая на этом огромные деньги. Большие доходы можно было получить и от торговли ценными мехами. Наиболее разительным примером этой жажды обогатиться любыми средствами служил сам капитан Шпанберг. Достаточно сказать, что в 1745 году у него имелись сотни аршин сукна и целые табуны лошадей.

Подобное отношение офицеров к делу возмущало Чирикова. В своем рапорте Адмиралтейств-коллегии от 13 марта 1746 года о результатах расследования злоупотреблений некоторых офицеров, он, между прочим, писал о себе: «вино я не токмо не продавал, но и никогда его нигде не сиживал, о чем могут свидетельствовать мне все камчатской экспедиции служители, а и служителям команды своей о сижении и продаже приказами запрещал накрепко не точию в тех местах была казенному вину продажа, но и в пустых местах, где мы приедучи и хоромы строили в чем жить офицерам и рядовым служителям, а именно: при Юдомском кресте и на Камчатке при гавани святых апостол Петра и Павла... также отнюдь табаком и мягкой рухлядью не торговал и о том никто на меня не доносил и потому от меня и ответ ниоткуда не требуют и я оному не подлежу»².

Сенат и Адмиралтейств-коллегия выражали крайнее неудовольствие медлительностью экспедиции. Это неудовольствие усиливалось тем, что из Сибири поступали вести о раздорах между Берингом и местными властями, которые жаловались на начальника экспедиции. Беринг, в свою очередь, писал, что ему не оказывают поддержки в его начинаниях.

Жаловался на своего начальника и Шпанберг. Этот человек всегда устраивал какие-нибудь интриги. Внутренние раздоры среди офицеров и враждебное отношение сибирских властей к делам экспедиции значительно осложняли подготовку к плаванию.

¹ ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 52, л. 248/об.

² Там же, д. 51, л. 562.

Чириков прилагал все усилия к тому, чтобы быстрее закончить эту подготовку. Его влекло в Сибирь истинное желание исследовать неведомый доселе край, им руководило лишь благородное побуждение послужить своему отечеству. Бескорыстие Чирикова и истинная его преданность порученному ему делу были известны в Петербурге. Этим объясняется то, что именно Чирикову Н. Ф. Головин поручил расследовать действия Беринга по поступавшим на него жалобам.

Адмиралтейств-коллегия делала многое для того, чтобы экспедиции были созданы благоприятные условия, приказывала сибирским властям оказывать ей содействие. С одной стороны, она пыталась оправдать Беринга, с другой — настоятельно требовала от него ускорения работы, посылая ему выговоры и доходила до прямых угроз.

На экспедицию были произведены огромные затраты: за сравнительно небольшой срок было израсходовано 300 000 рублей. Кабинет императрицы, ссылаясь на большие издержки, 15 сентября 1738 года предложил Сенату и Адмиралтейств-коллегии прекратить работу экспедиции.

Лишь по настоянию членов Адмиралтейств-коллегии Головина и Урусова, горячо поддерживавших экспедицию, Сенат решил продолжать ее.

Однако дела экспедиции попрежнему оставались в крайне тяжелом положении. Сибирские власти уклонялись от выполнения указаний Сената. Экспедиция испытывала острый недостаток в продовольствии, рабочие разбегались. Строить суда было некому. Ежегодная потребность экспедиции в хлебе определялась в 16 000 пудов. В одном из своих докладов Беринг писал: «И ежели повсегодно отправления провианта не будет, то всемерно, в таких пустых и безхлебных местах, востребуется великая нужда и страх того, чтоб такого многолюдства не поморить от голоду, и не принуждены были, не окончив, по воле е. и. в. указов, надлежащих экспедиционных дел втуне оставить, и всех служителей распустить»¹.

Откликнувшись на мольбы Беринга, Адмиралтейств-коллегия обратилась в Кабинет с просьбой послать в Иркутск и Якутск двух «добрых поверенных и надежных офицеров», уполномочив их требовать от местных

---

¹ А. Соколов, Северная экспедиция 1733—1743 гг., Записки Гидрограф. департамента, ч. IX, 1851 г., стр. 334—335.

канцелярий, чтобы те оказывали экспедиции всякое содействие. Однако два таких офицера, Толбухин и Ларионов, выехали в Сибирь по распоряжению Сената лишь в начале 1739 года. В том же году Толбухин прибыл в Иркутск, а Ларионов в Якутск.

В Охотске положение с продовольствием было крайне затруднительно. Работы по строительству прекратились. Часть экспедиции Беринг вынужден был отправить к магазинам на пропитание.

К этому времени Шпанбергу с большим трудом удалось довести до конца постройку двух судов — бригадины «Архангел Михаил» и дубель-шлюпки «Надежда», а также отремонтировать два старых судна — «Фортуна» и «Гавриил». Осенью эти корабли готовы были выйти в плавание, но из-за отсутствия продовольствия выход в море опять пришлось отложить.

Прибыв в Охотск, Беринг писал о своих впечатлениях: «Место было новое и пустое и строения никакого еще не производилось, и жить было негде, и лесов и травы в нем не растет и близко не имеется, ибо все дресвяное... Служители строили офицерам покои, а себе — избы и казармы, возили глину на себе и делали кирпичи, дрова для топления печей на себе таскают верст за шесть и за семь; воду пресную на свое употребление из реки возят на себе ж, расстоянием от того жилья версты по две и по три; и сухари сушат; и заготовленные к строению пакетботов бревна и короры, и прочее, плавят по реке с лишком с тридцать верст; и к кузнечным поделкам уголья жгут; и для приготовления к пакетботам смолы нарочно в Камчатку посылаются; и нарты делают сами; и провиант ими на себе возят»¹.

Дело страдало еще и оттого, что среди офицеров, подчиненных Берингу, также не было полного единения, а многие из них явно враждовали друг с другом. Но это была не просто ссора, как обычно изображалось в исторической и географической литературе. Это была острая принципиальная борьба двух партий, борьба против иностранцев, принимавших участие во Второй Сибирско-Тихоокеанской экспедиции. Она была отражением той борьбы, которую вели передовые люди России против

---

¹ А. Соколов, Северная экспедиция 1733—1743 гг., Записки Гидрограф. департамента, ч. IX, 1851 г., стр. 340.

чужеземцев. Известно, что в этот период иностранцы занимали высокие посты в правительстве и Академии наук; они причиняли большой ущерб интересам русского государства, русской науки и культуры.

Иностранные государства не брезговали никакими средствами и засылали в Россию в качестве шпионов «ученых».

Пользуясь доверием русского правительства, эти ученые пробирались в правительственные и научные учреждения, в которых творили свое черное дело. Так, в Петербургской Академии наук в течение многих лет служил Жозеф Николя Делиль, являвшийся крупным французским шпионом.

Делиль прибыл в Петербург в 1726 году, имея задание французских властей собирать сведения по картографии Российской империи.

Русская Академия наук, зачислив Делиля в свой состав, поручила ему составить генеральную ландкарту Российской империи. Делиль всячески медлил с выполнением порученного ему дела, но настойчиво требовал, чтобы ему было увеличено жалование и присвоен генерал-майорский чин. Он располагал богатыми коллекциями русских карт, копии которых направлял в Париж через французских послов в Петербурге и Стокгольме. За время пребывания в России Делиль выслал во Францию 190 копий карт и много различных описей.

Французское Морское министерство, в котором Делиль числился в должности астронома и географа флота, щедро вознаграждало Делиля за доставленные им ценные разведывательные картографические материалы о России и прилегающих к ней государствах. По настоянию Делиля во Вторую Сибирско-Тихоокеанскую экспедицию был назначен его двоюродный брат Людвиг де ла Кройер, которому поручалось собирать нужные для Делиля сведения о Дальнем Востоке.

Наконец, Жозеф Делиль, как шпион, был разоблачен. По настоянию президента Петербургской Академии наук Разумовского он в 1747 году был «отстранен от академии» и в мае того же года покинул русскую столицу, уехал в Париж¹.

---

¹ В. Кордт, Материалы по истории картографии Украины, 1931 г., Киев, стр. 20—21.

Среди участников экспедиции было немало офицеров-иностранцев, многие из которых, отправляясь на Дальний Восток, стремились к обогащению. Они меньше всего обращали внимание на выполнение порученного им дела. Это обстоятельство возмущало и раздражало тех, кому дороги были интересы русского народа.

Так, Шпанберг считал себя полнейшим хозяином экспедиции и творил полный произвол. Интересные свидетельства по этому вопросу содержатся в рапорте Чирикова от 13 марта 1746 года, в котором указывается, что не чист на руку был и лейтенант Ваксель, расхищавший казенный хлеб. Не без оснований поэтому шкипер Иван Белый называл лейтенанта Вакселя «экспедичным вором и плутом и каналией и сукиным сыном и бранил матерно», в чем эн, Белый, «и в тайной в распросе не заперался»¹.

Для уяснения разногласий и борьбы среди участников экспедиции ценный материал дает донесение штурмана М. Плаутина, адресованное в Адмиралтейств-коллегию, и связанные с ним указания последней.

Плаутин писал, что Беринг не принял мер к тому, чтобы набрать рабочих. Прошел 1735 год, проходила весна 1736 года, а дело не продвигалось.

Плаутин был арестован Берингом за то, что указывал на непорядки в экспедиции. Адмиралтейств-коллегия в марте 1736 года приняла решение поручить капитану Чирикову «рассмотреть и исследовать со всеми надлежащими обстоятельствами по указам и регламентам»². В случае, если в результате расследования выяснилось бы, что оснований для ареста Плаутина не было, Чирикову давалось право освободить Плаутина и перевести его в свою команду. Здесь же делалось предупреждение Берингу, чтобы он до рассмотрения дела никаких мер в отношении Плаутина не принимал, «а как то следствие окончится и ежели по оному следствию явятся такие обстоятельства, что касаться будет до ответствения капитан-командору Берингу, о том ему учинить Чирикову надлежащее известие и подать к нему Берингу, дабы по тому он ответ учинить мог с обстоятельством в коллегию»³. По настоянию Чирикова Плаутин был освобожден из-под ареста.

¹ ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 51, л. 554.

² Материалы для истории русского флота, ч. VIII, стр. 313.

³ Там же.

В том же указе Адмиралтейств-коллегии говорилось, чтобы Беринг больше занимался делами экспедиции, «не вступая в другие построения и не принадлежащие к той экспедиции дела, и чинил бы все что к наискорейшему исполнению оной экспедиции дела надлежит по инструкции и по указам без всякого упущения».

В этот период все чаще и чаще стали возникать разногласия и между Чириковым и Берингом.

Чириков считал, что нужно действовать энергичнее, проявлять больше инициативы, смело брать на себя ответственность в важных начинаниях, а не ждать по каждому вопросу указаний от Адмиралтейств-коллегии, ибо, не зная конкретных условий хода экспедиции, члены Адмиралтейств-коллегии нередко не в состоянии были дать полезные советы. Но Беринг не хотел отступать от получаемых инструкций. Отношения между двумя руководителями экспедиции становились все более натянутыми. При этом Чириков оказывался в чрезвычайно затруднительном положении. С одной стороны, Адмиралтейств-коллегия поручила ему надзор за действиями Беринга, с другой стороны — ставила его в подчинение капитан-командору.

Чириков всегда отличался точным исполнением требований морского устава, который являлся его настольной книгой. Он прибегал к морскому и воинскому уставам¹ во всех затруднительных случаях.

Алексей Ильич, нет сомнения, хорошо знал статьи морского устава, в которых говорилось о воинской дисциплине, отношении к высшему начальству и т. п.

Но как быть в том случае, когда действия начальника не согласуются с интересами дела, с пользой отечеству? Чириков приходил к убеждению, что нужно действовать более решительно. Ему были известны слова Петра I о том, что нельзя держаться устава, как слепой стены. Однако за время, прошедшее после смерти Петра, многое изменилось к худшему. Об этом Чириков тоже не забывал. Он прекрасно разбирался в политике того времени и знал,

---

¹ Среди книг, сданных Чириковым Вакселю по окончании экспедиции, на первом месте стоят следующие: морской устав, устав воинский и сухопутный, адмиралтейский регламент, часть регламента морского, в котором определено все, что касается доброго управления в бытность флота в море, а также о содержании портовых книг, морской пошлинный регламент, книги указов печатных. (ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 65, л. 49/об).

что иностранцы, которые в царствование Анны Иоанновны занимали высокие государственные посты, наносили большой ущерб интересам России, стремились уничтожить великую русскую культуру, подавить проявление русской национальной мысли во всех ее проявлениях.

Немало русских в то время сложило свои головы в борьбе с бироновщиной. Людей ссылали в Сибирь, казнили без всякого суда из-за одного безудержного произвола вельможи — фаворита императрицы.

Попасть в опалу в то время ничего не стоило, и Чириков не мог не учитывать этого.

Друг и товарищ Чирикова, Овцын, человек беспримерной отваги и мужества, был разжалован в матросы «за некоторую вину» (т. е. лишь за то, что разговаривал с князем Долгоруким, находившимся в ссылке в Березове) ¹, несмотря на то, что подвиги Овцына во время исследования Сибири принесли ему заслуженную славу и были хорошо известны в Петербурге.

Имея в виду указанные обстоятельства, Чириков обратился в Адмиралтейств-коллегию с просьбой освободить его от обязанностей помощника руководителя Второй Сибирско-Тихоокеанской экспедиции.

Нельзя без волнения читать письмо Чирикова от 27 июня 1738 года, адресованное Головину. Это письмо представляет большой интерес, так как проливает свет на взаимоотношения между Берингом и Чириковым. Оказавшись в безвыходном положении, Алексей Ильич писал:

«Всепокорнейше прошу вашего высокографского сиятельства, дабы я высоким предстательством вашим, премилостивого отца и государя, освобожден был от Камчатской экспедиции, понеже я, премилостивый государь, обращаюсь в ней истинно бес пользы, понеже предложения мои к господину капитан-командору о экспедиционном исправлении от него за благо не приемлются, токмо он господин командор за оные на меня злобствует, что видя, опасаюсь от него великих обид, которых ему делать легко в такой дальности, имея меня в полной своей власти, а предлагать ему принужден я должностию своей и опасаясь, чтоб не причтено было мне вне радения, а насупротив того опасен же, и с правдою за неостроту свою не остаца винным. Того ради припадая к ногам вашего вы-

---

¹ Общий морской список, ч. II, 1885 г., стр. 293.

сокографского сиятельства, слезно прошу, дабы милосердием вашим не оставлено было вотще сие всепокорнейшее прошение мое»¹.

Между тем, отправление экспедиции затягивалось, и надежда закончить постройку судов к 1740 году не оправдалась. Нехватало леса для постройки саней, чтобы спустить пакетботы на воду.

Чирикова раздражала и угнетала такая медлительность; в мае того же года он пришел к капитан-командору с решительным заявлением: «Дальше мешкать нельзя, — говорил Чириков, — отправьте меня на бригантине «Михаил» для осмотра земли, лежащей против Чукотского носа от Камчатки между нордом и остом и протчей западной стороны Америки. Осенью вернусь в Охотск».

«Этого нельзя сделать», — возразил Беринг.

Алексей Ильич продолжал настаивать: «Шпанберг может пойти осенью, когда бригантина возвратитца, а если не возвратитца, то Шпанберг может следовать на Камчатку на других судах, на боте «Гавриил», а на Камчатке взять бригантину и итти в путь свой. Вам же господин капитан с обоими пакетботами итти до Камчатки. В будущем 1741 году мы вместе можем отправиться для отыскания американских берегов, лежащих от Камчатки между зюйдом и остом, чрез что я чаю было б поспешение к окончанию экспедиции нашей годом».

Единственным аргументом Беринга против этого смелого предложения было то, что «оное з данною инструкциею несогласно»².

Если бы капитан-командор согласился с убеждением своего проникательного и отважного помощника, то Чириков достиг бы американского материка в 1740 году.

Беринг и сам понимал, что ему не под силу руководство экспедицией таких крупных масштабов. В то же время он знал и о недоверии, которое выражали по отношению к нему матросы и офицеры. «Нередко признавался он, что Вторая Камчатская экспедиция свыше сил его, и жалел, почему не поручили исполнение сего предприятия россиянину», — писал впоследствии адъютант и участник экспедиции Стеллер.

Между тем, Адмиралтейств-коллегия настойчиво требовала быстрее окончания подготовки к плаванию.

¹ Экспедиция Беринга, стр. 303.

² Там же, стр. 325.

По адресу Беринга сыпались выговоры, предупреждения, ему угрожали, его обвиняли в том, что он не прилагает должных усилий, чтобы ускорить постройку судов.

В мае 1740 года от Адмиралтейств-коллегии был получен указ, в котором говорилось: «суда, ежели, паче чаяния, до получения сего указа не достроены, достраивать и подлежащее все исправлять, и в путь свой отправляться без всякого замедления, не утруждая яко излишними, без всякого действия переписками, и не ожидая впредь подтвердительных указов, понеже о том многими, чрез всю его тамо бытность указами, найкрепчайше подтверждено, и в такое немалое время, весьма исправиться без всяких представлений уповательно возможно»¹.

Сенат, обеспокоенный медлительностью экспедиции, вновь предложил Адмиралтейств-коллегии рассмотреть вопрос о том, целесообразно ли продолжать ее.

Наконец, летом 1740 года была закончена постройка двух пакетботов, названных именами «Св. Петр» и «Св. Павел».

Чириков немедленно сообщил об этом графу Головину, послав ему 6 августа специальное письмо из Охотска. Чириков сообщал, что отправление на Камчатку назначено на 15 августа.

В этом письме Чириков также рассказывал о материальных лишениях, которые испытывала его семья, и просил графа увеличить ему жалованье. Он писал, что получаемого им жалованья, ввиду страшной дороговизны, не хватает для пропитания семьи, состоящей из жены и трех детей, «которые ныне в крайнем непризнении будут жить в Якутске, отчего могу и в великий долг войтить»².

Письмо Чирикова проливает свет на поведение Шпанберга и отношение его к Чирикову; последний видел в лице Шпанберга своего недруга и опасался, что Шпанберга могут поставить во главе экспедиции. Это предположение не было лишено основания.

Как известно, иностранцы, засилье которых при дворе было очень велико, делали все, чтобы оттеснить русских, не дать возможности проявиться талантам русского народа. В таких условиях Чириков не мог работать в подчинении у Шпанберга, который не стеснялся в выборе

¹ А. Соколов, Северная экспедиция 1733—1743 гг., Записки Гидрограф. департамента, ч. IX, 1851 г., стр. 343—344.

² Экспедиция Беринга, стр. 326.

средств для достижения своих корыстных целей. Вот почему Алексей Ильич просил Головина разрешить ему возвратиться в Петербург, «дабы я в здешних дальностях покинут не был, в которых уже многое время прожил во всяких прискорбностях и недовольствах, и дабы я милостью вашего графского сиятельства не был отдан, в настоящей отдаленности, в команду и в руки крайнему моему неприятелю, капитану Шпанбергу, чему я чаю быть, ежели поступки его вскоре ясно еще не откроются»¹.

Ходатайство Чирикова об отставке, повидимому, Адмиралтейств-коллегия не приняла во внимание.

Приняв запасы продовольствия, пакетботы 8 сентября вышли из Охотска и взяли курс на Камчатку. Беринг командовал «Св. Петром», Чириков — «Св. Павлом». Вместе с этими кораблями следовали два небольших судна с провиантом.

Однако эти небольшие суда сопровождали «Св. Петра» и «Св. Павла» только до реки Большой, где и были оставлены, так как выходить им в открытое море было слишком опасно.

Пакетботы же продолжали свой путь. «Св. Петр» и «Св. Павел» вошли в пролив между южным мысом Камчатки Лопаткой и северным островом Курильской гряды. Проходить через этот пролив было очень опасно. Ширина его немногим превышает 7 км, длина составляет 3,5 км, а посередине находится каменный риф. Чтобы обойти этот риф, нужно воспользоваться либо южным, либо северным проходом. Обычно мореплаватели обходили риф с юга, где ширина прохода больше. Здесь морякам пришлось подвергнуться серьезной опасности, угрожавшей судам гибелью. Вспоминая об этом случае, Ваксель впоследствии писал: «за всю мою жизнь (а я ведь почти сорок лет плаваю в море) мне никогда не приходилось подвергаться такой серьезной опасности»².

Произошло следующее. Корабли вошли в пролив при западном ветре. Не зная точного времени прилива и отлива, мореплаватели вошли в узкую часть пролива в тот момент, когда приливная волна катится с востока на

---

¹ В. Андреев, Документы по экспедиции капитан-командора в Америку в 1741 г., Морской сборник, 1893 г., № 5, отд. неоф., стр. 12.

² Свен Ваксель, Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга, стр. 49.

запад. Возникли два противоположных течения: одно — приливное — с востока на запад, другое под влиянием западного ветра — с запада на восток. Образовалось сильное волнение, так называемый сулой, весьма опасный для небольших судов. «Волны перекатывались через корму судна и, разбиваясь в пену, скатывались с обеих сторон через фальшборты. Судовая шлюпка, шедшая на буксире у нашего корабля и привязанная на конце кабельтова длиной в сорок сажен, была подброшена волнами и ударилась о корму корабля, не без повреждения, конечно, как корабля, так и шлюпки; не раз шлюпку чуть не бросало на палубу нашего корабля. В это время глубина под килем составляла около десяти-двенадцати сажен. Я очень сомневаюсь, однако, оставалось ли под кормой корабля глубины больше трех сажен ото дна в те моменты, когда корабль опускался с волной до самой низкой точки. Мы опасались в то же время, как бы не рухнула наша главная мачта, так как встер крайне усилился, и идя не по ветру, мы могли пользоваться только фоком и грот-марселем. Все наши усилия были направлены на то, чтобы держать судно по ветру, так как попади мы между волнами в поперечном положении, нам не было бы спасения. Когда сила первой приливной волны немного уменьшилась, мы начали понемногу ползти с места и, наконец, оказались вне всякой опасности»¹.

Миновав мыс Лопатка, «Св. Павел» и «Св. Петр» 27 сентября подошли к Авачинской бухте, но войти в нее не смогли. Густой туман и сильный шторм помешали найти место входа в бухту, и суда повернули в море, где им пришлось выдержать многодневный шторм.

Наконец, трудный переход был закончен. 6 октября 1740 года корабли вошли в Авачинскую бухту, где решено было остаться на зимовку. В то время в Авачинской гавани был заложен порт, который в честь первых русских судов, посетивших его, был назван Петропавловским.

Петропавловская гавань, благодаря своим хорошим качествам, понравилась мореплавателям. Ширина входа в нее — приблизительно 300—400 сажен. Глубина фарватера, доходившая до 8—11 сажен, позволяла входить в гавань самым большим кораблям. Кроме того, бухта защищена почти от всех ветров.

¹ Свен Ваксель, Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга, стр. 50.

К моменту прибытия кораблей в гавани уже было построено три жилых дома, несколько складов и магазинов. Все это подготовил мичман Иван Елагин, энергичный и настойчивый человек, который был послан на Камчатку еще в 1739 году.

На подготовку к плаванию ушло несколько зимних месяцев. Проверялась прочность судов, испытывались мореходные инструменты. Чтобы весной следующего года можно было отправиться к американским берегам, необходимо было доставить из Большерецка оставленный там провиант. Для этой цели было решено использовать собак, а с открытием навигации — небольшое судно-гукор, находившееся в Большерецке.

По предложению Чирикова были приняты меры к тому, чтобы продовольствие расходовалось как можно экономнее. Хлебный паек был сокращен вдвое. Главными предметами питания стали сушеная рыба и оленина. Эти продукты заготавливались у местных жителей в достаточных количествах, и потому их потребление не ограничивалось.

За время пребывания на Камчатке, пока Чириков руководил подготовкой экспедиции к плаванию, ему удалось сделать немало ценных наблюдений. Со свойственной ему любознательностью он подмечал все, достойное внимания. Он правильно определил географические координаты Авачинской бухты и уже тогда указал, что она «наилучшая и способнейшая к охранению морских судов»¹, так как «можно в ней стоять хотя бы великому флоту»². Чириков составил карту, а также подробное описание бухты и послал их в Петербург еще в апреле 1741 года³.

Прибыв на Камчатку, Алексей Ильич использовал любую возможность для всестороннего изучения этой неведомой до того земли. Он занимался и метеорологическими наблюдениями, и сбором сведений о фауне и флоре, и исследованием геологических особенностей полуострова, его ископаемых богатств и т. д.

¹ ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 52, л. 243/об.

² Экспедиция Беринга, стр. 333.

³ Карта и план Петропавловска-на-Камчатке, впервые опубликованные В. А. Переваловым, имеют следующую надпись: «Карта Аваченской губы и со внутреннем в ней гаваном, сочиненная при Камчатской экспедиции под команду капитана-командора штурманом Елагиным 1740 году». Подпись: «Алексей Чириков». На плане нанесена постройка порта (В. А. Перевалов, Ломоносов и Арктика, стр. 135).

В своем письме Н. Ф. Головину от 27 апреля 1741 года он писал: «Воздух здесь, премилостивый государь, холоден и земля везде еще покрыта глубоким снегом, точию в здешнем заливе льду уже осталось мало»¹.

Чириков не упустил случая сообщить и о частых землетрясениях: «с прибытия своего мы чувствовали оные четырежды».

Во время своего пребывания на Камчатке сделал интересные наблюдения и Беринг. В своем донесении об экспедиции он писал: «По Камчатской земле к югу живут курила, к северу — камчадала, язык имеют меж собой в некоторых словах рознь, из сего народа немногие идолопоклонствуют, а протчие ничему не веруют и чужды всяких добрых обычаев, а российские люди, которые живут на Камчатке, и тамошние народы хлеба никакого не имеют, также и скота, кроме собак, на которых ездят и возят, что им понадобится и одежду себе от них получают, а пропитание имеют от рыбы и коренья и от ягод, а летним временем от других птиц и от всяких морских животных, а ныне в пустыне якуцкого монастыря, которая с версту от церкви Камчатской, родится ячмень, конопля, ретька, а репа и у многих служилых людей во всех трех острогах родится»².

За время своего пребывания на Камчатке участники экспедиции распространяли на полуострове более высокие формы хозяйства. Алексей Ильич, обследовав полуостров, убедился, что здесь имеется много хороших земель, но местное население до появления русских не имело даже представления о земледелии.

Главным занятием камчадалов было рыболовство. У берегов Камчатки и в многочисленных ее реках водилось множество рыбы самых различных видов, в том числе и сельди.

Местные жители делали большие запасы рыбы на зимнее время. Вырыв глубокие ямы, они наполняли их доверху рыбой. Ямы покрывали дерном, а сверху него клали несколько бревен. Это делалось для того, чтобы в ямы не забрались песцы.

Важным продовольственным источником камчадалов были ягоды. Особенно много было на Камчатке брусники,

¹ Экспедиция Беринга, стр. 333.

² Донесение Беринга, Записки военно-топограф. депо, ч. X, 1847 г., стр. 73.

голубики, клюквы. Употребляли местные жители в пищу и березовую кору. Она была «в большом употреблении, ибо жители, оскобля у сырого дерева корку, рубят оную топориками, как лапшу, мелко, и едят с сушеною икрою с таким удовольствием, что в зимнее время не минуешь камчатского острожка, в котором бы бабы не сидели около березового сырого кряжа и не крошили объявленной лапши каменными или костяными топориками своими»¹.

Важным источником существования камчадалов была также охота за дичью. На полуострове зимовало бесчисленное множество гусей и лебедей.

Камчадалы прекрасно умели охотиться за горными баранами, которые водились на самых вершинах гор, хотя охота за ними была сопряжена с большими опасностями.

Ранней весной камчадалы на небольших лодках отправлялись вдоль берегов собирать яйца морских птиц. В прибрежных пещерах находили так много яиц, что наполняли ими лодки доверху.

Освоение Камчатки, которой русское правительство придавало большое значение, требовало введения в этой стране земледелия. Чириков был убежден, что камчатская земля плодородная и может давать обильные урожаи.

Еще до экспедиции здесь производились посевы зерновых культур, которые из-за влажного климата не всегда вызревали, но русские настойчиво продолжали проводить опытные посевы и, как отмечает Ваксель, «удавалось несколько раз в виде опыта доводить до полной зрелости ячмень»².

Одновременно Чириков занимался изучением нравов, обычаев, религии местных жителей. Сделанные им наблюдения представляют большой интерес³.

Камчадалы устраивали себе жилища в ямах, размером восемьдесят сажень в окружности и глубиной полторы-две сажени. Ямы имели крышу из бревен, сверху бревен насыпалась земля. В середине крыши прорубалось отверстие — люк, заменяющий собой трубу. Под этим отвер-

---

¹ С. П. Крашенинников, Описание земли Камчатки, т. I, СПб., 1755 г., стр. 191.

² Свен Ваксель, Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга, стр. 110.

³ Впоследствии Свен Ваксель использовал материалы Чирикова для своей книги.

стием находился очаг, а дым выходил через люк. Последний использовался также вместо двери. Обитатели землянок спускались в них при помощи лестниц.

С. П. Крашенинников следующим образом описывает вход в юрту: «Входят в юрты по лестницам-стремянкам, под которыми обыкновенно очаг бывает, и для того во время топления юрты непривычному трудно входить и выходить из юрты; ибо и лестница так горяча бывает, что ухватиться нельзя, и проходя сквозь дым, должно переводить дух, чтобы не задохнуться»¹.

По описанию Вакселя, камчадалы — люди небольшого роста, с черным цветом кожи, волосы и глаза их также черные — отличались сообразительностью. По словам Вакселя, они «оглично схватывают все, что приходится им объяснять». Камчадалы честны и правдивы, отличаются гостеприимством. «О воровстве у них не приходилось слышать. Очень склонны они также к услужливости по отношению к чужим». Однако на дружбу с приезжими они шли только после того, как убеждались в их бескорыстии. Камчадалы обычно говорят, что «недостаточно только называться другом, а нужно на самом деле сделаться другом и оставаться им навсегда. Такими словами они часто отклоняют многие предложения дружбы или просят предоставить некоторую отсрочку для размышления»².

Камчадалы очень трудолюбивы, но излишних запасов не делают, «они не стремятся ни к какому излишку, но стараются добыть только необходимое к существованию, а если имеют столько, сколько им надо для удовлетворения насущных потребностей, то большего не ищут, а ценят только свою свободу»³.

Как известно, на Дальнем Востоке (равно и на других окраинах) царизм проводил колониальную политику, нещадно эксплуатируя и угнетая коренных жителей. В отношении многочисленных нерусских наций и народностей Российской империи царское самодержавие осуществляло и социальное и национальное порабощение. Они, эти нации и народности, были лишены своей государственности,

---

¹ С. П. Крашенинников, Описание земли Камчатки, т. II, СПб., 1755 г., стр. 27.

² Свен Ваксель, Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга, стр. 119.

³ Там же.

управлялись царскими чиновниками, во всех центральных и местных учреждениях делопроизводство велось на русском языке, которого народы окраин России в своем подавляющем большинстве не знали и не понимали.

Защищая свою свободу, камчадалы вступали в решительную борьбу против царских колонизаторов, грабивших и истязавших местных жителей. История Камчатки знает немало восстаний и народных волнений. Однако борьба была неравной. Политика царизма приводила к вымиранию камчадалов. За первые сорок лет XVIII века численность населения Камчатки значительно уменьшилась. Это происходило в результате эпидемий, избиений народа, а также из-за хищнического истребления промысловых зверей и рыбы.

Будучи типичным колонизатором, Ваксель с циничной откровенностью говорит об истреблении населения царскими сановниками. При этом всю вину он взваливает на камчадалов: «они сами несколько раз устраивали бунты, восстания и волнения, так что пришлось добрую долю их перебить, чтобы привести остальных к благоразумию... Назначавшиеся из Якутска на Камчатку и часто сменявшиеся комиссары очень многих увезли, а попросту говоря, украли и похитили»¹.

Особенным трудолюбием у камчадалов отличались женщины. Ваксель, не проявлявший никакой симпатии к местному населению, вынужден был сказать, что «нигде на свете не встречал таких прилежных женщин, ибо они никогда не остаются праздными». Далее он отмечал, что они создали крепкие семьи, «очень редко приходится слышать, чтобы они жили в несогласии с семьей»².

Одежду камчадалы делали себе из собачьих шкур. Старейшины носили одежду из оленьих шкур, вышитую, украшенную со всех сторон кусочками меха бобра, соболей, черных и белых лисиц.

Моряки провели в Петропавловске зиму. Приближалась весна. Мореплавателей волновал вопрос о дальнейшем ходе экспедиции. Все чаще и чаще офицеры стали заговаривать о курсе предстоящего плавания. Разгорались жаркие споры. Алексей Ильич энергично отстаивал свое предложение, которое он высказывал в момент

¹ Свен Ваксель, Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга, стр. 120—122.

² Там же, стр. 120.

назначения его в экспедицию, оказавшись более проника-
тельным и дальновидным, чем Беринг. Еще тогда Чириков
правильно определил, что Америка лежит против Чукот-
ского носа.

* * *

*

В то время как в Охотске велась подготовка экспеди-
ции к берегам Америки, северные отряды Сибирско-Тихо-
океанской экспедиции в исключительно трудных условиях
Арктики успешно исследовали побережье от Архангельска
до Чукотского полуострова. С 1734 по 1737 год отряд под
начальством лейтенантов С. В. Муравьева и М. Павлова
(впоследствии одним из руководителей экспедиции стал
С. Г. Малыгин), плывающая на судах «Экспедицион» и «Обь»,
составил описание части побережья от Архангельска и на-
нес его на карту. Малыгин в две навигации (1736 и
1737 гг.) достиг Оби, что произошло 22 сентября 1737 года.
В результате плавания Малыгина были составлены мор-
ские карты побережья от Печоры до Оби, собраны ценные
сведения о фауне и флоре этого района, о быте и нравах
местного населения.

14 мая 1734 года командир дубель-шлюпки «Тобол»
лейтенант Д. Л. Овцын начал описание берегов от устья
реки Оби. Ему надлежало обследовать побережье до устья
Енисея. Плавание первого года было неудачным. Мощные
льды и встречные ветры оказались непреодолимым пре-
пятствием. В июне 1735 года Овцын достиг 68°40' с. ш.
К этому времени значительная часть экипажа «Тобола»
была тяжело больна цынгой. Овцын с одобрения всех офи-
церов дубель-шлюпки повернул обратно и в августе достиг
устья Оби. В октябре судно прибыло в Тобольск.

Лето 1737 года было особенно благоприятным для пла-
вания. В западной части Северного Ледовитого океана
льдов не было. Овцын на построенном в Тобольске боте
«Обь-Почталъон» совместно с дубель-шлюпкой «Тобол»
отправился в новое плавание. В первых числах августа
суда вышли в открытое море. Мореплаватели измеряли
глубины, определяли физические свойства морской воды.
Овцын в своем дневнике записал: «Вода здесь весьма со-
лона и горька, цветом темно-голубая, глубины 7 сажений».
16 августа корабли обогнули мыс полуострова, который от-
деляет Обскую губу от Енисея, и 31 августа вошли, «хотя
через великие трудности», в устье Енисея. Отсюда они

поднялись вверх по Енисею, пройдя до 300 км. Наступившие холода заставили моряков остановиться на зимовку недалеко от Туруханска.

Окрыленный столь замечательными успехами, Овцын решил отправиться в Петербург с отчетом о работе экспедиции. Однако в Тобольске он был арестован за связь с князем И. А. Долгоруковым, находившимся в сибирской ссылке. Овцына разжаловали в матросы и направили в распоряжение Беринга. Но дело, которому он отдал столько труда, продолжали его соратники.

Летом 1738 года штурман Ф. Минин вместе с подштурманом Дм. Стерлеговым начал исследование берега, чтобы описать его и изучить морской путь от устья Енисея на восток. В течение трех кампаний Минин и его помощники на боте «Обь-Почталъон» настойчиво пробивались сквозь льды на северо-восток. В 1740 году они достигли мыса на западном берегу Таймырского полуострова ($75^{\circ}20'$ с. ш.). Мыс был назван именем штурмана Стерлегова.

Замечательный подвиг совершили моряки отряда под командованием лейтенанта В. Прончищева и штурмана С. Челюскина. В 1735 году на кораблях, построенных в Якутске под наблюдением и руководством Чирикова, отряд вышел из Лены и двинулся на запад на соединение с Овцыным и Мининым. Достигнув устья Оленека, мореплаватели остановились здесь на зимовку. Летом следующего года моряки продолжили плавание вдоль берегов Таймырского полуострова и почти достигли мыса, носящего теперь имя Челюскина, однако встретив на пути мощные льды, они вынуждены были повернуть обратно. На этом пути отряд постигло большое несчастье. Командир отряда Прончищев и его жена Мария Прончищева, разделявшая с мужем все тяготы и невзгоды плаваний в суровой Арктике, умерли от цынги. Но отважные моряки не пали духом. Они поклялись приложить все силы к тому, чтобы завершить дело, начатое их командиром, которого горячо любили все матросы. Отряд бесстрашных и сильных волей моряков возглавил лейтенант Харитон Лаптев, мужество и находчивость которого помогли экипажу перенести еще одно, весьма тяжелое испытание: их корабль, дубель-шлюпка «Якутск», был раздавлен льдами. Казалось, что все погибло, что положение безнадежно. Но и это горе не сломило моряков. Они по льду перебрались на берег и с необыкновенным упорством продолжали исследование

побережья. Пешим путем, следуя по пустынной тундре, они совершали большие переходы, составляя описание огромных пространств Севера и нанося их на карту. Так была составлена карта берега от Лены до Хатангского залива, а также побережья Таймырского полуострова.

В феврале 1742 года Челюскин вышел из устья Хатанги и направился к северной оконечности Азии. 1 мая он достиг мыса Св. Фаддея и отсюда приступил к описанию берега по направлению к мысу, названному им Северо-восточным, которому впоследствии было присвоено его имя. Путем астрономического определения Челюскин установил широту этого мыса в $77^{\circ}34'$ с. ш. Определения координат этого мыса, произведенные впоследствии другими исследователями, подтвердили исключительную точность исчислений Челюскина.

Цель экспедиции была достигнута. Семен Челюскин в скупых записях путевого журнала отметил этот знаменательный момент такими словами: «Сей мыс каменный приртый, высоты средней, около него льды гладкие и торов нет. Здесь именован мною оной мыс Восточный-северный мыс»¹.

Отряд под командованием Ласиниуса начал исследовательские работы одновременно с отрядами Прончищева, в 1735 году. Выйдя из устья Лены на боте «Иркутск», он двинулся на восток. В устье реки Хараулах была проведена зимовка. Ласиниус 8 декабря 1735 года умер от цынги. В течение зимы в отряде продолжала свирепствовать эпидемия цынги — из 52 человек команды в живых осталось всего 8.

После смерти Ласиниуса руководство отрядом принял лейтенант Дмитрий Лаптев, друг и товарищ Чирикова. Бот «Иркутск», командиром которого стал Лаптев, был укомплектован новым личным составом. Задача Лаптева состояла в том, чтобы обследовать острова, расположенные против устья Колымы. В мае 1736 года Лаптев на трех дощаниках вышел из Якутска к устью Лены. Здесь он решил ожидать бот Ласиниуса, находившийся на зимовке в Хараулах. Не дождавшись бота, Лаптев отправился в Хараулы и там 18 июля принял команду над ботом. В конце месяца он прибыл к устью Лены, где стояли дощаники, однако подойти к ним из-за больших льдин, преградивших

---

¹ Записки Гидрограф. департамента, ч. IX, 1851 г., стр. 63.

боту путь, он смог только 7 августа. Спустя несколько дней Лаптев двинулся на северо-восток, и через два дня дошел до 73°16' с. ш. Но здесь мореплавателям опять преградили путь льды. Небольшое судно со всех сторон было окружено айсбергами. Посоветовавшись с офицерами, Лаптев решил возвращаться. Опыт плавания показал, что добраться морским путем до Камчатки невозможно. Поэтому было решено и «на предбудущий год на море не выходить, понеже к проходу до реки Колымы и до Камчатки по всем обстоятельствам ныне и впредь нет никакой надежды». Зимовка на Лене была очень трудной. Почти вся команда переболела цынгой. В июле 1737 года Лаптев вернулся в Якутск.

После двухлетнего перерыва в работе ленских отрядов командиром восточного отряда был назначен Дмитрий Лаптев. Командиром дубель-шлюпки вместо Прончищева был назначен Харитон Лаптев. В инструкции, которая была вручена братьям Лаптевым, указывалось, что они должны начать плавание, как только море очистится ото льда, «не упуская ни мало летнего благополучного времени, ежели где крайняя невозможность к походу постигнет, например, ото льдов, в таком случае... обжидать перемены и к походу возможности. А ежели де такой способный случай придет, то без потеряния времени в определенный вояж следовать. И буде конечное препятствие постигнет в такое уже время, как по тамошнему климату зима становитца и вода мерзнет, перед тем временем возвращатца не в прежние дальние места, но искать способу, где б ближе зимовать можно было, дабы дальним назад возвращением в действии той экспедиции медления не иметь и времени не потерять, и по усмотрению, где б по способности и безопасности ближе зимовать»¹. В инструкции далее указывалось, что экспедиция должна завершить свою работу на второе, третье или четвертое лето. Главная задача восточного отряда заключалась в том, чтобы продолжить морской путь на Камчатку вокруг Чукотского полуострова. Решению этой задачи Адмиралтейств-коллегия придавала очень большое значение.

С неутомимой энергией братья Лаптевы взялись за выполнение порученного им большого государственного дела. В навигацию 1738 года дубель-шлюпка под начальством

---

¹ Экспедиция Беринга, стр. 159.

Х. Лаптева сквозь льды добралась до Хатангской губы. Здесь была сделана остановка для зимовки. В зиму 1739/40 года Х. Лаптев совершил путешествие к устью реки Пясины. В это же время были описаны берега к востоку и западу от реки Таймыры. Летом 1740 года моряки сделали попытку обойти морем Таймырский полуостров. Дубель-шлюпка, попав в полосу непроходимых льдов, чуть не стала жертвой морской стихии. С большим трудом моряки спасли корабль и себя от неминуемой гибели. Ввиду того, что обойти льды не представлялось возможным, было решено описать полуостров с суши с трех сторон. Эта задача была выполнена в марте — мае 1741 года. Описание отличалось большой точностью и было затем использовано при составлении карт побережья Северного Ледовитого океана.

Часть отряда Д. Лаптева ранней весной начала описание берега от устья Лены на восток к Св. носу и обратно, другая часть произвела описание реки Индигирки. Эти группы производили описание по суше. В июне 1739 года Д. Лаптев на боте отправился в море, чтобы произвести опись. Но через несколько дней он убедился в невозможности осуществить описание с моря и решил перейти на берег.

Весной 1740 года был описан берег от Алазеи до Колымы. В это же время было произведено описание рек Яны и Хромы. Летом была предпринята настойчивая попытка пробиться к Чукотскому носу. С большим трудом мореплавателям удалось дойти лишь до Каменного носа (Большого Баранова мыса). Встретив на своем пути мощные льды, Д. Лаптев решил вернуться к среднему устью Колымы, чтобы устроиться там на зимовку.

Осенью 1740 года геодезист Киндяков был направлен для описи верховьев Колымы, а штурману Щербинину было поручено исследовать дорогу до Анадырска. В 1741 году Д. Лаптев сделал еще одну попытку пройти морем за Каменный нос на боте «Иркутск», но из-за мощных льдов он вынужден был отказаться от мысли обойти Чукотский мыс и решил возвратиться на Колыму. На обратном пути было произведено описание берега.

В конце октября 1741 года Д. Лаптев отправился в поход на Камчатку, следуя сухопутьем. С 45 нартами, в которые были впряжены собаки, он, покрыв большое расстояние, появился в Анадырском остроге. Построив два гребных

судна, Д. Лаптев летом 1742 года описал берега Анадыря до самого устья, после чего вернулся в Нижнеколымск, а в 1743 году направился в Петербург.

С необыкновенной настойчивостью русские мореходы стремились проложить морской путь на Тихий океан. Они несли много жертв, но великая цель экспедиции придавала им силы в борьбе с лишениями и невзгодами. Так бороться могли только люди, понимающие величие стоящих перед ними задач. Холод и голод, льды и арктические метели, — ничто не могло заставить горстку отважных отказаться от цели, ради достижения которой они не щадили своих сил и жизней. Отважные мореплаватели прокладывали пути там, куда не мог попасть ни один из европейских моряков. Хотя восточному отряду и не удалось обогнуть Чукотский мыс, он произвел описание побережья на огромном протяжении от Архангельска до Чукотки. Были составлены карты. Описания и карты, составленные отважными полярными исследователями, отличались исключительной точностью. Во время своего плавания Д. Лаптев поддерживал связь с руководителями экспедиции, с Чириковым же его связывала большая дружба. В письмах друг другу они делились своими успехами и неудачами.

* *
*

Одновременно с исследованиями, которые проводились северными отрядами, было предпринято исследование Тихого океана. Благодаря неустанным заботам Чирикова и Беринга уже в 1738 году была закончена подготовка судов, предназначенных для плавания к японским островам.

18 июня отряд из трех судов под командованием Шпанберга вышел из Охотска и 6 июля прибыл к Большерецкому устью. Здесь были полностью укомплектованы команды кораблей, пополнены запасы продовольствия, и отряд вышел в океан, взяв курс на юго-восток. В инструкции, преподанной Шпанбергу, говорилось, что он должен идти к тем островам, «кои пошли от Камчацкого полуострова к носу ко Японии и из них несколько уже были во владении российском и з народом, живущего на тех островах, бран ясак на «Камчатку»¹. Шпанбергу поручалось изучить состояние японских портов и стараться привлечь

---

¹ Экспедиция Беринга, стр. 176.

на свою сторону японцев «дабы своей дружбой перемогать их застарелую азиатскую нелюдскость».

Во время плавания моряки отряда Шпанберга измеряли глубины, вели астрономические наблюдения. Отряд открыл около 30 новых островов, входящих в Курильскую гряду.

20 июля отряд попал в полосу густого непроницаемого тумана. Корабль «Гавриил», на котором находился Шпанберг, отделился от остальных судов; корабли потеряли друг друга и продолжали плавание самостоятельно. Запасы продовольствия иссякли, приближалась осень, во время которой плавание сопряжено с большими опасностями. Командиры кораблей решили возвратиться на Камчатку. Бригантина «Надежда» возвратилась в Большерецк 18 августа, вскоре сюда же прибыли вторая бригантина и дубель-шлюпка.

Хотя отряд не смог достигнуть берегов Японии, его плавание, увенчавшееся открытием ряда новых островов, входящих в Курильскую гряду, имело большое значение. Оно заключалось в том, что моряки получили определенную практику, обогатились сведениями о навигационных условиях малоизученного района Тихого океана.

Во время зимовки был построен еще один бот. 22 мая 1739 года отряд в составе бригантины «Св. Михаил», бота «Гавриил», дубель-шлюпок «Надежда» и «Большерецк» покинул устье Большой реки. Следуя восточнее островов Курильской гряды, суда достигли 42° с. ш., пересекли параллель, на которой, согласно карте Делиля, должна была находиться земля Гама. К большому изумлению мореплавателей, никакой земли в этих широтах не было обнаружено; некоторое время отряд кораблей шел курсом на юго-запад. Дойдя до 39° с. ш., отряд лег прямо на запад, к берегам Японии.

16 июня перед взорами русских моряков открылись берега японского острова Ниппон, затем экспедиция продолжала идти на юг вдоль берегов этого острова. Достигнув 37°30' с. ш., мореплаватели 22 июня сделали остановку. В начале июля плавание было возобновлено. Следуя далее, моряки открыли несколько островов в Курильской гряде. 24 июля русские корабли подошли к острову Матмай, у которого, как и у других японских островов, было замечено множество судов. На остров была послана шлюпка с матросами. Моряки пригласили на корабль

японских рыболовов, которые доставили русским много различной рыбы. Вскоре с жителями малоизвестной земли завязались самые дружественные отношения. Японцы охотно приезжали на русские суда, доставляя свежую рыбу, сорочинское пшено, соленые огурцы, редиску, листовой табак, за что русские одаривали японцев различными вещами. Японцы принимали подарки «со всякою учтивостью и, кто что примет, то все прижимали своими руками к грудям и, хотя ево Шпанберховы толмачи, взятые с Курильских островов, говорить с ними японцами не умели, однако ж довольно было видеть и признать, что они японцы, по своему обыкновению принимали з благодарением и торговались команды ево [с] служителями добровольно и охотно менюя вещь на вещи, бумажными выбойками и протчею мелочью»¹.

14 августа 1739 года отряд возвратился в Большерецк, а 29 августа — в Охотск. Плавание это было очень трудным; корабли часто попадали в штормы, людям приходилось питаться солониной. В результате изнурительной работы и плохого питания на всех кораблях оказалось много больных. Но тяжелый труд моряков не был напрасным. За время двух плаваний русские открыли многие острова Курильской гряды и обследовали северную часть Японии.

Благодаря плаванию было взято под сомнение существование земли Гама. Окончательно эту легенду опровергли Чириков и Беринг во время плавания к американским берегам. Плавание к берегам Японии также убедило руководителей экспедиции в прочности кораблей, построенных в Охотске. Опыт этого плавания был использован при подготовке экспедиции к берегам северо-западной Америки.

---

¹ Экспедиция Беринга, стр. 180.

ОТКРЫТИЕ А. И. ЧИРИКОВЫМ И В. БЕРИНГОМ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АМЕРИКИ И АЛЕУТСКИХ ОСТРОВОВ

ПОСЛЕДНИЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ПЛАВАНИЮ

КОНЦЕ апреля 1741 года подготовка экспедиции была завершена. На пакетботах «Св. Петр» и «Св. Павел» заканчивались последние приготовления. Необходимо было окончательно решить вопрос о курсе предстоящего плавания.

4 мая 1741 года Беринг пригласил на совет офицеров, штурманов и астронома Людвиг Делиля де ла Кройера; последний, как известно, был назначен в эту экспедицию по настоянию своего брата и получил большие полномочия. Указания этого невежды и пьяницы, не лишённые на деле, по всей вероятности, злого умысла, являлись для Беринга обязательными. В указе Сената совершенно недвусмысленно было сказано: «чтоб в вояж сперва шли по предложению и мнению профессора Делиля». На совете Людвиг Делиль показал присутствующим составленную его братом Жозефом Николя Делилем карту. На этой карте была обозначена земля Гама в направлении SOtO от Авачинской бухты, расположенной на 47, 46 и 45° с. ш. На самом деле такой земли не существовало, что, как известно, показало плавание отряда Шпанберга к берегам Японии в 1739 году.

Чириков твердо и обоснованно отвергал достоверность карты Делиля и убеждал офицеров и Беринга в том, что нужно исследовать район между 50—65° с. ш. Показывая полную несостоятельность утверждений Людвиг Делиля,

Чириков заявил, что легенда о земле Гама много десятилетий вводит в заблуждение ученых, и предложил основываться на данных Шпанберга. Офицеры пакетбота «Св. Павел» поддержали своего командира, офицеры же пакетбота «Св. Петр» и сам Беринг присоединились к предложению Делиля, в результате чего решили руководствоваться картой Ж. Делиля, составленной на ложных данных.

Ввиду большой важности указанного решения следует привести полностью текст протокола, который включен в шанечный журнал пакетбота «Св. Петр». В нем было записано: «1741-го году мая 4-го дня в собрании комиссии капитан командор Беринг, протчия афицеры и острономии профессор и штюрман, слушав пунктов, написанных в данной ему капитану-командору Берингу от государственной Адмиралтейской коллегии инструкции, а именно 9-го, 10-го и седьмого на десять пунктов, и написанной в приобщенной при той инструкции копии с указу ис Правительствующаго Сената 6-ой пункт, согласно положили: по силе тех пунктов ко взысканию американских берегов иметь от здешней гавани курш сперва зюйд-остен-остен по правому компасу и иттить оным румбом, ежели земли не найдем, до 46-го градуса северной ширины, а от той ширины иметь курш остен-норден непременно, докамест получим землю. А как землю получим, идучи на зюйд-остен-остен или на остен-норден, то итти подле той земли, как она то простиратца будет от оста к норду и от норда к весту. А ежели будет простиратца меж зюйда и оста, то оставлять оную землю и иттить на ост, докамест паки получим землю, и подле земли иттить к северу, как выше показано, до шестидесят пятого градуса и докамест з божьею помощью время допустит; и ежели благовременно дойдем до 65-го градуса, то иттить на вест и увидеть Чюкоцкую землю, чтоб известно было, сколько меж Америкою и Чюкоцкою землями расстояния, и оттуда возвратитца в здешнюю гавань. А ежели вышеписанным положенным румбам будут противные ветры, то держатца как возможно к тем румбам ближе. И ежели з божьею помощью получим землю, то чинить об оной разведование, как в данных инструкциях капитана-командора изображено. А время пути своего продолжать в таком рассуждении, дабы могли возвратитца и приттить в последних числах сентября месяца в здешнюю гавань.

Подлинная подписана руками тако: Беринг, капитан Алексей Чириков, лейтенант Иван Чихачев, лейтенант Ваксель, лейтенант Плаутинов, Людвиг Делиль де ля Кройер, флота мастер Сафрон Хитров, за флотецкого мастера Аврам Дементьев, лейтенант Андрис Эзельберг, штурман Иван Елагин»¹.

Решение о курсе предстоящего плавания, принятое на совете офицеров 4 мая 1741 года, как увидим далее, повлекло за собой напрасную потерю драгоценного времени, усилило лишения, увеличило человеческие жертвы.

После совещания подготовка кораблей к плаванию протекала ускоренно. Личный состав запасал продовольствие, пресную воду. Часть матросов делала такелаж, рангоут. Офицеры выверяли компасы, определяли склонение. 15 мая было начато вооружение кораблей парусами, запасные паруса просушивались. В последующие дни проконопачивались и просмаливались борта судов. В то же время на корабли грузились вещи, предназначенные для подарков жителям островов, которые могли встретиться мореплавателям на пути их следования. К двадцатым числам все приготовления были завершены, оставалось только выждать благоприятного ветра. Однако почти весь май стояла пасмурная, дождливая и безветренная погода.

25 мая 1741 года капитан-командор Беринг произвел осмотр команд обоих кораблей для выяснения готовности к походу. Прежде всего он посетил корабль «Св. Павел», а затем перебрался на судно «Св. Петр». Тогда же на суда перевезли порох и гранаты².

После отъезда Беринга на пакетбот «Св. Павел» на него были подняты ланг-бот и малый бот с тем, чтобы установить, как пакетбот держится на воде с этим добавочным грузом.

Вечером того же дня Беринг «передал господину Чирикову сигналы, которые употреблять во время нашего похода», как записано в журнале Хитрова.

Инструкция о сигналах, установленных для связи судов во время совместного плавания, представляет известный интерес. Следует указать, что при разработке этих сигналов руководителями экспедиции были учтены труд-

¹ ЦГАДА, ф. Госархива, разр. XXI, л. 9 доп., лл. 2—2/об. Протокол опубликован в книге Свена Вакселя «Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга», стр. 161—162.

² ЦГАДА, ф. Госархива, разр. XXI, л. 9 доп., л. 3.

ности и особенности плавания. Эти сигналы предусматривали способы и средства поддержания связи между кораблями в различных условиях: в дневное и ночное время, в туманные и солнечные дни. Главными средствами связи являлись флаги, пушечные выстрелы, фонари.

Сигналы устанавливали порядок вызова капитана Чирикова или лейтенанта с его корабля. В инструкции по этому поводу сказано, что, если капитан-командору потребуется «призвать вас, господин капитан, тогда будет поднят флаг у грот-стенги с единым пушечным выстрелом»¹.

Чтобы передать приказание пакетботу «Св. Павел» занять место впереди, необходимо было на флагманском корабле поднять вымпел на форстенге и дать один пушечный выстрел. Поднятый флаг на кормовом флагштоке с белыми, синими и красными полосами означал приказание стать на якорь. На те случаи, когда капитан-командору представлялась необходимость вызвать «Св. Павел» для переговоров с Чириковым, устанавливался специальный сигнал — подъем синего флага с конца грот-реи и один выстрел из пушки.

Подробно были разработаны сигналы для передачи приказаний о поворотах при изменении ветра или перемене курса.

Особого рассмотрения заслуживает тот параграф инструкции, в котором определялся характер действия кораблей в случае их разлучения. Указания по этому поводу вытекали полностью из инструкции Адмиралтейств-коллегии, в которой говорилось о необходимости совместного плавания. Названный выше параграф сводился к тому, что, если обстоятельства приведут к разлучению пакетботов, «то должно друг друга искать и ходить близ того места, где разлучались, трои суток». Определение места разлучения судов рекомендовалось проводить методом установления широты по счислению пройденного расстояния от Авачинской бухты «или откуда начато будет счисление». Если бы суда не нашли друг друга в течение трех суток, предлагалось идти по принятому генеральному курсу экспедиции. По достижении земли, обозначенной на карте, или же в том случае, если «оная земля не найдется на определенном румбе, то подле того лавировать сутки и дожидаться. А ежели придет севернее определенного румба,

---

¹ ЦГАДА, ф. Госархива, разр. XXI, д. 9 доп., л. 4.

то иттить подле земли к зюйду пока на определенной румб, притом однако больше суток к зюйду не иттить». После плавания в течение суток к югу, рекомендовалось задержаться на некоторое время, а затем возобновить плавание намеченным курсом, «ежели придя южнее определенного румба, то следовать подле земли к северу и, пришед на тот румб (имеется в виду точка разлучения кораблей. — В. Д.), дожидаться сутки и ежели тут друг друга не найдем, то вам иттить в свой путь и чинить по инструкциям»¹.

Чтобы передать сообщение о повреждениях на корабле или о других каких-либо несчастных случаях, в результате которых корабль не мог бы продолжать плавание, был установлен особый сигнал: «Когда судно, от чего сохрани боже, потечет или иная нужда застижет, что не можно будет за командором следовать, тогда перестать парусами иттить и выстрелить два раза»².

При обнаружении мели кораблю, первому заметившему эту опасность, требовалось дать об этом предупреждение. Для этой цели нужно было «гюйс свой распустить с грот-стенги и выстрелить два выстрела. А ежели, от чего боже сохрани, что судно на ту 'мель' найдет и остановитца, и тогда ему все паруса отпустить и чинить тот же сигнал гюйсом и стрелять, пока увидят, что протчие остереглись и от той мели отворачивают»³.

Общеизвестно, что плавание в тумане представляет особенно большие трудности. Русские мореплаватели учитывали это обстоятельство и наметили всевозможные меры предосторожности и способы поддержания непрерывной связи. Так, было установлено, что во время плавания в сложных метеорологических условиях на флагманском корабле «будет стреляно ис пушки через час», Чирикову же предлагалось установить бдительное наблюдение, поручив это дело специальному человеку.

Не меньшие трудности представляло плавание в темное время суток, когда средства для поддержания связи были ограничены. Для этих случаев руководители экспедиции разработали эффективные методы поддержания непрерывного контакта между судами. Передачу сигналов намечалось вести посредством огней судовых фонарей в различных комбинациях, в сочетании с пушечными выстрелами.

¹ ЦГАДА, ф. Госархива, разр. XXI, д. 9 доп., лл. 5—5/об.

² Там же, л. 5/об.

³ Там же.

«Когда надобно будет реи дать против ветру, тогда поднято будет на кормовом флагштоке два фонаря, один под другим, при выстреле ис пушки. А ежели надобно будет поворотитца по ветру, тогда поднят будет один фонарь на гафеле, а другой на кормовом флагштоке и выстрелят из одной пушки, тогда и вам иметь в том же месте фонарь и держать покамест у нас снят будет, а поворотитца наперед тому судну, которое под ветром будет, чтобы ночью друг на друга не налететь»¹.

Специальные сигналы были выработаны для плавания в штормовую погоду, когда от мореплавателей требовались исключительная осторожность и максимальное напряжение сил и внимания. В таких случаях корабль должен был ложиться в дрейф. «Когда надобно будет в злую погоду, убавя парусов и дрейф учинить, тогда по одному фонарю в грот и форвантах в равной высоте на одной стороне поставлено будет и выстрелить дважды и тогда вам в тех местах огни иметь». После прекращения шторма, согласно инструкции Беринга, на флагманском корабле надо было выставить три фонаря на гротвантах на одинаковой высоте и одновременно дать два выстрела из пушек; «тогда и вам иметь фонарь в гротвантах и не снимать прежде как у нас сняты будут»².

В особом параграфе определялся порядок оповещения при встрече с иностранным кораблем в ночное время. В нем подчеркивалась мысль о том, что пакетботы являются военными кораблями, поэтому им следует проявлять особую осторожность и своевременно предупреждать друг друга обо всех опасностях и осложнениях. «Ежели будут к судну подходить сторонние суда, с которыми надобно будет поступать с опасностью, а ведомости через переговорную трубу и через посылку ялбота учинить будет не можно, тогда все фонари расставить с огнем и стрелять выстрел по выстрелу, пока от командора ответ учинен будет из одной пушки»³.

Специально предусматривалось, каким образом предупредить флагмана в случае, если пакетбот «Св. Павел» в результате каких-либо повреждений не в состоянии будет самостоятельно добраться до Авачинской бухты; нужно

---

¹ ЦГАДА, ф. Госархива, разр. XXI, д. 9 доп., л. 8.

² Там же.

³ Там же, л. 9/об.

было поднять два огня на гротмарсарее и «стрелять, пока другое судно возможное вспомощение учинит».

Таково в основных чертах содержание правил совместного плавания, разработанных руководителями экспедиции.

Рассмотренная нами система сигналов для связи между кораблями, готовившимися к большому и трудному плаванию, дает возможность составить представление о тех средствах и способах связи, которые применялись на русском флоте того времени.

В конце мая 1741 года были закончены последние приготовления кораблей и личного состава к плаванию. Так, 28 мая, как отмечается в журнале Хитрова, матросов пакетбота «Св. Петр» «отпускали на берег повахтенно в баню». На рассвете следующего дня «Св. Петр» и «Св. Павел» были отбуксированы в Авачинскую бухту. Одновременно пополнялись запасы пресной воды, которая доставлялась на суда на ланг-ботах. На суда доставлялись запасы продовольствия, порох, пушечные ядра. В общей сложности «Св. Петр» принял круп 217 пудов, мяса 160 пудов, масла 80 пудов, сухарей 382 пуда, воды 112 бочек, пороха 34 пуда, трехфунтовых ядер 57 пудов. «Св. Павел» имел различных грузов шестьсот пудов, сто бочек воды, дров было запасено на три месяца, а всего грузов с артиллерией и шхиперскими материалами было принято около шести тысяч пудов.

На пакетботе находилось всего 75 человек. Офицеров Чириков подобрал главным образом из русских. Ближайшими помощниками его были: лейтенант И. Л. Чихачев, мастер А. Дементьев и штурман И. Елагин. Кроме того, на борту «Св. Павла» находился астроном Людвиг Делиль де ла Кройер, к которому Алексей Ильич справедливо относился с недоверием, отстранив его от всех дел.

Экипаж «Св. Петра» состоял из 77 человек. На этом пакетботе находились адъютант Г. Стеллер, лейтенант С. Ваксель с сыном, мастер С. Хитров, подштурман Х. Юшин, за живописца капрал Плениснер и разжалованный из лейтенантов матрос Д. Л. Овцын.

Экспедиция была снабжена навигационными и астрономическими инструментами в достаточном количестве¹.

---

¹ Для определения расстояния, пройденного судном, применялся лаг. Песочные часы служили для измерения времени. Курс корабля определялся магнитным компасом. Высота солнца измерялась спе-

29 мая пакетбот «Св. Петр» около 18 часов снялся с якоря и был отбуксирован к устью Авачинской бухты, где и стал на якорь. Через час к устью бухты был выведен «Св. Павел».

Первого июня около 18 часов была сделана попытка выйти из Авачинской бухты в море. Однако вскоре «зделался туман, чего ради выходить из устья стало невозможно». Чтобы найти способ для быстреего выхода в море, Беринг пригласил к себе Чирикова и совещался с ним около двух часов. Утром корабли благополучно вышли в море и стали на якорь. После этого в течение двух суток Беринг и Чириков находились на рейде, с нетерпением ожидая благоприятного ветра.

СОВМЕСТНОЕ ПЛАВАНИЕ КОРАБЛЕЙ «СВ. ПЕТР» и «СВ. ПАВЕЛ»

4 июня 1741 года выдался на редкость солнечный день. Дул слабый западный ветер. «Св. Павел» и «Св. Пегр» снялись с якоря и вышли из бухты.

Беринг приказал следовать принятым на совещании курсом SOtO в направлении мнимой земли Гама. Впереди шел «Св. Петр», за ним следовал «Св. Павел».

Уже на второй день плавания русские мореплаватели встретили на своем пути большие трудности. Они попали в полосу густого тумана, в результате чего корабли потеряли друг друга из виду. На «Св. Петре» были обеспокоены судьбой затерявшегося в тумане «Св. Павла», «того ради били у нас в барабан и звонили в колокол, на то с пакетбота «Св. Павел» ответу нам не слышно», лаконично записал в своем журнале Сафрон Хитров. В связи с этим на флагманском корабле было приказано приготовить к спуску на воду бот и небольшую шлюпку. К счастью, туман вскоре рассеялся. Оказалось, что пакетбот «Св. Павел»

циальным прибором — градштоком. Этот прибор представлял собой размеченную рейку, по которой перемещалась поперечная крестовина. Для определения высоты солнца применялся также особый инструмент — квадрант, который имел вид градуированной металлической дуги в 90° с двумя неподвижными радиусами и одним подвижным. К нижнему радиусу была прикреплена подзорная труба, которая наводилась на горизонт, а к подвижному радиусу присоединялась подзорная труба, служившая для наводки на солнце.

находился на расстоянии $\frac{3}{4}$ немецкой мили северо-восточнее от флагманского корабля ¹.

С наступлением темноты «Св. Павел» опять скрылся из виду. Следуя принятым правилам, на корме «Св. Петра» поставили фонарь. В три часа дня 6 июня «Св. Павел» был замечен на румбе NON. Видя, что Беринг держит южнее условленного курса, Чириков решил переговорить с капитан-командором. В десять часов пакетбот «Св. Павел» дал пушечный выстрел и поднял на форстеньге флаг, что означало сигнал: Чириков желает говорить с Берингом.

Через два часа Беринг подошел к борту «Св. Павла». Корабли обменялись салютами. Начались переговоры.

Чириков предложил, чтобы суда шли ближе друг к другу, но если они так пойдут «как ныне были меж собою в расстоянии, то хотя мало туман, то можем скоро разлучиться и потом в сыскании друг друга можем упустить к надлежащему ходу немало удобна время». Далее он указывал, что необходимо точно следовать принятому курсу. В ответ на это Беринг потребовал лейтенанта со «Св. Павла». Чириков приказал ответить: «не изволит ли приказ отдать, ежели не зело важно, через трубу, понеже для посылки лейтенанта надлежит спускать ялбот и в том несколько упустится время» ². С флагманского корабля сообщили: «ежели что имеете сказать, прислать лейтенанта, а нет, то не надо». На это Чириков заявил, что, кроме сказанного, ничего не имеет сообщить.

Затем оба судна пошли прежним курсом

Беринг приказал Чирикову итти впереди «Св. Петра». Это свидетельствует о том, что Беринг безусловно доверял Чирикову и высоко ценил своего помощника, который прекрасно знал военно-морское дело и обладал огромным практическим опытом в мореплавании.

В течение последующих дней плавания Беринг постоянно советовался с Чириковым, запрашивал последнего о счислении и пройденном расстоянии. Алексей Ильич непрерывно вел измерение глубин; то же делал и капитан-командор. В шканечном журнале «Св. Петра» за 10 июня сделана следующая запись: «В 10—1 час. На пакетботе «Св. Павел» поднены 2 фонаря с огнем в знак того, что

---

¹ Немецкая миля равна 4 морским (итальянским) милям, равна 7200 м.

² ЦГАВМФ, ф. Гидрографии, д. 148, л. 5.

бросают лот и не сошлись близко. Потом и мы пускали лот 90 сажен, прунгу не достали»¹.

Через три дня экспедиция вновь оказалась в полосе сплошного тумана. Чириков, строго выполняя выработанные правила совместного плавания в сложных метеорологических условиях, приказал бить в колокол; «у нас чинили то ж», отмечает в своем журнале Хитров.

12 июня мореплаватели достигли 46° с. ш., спустились еще на один градус южнее, а земли Гама все не было. «Точию земли не получили и потому открылось, что Ион де Гамма нет, понеже мы место, где надлежало ей быть, перешли все через», — писал впоследствии Чириков. Разочарование постигло тех, кто доверился карте Жозефа Делиля и указаниям Людвига Делиля и не прислушался к голосу своего соотечественника А. И. Чирикова. Теперь уже никто не сомневался, что участники экспедиции были введены в заблуждение, из-за чего пришлось потерять значительное время, такое драгоценное в труднейших условиях плавания.

Указанное обстоятельство вызывало у участников экспедиции законное возмущение. Отражая царившее тогда настроение, Свен Ваксель писал: «Было бы, однако, честнее сперва исследовать на самом деле такие неизвестные земли, прежде чем широко осведомлять плавающих об открытии берегов... земли де Гамы; в противном случае многие честные и храбрые люди, по необходимости бороздящие моря, бессовестно и возмутительно обманываются. А таким людям, которые берутся утверждать непроверенные вещи, основанные только на предположениях, я бы посоветовал лучше совсем молчать, а если им уже так хочется пофантазировать и порассуждать, то делать это про себя и не давать посторонним людям в руки плодов своей фантазии, тогда по крайней мере никто не был бы обманут их домыслами... Кровь закипает во мне всякий раз, когда я вспоминаю о бессовестном обмане, в который мы были введены этой неверной картой, в результате чего рисковали жизнью и добрым именем».

12 июня, когда суда достигли 46° с. ш., было решено отказаться от поисков несуществующей земли; с флагманского корабля в рупор передали, что наступает «время по определению капитана командора и протчих экспедичных

---

¹ Экспедиция Беринга, стр. 344.

офицеров и астрономии профессора Делиль де ля Кройера переменить нам свой курс и держать по правому компасу на ROtN»¹.

Чириков и его офицеры согласились с этим, и оба корабля легли на курс северо-восток. Ветер был слабый. Земли не было видно.

Уже в этот период путешествия Чириков показал себя талантливым ученым, внимание которого привлекали самые различные проблемы Тихого океана; он систематически измерял его глубины, проводил исследование направлений морского течения и скорость последнего. Для изучения течений он использовал лаг. В своем журнале 13 июня он сделал очень любопытную запись: «В исходе часа спустили ялбот на воду и пробовали пущением лота течение моря, по которой пробе явилось течение моря от NO к SW в полминутную склянку тридцать пять соток узла». Определив таким образом направление течения, Алексей Ильич не спешил с обобщениями. Он считал, что этот вопрос необходимо изучать в связи с другими причинами, которые могли оказать влияние на показание лага. В данном случае имеется в виду ветер. Продолжая свою запись, Чириков отметил: «лот относило тем волнением, а не течением моря»².

14 июня поднялся противный восточный ветер; корабли повернули на север, держа правым галсом. Так шли до 16 июня, достигнув 48° с. ш. В этот день сильно посвежело, дул резкий ветер, погода была облачная «и волнение немалое». Чириков приказал уменьшить паруса.

Приблизительно через час «Св. Павел» подошел к флагманскому кораблю на расстояние, которое позволяло вести переговоры при помощи рупора. Чириков запросил капитан-командора, «ежели продолжится этот восточный ветер, то до которого параллеля нам надлежит следовать и когда надлежит учинить поворот». В ответ на это Беринг приказал без его сигнала поворота на новый курс не делать.

Между тем волнение, идущее от ост-зюйд-оста, усиливалось. В течение суток было очень холодно. На следующий день ветер уменьшился, но зато волнение было большое. Во время плавания в темное время суток Чириков

---

¹ Д. М. Лебедев, Плавание А. И. Чирикова, стр. 155.

² Там же, стр. 157.

принимал всевозможные меры предосторожности. Так, в шанечном журнале за 17 июня сделана следующая запись: «8 час. В начале часа для опасности в ночное время взяли у марселей по одному рифу».

Чириков спросил Беринга, до какой параллели он думает итти на этом галсе, однако капитан-командор ничего не ответил, так как, повидимому, сам не был уверен в том, что следует делать дальше.

Во второй половине дня 18 июня ветер вновь усилился. «Св. Павел» продолжал итти заданным курсом. В этот же день бросали лот, но земли не достали. В пять часов утра «Св. Павел» лег в дрейф, «чтобы нам для разговору подойти у капитан-командора под ветром», как сказано в журнале Чирикова. Когда корабли сблизились, мастер Хитров от имени Беринга передал Чирикову, «что ныне де мы уже близ 49° , а место на определенном от Авачи курше в параллели 46° от нас на $Z \frac{1}{2} W$ » и затем запросил командира «Св. Павла», «не надлежит ли нам поворотить на другой галс». Алексей Ильич без всякого колебания отвечал, что при юго-восточном ветре нужно итти тем же курсом, хотя бы до 53° с. ш. Беринг ничего на это не ответил, а в журнале записал: «Положили обще держать себя между N и O, до благополучного ветра». Таким образом, Беринг беспрекословно принял предложение Чирикова. На этом основании А. Соколов сделал весьма ценное замечание: «По-моему, превосходство Чирикова и нравственная подчиненность ему Беринга здесь выражается так ярко, что не требует никаких комментариев»¹.

Тем временем ветер еще более усилился. В журнале Чирикова об этом сказано: «Ветер крепости прибавил и облачно и взяли у марселей по одному рифу». Плавание в плохую погоду требовало от моряков большой сноровки и исключительного напряжения сил. Однако впереди отважным мореплавателям предстояли еще более тяжелые испытания.

Одним из самых злополучных для экспедиции дней было 20 июня 1741 года, когда из-за непроницаемого тумана, сплошной облачности и сильного волнения оба пакетбота потеряли друг друга из виду и не смогли

---

¹ А. Соколов, Беринг и Чириков, «Северная пчела», 1849 г., № 93.

соединиться. Это обстоятельство оказало большое влияние на дальнейший ход экспедиции.

Скупые, но выразительные записи, сделанные в шканечном журнале «Св. Павла», позволяют восстановить картину плавания кораблей 20 июня. Они рассказывают о самоотверженной борьбе горстки моряков с разбушевавшейся стихией. Волны и ветер бросали корабль из стороны в сторону. Пакетбот то поднимался высоко на гребне волны, то стремительно опускался вниз, врезываясь носом в новую набегавшую волну, которая обкатывала палубу и находившихся на ней людей. Малейшая неосторожность, и волна могла снести человека за борт. Проникая в трещины, вода наполняла внутреннюю палубу и трюмы. Разгулявшийся ветер рвал паруса; трещали мачты, переборки судна. Казалось, что корабль стонет, испуская последние вздохи в неравной борьбе. Но экипаж «Св. Павла», усилия которого объединялись волей и разумом закаленного в многочисленных плаваниях отважного командира, был сильнее слепых сил природы. Матросы самоотверженно работали. Они четко исполняли все распоряжения Чирикова и его помощников — штурмана Елагина, лейтенанта Чихачева, мастера Дементьева.

Об упорном труде русских моряков красноречиво свидетельствуют записи в шканечном журнале «Св. Павла»: *«20 дня июня 1741 года.*

1 час. Ветр риф марселевый, погода облачна и туман, парусы имели марсели рифлены, гротмарсель...

3 час. Ветр прибавился и волнение, в исходе часа взяли у марселей последние рифы.

4 час. Ветр крепкий, риф марселевой и волнение великое, закрепили формарсель.

3 час. Видим от нас пакетбот Св. Петр на N, расстоянием например в 10 минутах.

5 час. Ветр крепкий, унтер зейлевой, пакетбота Св. Петра не стало быть видно, того ради закрепили фок и стали дрейфовать под гротом и безанью, чтоб дожидаться Св. Петра и с ним не разлучатца, ширина места с которого мы видели последней [раз] Св. Петра, как выше показано, на N, расстоянием в 10 минутах к 48 59 N...

12 час. Ветр и погода таж и во все сутки весьма холодно, воды в судне 6¼ дюймов»¹.

---

¹ Д. М. Лебедев, Плавание А. И. Чирикова, стр. 166—167.

На следующие сутки ветер не ослабел. Изнуренные и промокшие матросы продолжали безукоризненно выполнять свои обязанности. Лишь к вечеру погода несколько улучшилась и экипаж почувствовал облегчение. Чириков приказал итти к точке разлучения с пакетботом «Св. Петр», «понеже от капитана командора при сигналах показано, чтоб по разлучении искать друг друга в тех местах, где перед разлучением последний [раз] пакетбот видели. Того ради приказал держать как можно к тому месту ближе, а тогда оное место было от нас в близь NNO по компасу», — записал Чириков в своем журнале¹.

Из этого видно, что Алексей Ильич делал все, чтобы в точности выполнить условия, принятые для совместного плавания перед выходом в море.

Воспользовавшись тем, что 21 июня был ясный солнечный день, Чириков определил место корабля астрономическим способом: «В полдень усмотрен комплемент высоты солнца против $Z\ 25^{\circ}19'$ с надлежащею исправою, склонение солнца было $23^{\circ}8'N$, ширина места $48^{\circ}27'N$ ».

Определения широты по солнцу производились Чириковым в течение всего плавания, когда позволяла метеорологическая обстановка.

В течение трех суток Чириков безуспешно искал пакетбот «Св. Петр», после чего решил итти к берегам Америки.

Итак, пакетботы «Св. Петр» и «Св. Павел» разлучились 20 июня 1741 года под 49° северной широты и с этого дня совершали плавание самостоятельно, поэтому рассматривать их плавание следует отдельно. Остановимся сначала на плавании флагманского корабля.

ПЛАВАНИЕ Ъ. БЕРИНГА

После бесплодных трехдневных поисков судна Чирикова, не давших никаких результатов, Беринг, дойдя до 45° с. ш., лег на курс OtN и ONO до 46° с. ш. Так как никаких признаков земли обнаружено не было, «Св. Петр» 25 июня повернул на восток, спустя три дня взял курс на северо-восток, север-северо-восток и затем лег на курс N . «Мы с уверенностью, — говорит Ваксель, — рассчитывали таким путем встретить какие-нибудь земли, так как

¹ Д. М. Лебедев, Плавание А. И. Чирикова, стр. 169.

отошли уже на пятьдесят градусов по долготе к востоку от Авачинской бухты»¹.

Наконец, 17 июля, после полуторамесячного плавания, когда «Св. Петр» находился под 59°40' с. ш., на расстоянии 20 миль от корабля была замечена земля. По мере приближения к берегу перед глазами мореплавателей вырастала величественная гора. Как выяснилось впоследствии, американский берег Чириков заметил на полутора суток ранее Беринга.

При виде земли все члены экспедиции испытали чувство большой радости. Многолетний напряженный труд, наконец, увенчался успехом. Моряки стремились выразить признательность своему начальнику, который вместе с ними стойко переносил все лишения. Все поздравляли капитан-командора. Открытие окрылило мореплавателей, придавало им уверенность в успешном исходе экспедиции.

Однако сам Беринг не принимал участия в общем ликовании. Стеллер и Плениснер обратились к капитан-командору с вопросом, почему он так печален и угрюм. Беринг рассказал о причине своего беспокойства: «Мы не знаем, где мы, как далеко от дому и что нас вообще ожидает впереди. Может быть нас назад не пустит пассатный ветер. Земля нам не знакомая, а для зимовки нехватит провианта»².

«Св. Петр» продолжал идти вдоль берега. Моряки тщательно всматривались в незнакомые места, стараясь, чтобы ничто не ускользнуло от их взгляда. 18 июля был замечен великолепный лес, который подходил к самому берегу. Повернув на северо-запад, судно подошло к гористому острову. Этот остров уже сплошь был покрыт пихтовым лесом. Попытка подойти ближе к берегу не увенчалась успехом. Только 20 июля «Св. Петр» бросил якорь на глубине 22 сажень вблизи небольшого острова, который находился на некотором отдалении от материка. Грунт, взятый лотом, оказался синего цвета.

Вечером к берегу на ланг-боте был послан мастер Сафрон Хитров. Вместе с Хитровым отправились подштурман, квартирмейстер и девять рядовых. Хитрову поруча-

¹ Свен Ваксель, Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга, стр. 56.

² Л. С. Берг, Открытие Камчатки и экспедиции Беринга, М.—Л., 1946 г., стр. 191—192.

лось разведать бухту и побережье, выяснить, нет ли в гавани удобного рейда. Одновременно на шлюпке отбыл Стеллер для розыска пресной воды и осмотра берега.

Хитров со своими матросами возвратился быстро и рассказал, что им обнаружен удобный рейд, находящийся между островами и хорошо ими защищенный, он также доложил, что «видели они огнище и лисиц бегающих».

Кроме того, Хитров, отличавшийся редкой наблюдательностью, сообщил ряд других ценных сведений. Он рассказал, что на острове имеются постройки, хотя жителей, обитающих в этих постройках, он не видел. При этом было высказано предположение, что эти постройки принадлежат рыболовам, приезжающим на остров с материка. Постройки были обшиты досками и укреплены гвоздями, поэтому Хитров заключил, что местные жители пользуются топорами и ножами. Сафрон Хитров привез с собой с острова лукошко, лопату, а также камень, «на котором знатно, что обтирано бывало медь», — писал в рапорте от 15 ноября 1742 года Свен Ваксель¹.

Вернулась и шлюпка, направленная на поиски пресной воды. Прибывшие доложили, что им удалось найти пресную воду. Кроме того, моряки рассказали, что нашли два непогасших костра; они видели заготовленные дрова и следы недавно побывавших там людей. На берегу было замечено также пять красных лисиц. Матросы обнаружили на острове небольшие запасы копченой рыбы; это говорило о том, что остров обитаем.

Большую работу выполнил Стеллер всего за 10 часов пребывания на берегу. Он описал около 160 видов растений и ряд животных, сделал очень ценные наблюдения о природе острова. На основе изучения собранных предметов домашнего обихода и припасов он сделал вывод, что «жители этого американского побережья одного происхождения с камчадалами»².

Для доставки пресной воды было направлено две шлюпки. На острове, где брали воду, моряки заметили юрту, в которой были разбросаны предметы домашнего обихода. Обитатели юрты при приближении чужеземцев, повидимому, скрылись в лесу.

---

¹ ЦГАДА, ф. Правительств. сената, д. 5960, л. 784/об.

² Г. В. Стеллер, Из Камчатки в Америку, Л., б. г., стр. 79—80.

Пополнив запасы пресной воды, русские решили отблагодарить островитян. Они оставили в юрте кусок ситца, две железные курительные трубки и фунт табаку.

Рано утром 21 июля «Св. Петр» возобновил плавание; гостеприимному острову моряки дали наименование Св. Ильи (теперь он называется остров Каяк).

На совете офицеров было решено идти обратно на Камчатку. Однако моряков в пути ожидали тяжелые испытания.

Спокойная погода вдруг сменилась штормом, и корабль, по словам Вакселя, «попадал в крупную океанскую волну, так что мы едва справлялись с управлением». В таком напряжении плавание протекало в течение нескольких дней.

Наконец, погода стала более благоприятной, но возникла другая опасность; корабль шел на глубине всего 20 сажн. Дальнейшие измерения лотом подтверждали опасения, что корабль может наскочить на риф. Стать на якорь, не зная, где находится земля, также было слишком рискованно. К тому же сильный ветер вызвал большое волнение. Было решено идти на юг. Через некоторое время «Св. Петр» вновь вышел на большую глубину, и плавание стало более спокойным. Однако это продолжалось недолго.

2 августа «Св. Петру» пришлось идти в густом тумане. Измерение глубины показало, что она составляет всего семь-восемь сажен. Моряки встревожились: в таком тумане нетрудно было наскочить на мель. Немедленно был брошен якорь. Когда рассеялся туман, оказалось, что пакетбот прошел мимо острова, не заметив его, и находится от него в $\frac{1}{4}$ мили. Этот остров, расположенный юго-западнее Кадьяка, был назван Туманным, а впоследствии получил имя Чирикова.

Плавание становилось все более трудным. Запасы пресной воды кончались. Почти вся команда болела цынгой.

Решено было искать землю, чтобы запастись пресной водой.

29 августа моряки с радостью заметили группу островов и тотчас же повернули к ним. На следующий день «Св. Петр» стал на якорь между островами. Посланные на берег люди доставили пробу воды, которая оказалась мало доброкачественной, но для приготовления пищи ею можно

было пользоваться. Воду стали возить спешно, так как корабль стоял в месте, не защищенном от южных ветров.

Между тем моряков постигло большое горе. Во время стоянки у островов умер матрос Шумагин, честный и трудолюбивый человек, любимец всей команды. В память о своем добром товарище и друге моряки назвали эти острова Шумагинскими.

Ночью на одном из островов был замечен огонь. Мастер Хитров обратился к лейтенанту Вакселю, исполнявшему обязанности командира, с просьбой разрешить ему отправиться на берег для обследования острова. Беринг в это время был болен и не покидал своей каюты, передав командование Вакселю. Последний решил, что терять время на обследование острова не следует. Однако Хитров настаивал на своем. Беринг, после того как Ваксель доложил о просьбе Хитрова, разрешил отправку на берег. Взяв с собой шесть человек и захватив подарки для жителей, Хитров отправился в путь.

На острове ничего примечательного не оказалось. Моряки нашли костер, но людей около него не было. При возвращении на корабль шлюпка была застигнута сильным ветром, и Хитров решил подойти к другому острову. Однако приблизиться к нему было трудно, «так как громадные волны, накатившиеся на берег, заполнили бы шлюпку водой и выбросили их вместе с шлюпкой на берег». В этой крайне тяжелой обстановке Хитров не растерялся. Он расставил на шлюпке парус и смело пошел прямо в буруны. «Если бы не это, — пишет Ваксель, — волны, несомненно, поглотили бы шлюпку или даже смыли бы с нее людей». Прекрасная морская выучка, спокойствие и хладнокровие помогли Хитрову благополучно выбраться на берег. Здесь Хитров приказал тотчас же развести костер и стал поджидать помощь с пакетбота.

Промокшие и озябшие люди уселись у костра, чтобы согреться и обсушиться. Ночью поднялся сильный ветер. «Св. Петр» снялся с якоря, чтобы найти якорную стоянку, более защищенную от ветра. При виде уходящего корабля находившиеся на острове предположили, что «Св. Петр» навсегда покидает их. Мысль о том, что они навсегда останутся на пустынном острове и умрут голодной смертью, приводила моряков в отчаяние.

3 сентября посланная на берег шлюпка сняла моряков с острова и доставила на корабль.

Несколько раз «Св. Петр» пытался выйти в открытое море, чтобы следовать на Камчатку. Однако этому препятствовали сильные встречные ветры.

5 сентября с одного из близлежащих островов стали доноситься звуки людского голоса. Одновременно моряки заметили разведенный на острове костер. Вскоре с корабля были замечены две небольшие байдарки, в которых сидело по одному человеку; они двигались к пакетботу. Подойдя совсем близко к кораблю, островитяне начали размахивать руками и кричать. На «Св. Петре» никто не мог понять, чего хотят эти люди. Затем одна байдарка подошла к пакетботу еще ближе. Находившемуся в ней человеку дали подарки: кусок материи, два зеркала и другие предметы. Все это он охотно принял, а взамен бросил на корабль две палки. К одной палке были привязаны птичьи перья, к другой — птичья нога и перья. Затем он знаками и возгласами стал усиленно приглашать русских к себе на берег¹.

Капитан-командор приказал Вакселью отправиться на берег. Ваксель и адъютант Стеллер, захватив с собой девять матросов, отправились на ланг-боте к берегу. Но из-за сильного волнения подойти к острову было невозможно, ибо «берег его на всем протяжении был усеян таким количеством больших и острых камней, что нам никак не удавалось высадиться без риска разбить в щепки нашу лодку», — писал Ваксель. Якорь бросили на расстоянии двадцати сажен от берега и стали подтягиваться к нему между камней.

Увидев на берегу девять островитян, русские моряки стали звать их к себе, показывая при этом всевозможные подарки. Ваксель отправил на берег двоих русских и одного чукчу-переводчика.

Вскоре на байдарке к ланг-боту подъехал старейшина. Ваксель предложил ему чарку вина. Тот охотно принял ее, но при первом глотке «выплюнул обратно с ужасным криком... Я хотел подарить ему кое-какие мелочи, вроде швейных иголок, стеклянных бус, небольшого чугунного котла, курительных трубок, но он не пожелал ничего от меня принять и ушел обратно на берег».

В течение часа Ваксель приглашал островитян к себе на ланг-бот, но никто не шел. Спускались сумерки. Оста-

---

¹ ЦГАВМФ, ф. Гидрографии, д. 98, л. 25/об.

ваться близ острова было небезопасно, поэтому Ваксель приказал посланным возвращаться на судно. Русские немедленно вернулись, а чукчу «американцы» задержали. «По тому можно видеть, что оне его признали от народа нашего отменного, а себе подобного, ибо он был камчатской природы», — отмечает в своем журнале Сафрон Хитров¹.

Чтобы освободить чукчу, Ваксель приказал произвести два холостых выстрела из мушкетов, «и как выполнено было, тогда все они упали на землю». Это говорит о том, что местные жители не знали огнестрельного оружия.

Воспользовавшись растерянностью островитян, чукча возвратился на ланг-бот.

За короткое время пребывания на берегу два русских матроса, оставшиеся безымянными, сделали очень ценные наблюдения. Они сообщили, что видели девять байдарок из тюленьих шкур: в средней части байдарки имелось возвышение для сиденья. Моряки обратили внимание на то, что кругом байдарки была приделана тюленья шкура в виде мешка, которая при помощи длинного ремня укреплялась вокруг тела. Благодаря такому приспособлению ни одна капля воды не могла попасть внутрь байдарки.

К плаванию по морю на таких байдарках местные жители приучались с детства и умели с таким искусством сохранять равновесие, что даже при довольно сильном ветре в состоянии были перебираться с одного острова на другой.

Оказалось, что стрел и лука островитяне не знают. Верхняя одежда их была сделана из китовых кишок, штаны — из тюленьих шкур, а шапки — из шкур морских львов. Шапки были украшены перьями. Лица большинства островитян были окрашены в красный цвет, у некоторых — в синий, в носах была трава. Русские моряки отмечали, что ростом они довольно высоки и хорошо сложены.

Так прошла первая встреча русских с жителями одного из Шумагинских островов.

6 сентября утром со «Св. Петра» заметили семь байдарок, две из них подошли к самому борту корабля. В знак дружбы островитяне привезли русским две шапки и палку в пять футов длины, на конце которой были прикреплены

---

¹ Свен Ваксель, Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга, стр. 164.

перья различных птиц. Моряки также сделали своим новым знакомым подарки. После этого гости отправились обратно. Выйдя на берег, они стали что-то кричать.

Такой же крик подняли они, когда пакетбот поставил паруса и стал уходить. Повидимому, они хотели пожелать нашим морякам счастливого плавания.

С 6 сентября по 5 ноября дули преимущественно встречные западные ветры, лишь иногда ветер заходил с восточных румбов; все это значительно затрудняло плавание «Св. Петра».

В течение всего этого времени стояла облачная погода с постоянными туманами. По две-три недели не видно было ни солнца, ни звезд. При тогдашних навигационных средствах моряки были совершенно лишены возможности определять свое местонахождение.

Моряки должны были плыть «в неизведанном, никем не описанном океане, точно слепые, не знающие, слишком ли быстро или слишком медленно они передвигаются и где вообще находятся»... Плавание по неизведанным водам было в то время сопряжено с большими опасностями, требовало исключительного напряжения со стороны всего экипажа небольшого корабля. Целыми сутками люди не получали отдыха. Положение осложнялось еще и тем, что итти пришлось против встречных ветров.

25 сентября взорам мореплавателей представилась земля с высокими горами; вблизи земли было множество мелких островов. Вдали виднелась очень высокая гора, которую нанесли на карту и назвали горой Св. Иоанна. Отсюда был взят курс на северо-восток.

От шторма и сырости многие болели, моряки до такой степени были обессилены цынгой, что большинство не могло шевельнуть ни рукой, ни ногой и тем более не в состоянии было работать.

Из-за недостатка продуктов пришлось сократить нормы питания. Почти ежедневно кто-нибудь умирал.

Дул западный ветер, и «Св. Петр» лег в дрейф. 12 октября было определено, что корабль находится на 48°12' с. ш. К этому времени ветер стал стихать, и решено было повернуть на запад. Вскоре заметили три небольших острова, которые также обозначили на карте и назвали островами Св. Маркиана, Св. Стефана и Св. Авраама.

В дальнейшем плавание становилось более тяжелым. Управлять парусами было почти некому. Паруса и снасти

износились, а заменить их было нечем. Капитан-командор давно уже не поднимался с койки и никакого участия в управлении кораблем не принимал. Была потеряна всякая ориентировка.

Лейтенант Ваксель оставил яркое описание положения на корабле. «Матросов, которые должны были держать вахту у штурвала, приводили туда другие больные товарищи, из числа тех, которые были способны еще немного двигаться. Матросы усаживались на скамейку около штурвала, где им приходилось в меру своих сил нести рулевую вахту. Когда же вахтенный оказывался уже не в состоянии сидеть, то другому матросу, находившемуся в таком же состоянии, приходилось сменять его у штурвала».

Вспомним, что все это происходило в осеннее время. Дули сильные ветры, постоянно шли дожди, выпадал снег, град. Самое же ужасное заключалось в том, что никто не знал, где находится корабль. Это сознание неизвестности действовало на моряков угнетающе. В любую минуту корабль мог быть выброшен на берег, и все ждали последнего, губительного удара. «Мы испытывали самые ужасные бедствия... наш корабль плыл, как кусок мертвого дерева, почти без всякого управления, и шел по воле волн и ветра, куда им только вздумалось его погнать», — писал Ваксель.

Несмотря на полную безнадежность положения, люди напрягали последние силы, делали все, чтобы спасти себя и своих товарищей. Неожиданно 4 ноября моряки заметили землю — высокие, покрытые снегом горы. Не имея возможности определить по солнцу ни широту, ни долготу своего местонахождения, моряки приняли эту землю за Камчатку.

«Невозможно описать, — пишет Стеллер, — как велика была радость всех нас, когда мы увидели берег, умирающие выползали наверх, чтобы увидеть его собственными глазами... Даже больной капитан вышел наверх. Все осведомлялись о здоровье друг у друга, все надеялись найти отдых и успокоение, нашли даже спрятанный где-то бочонок с водкой, которым еще более усилили радость. Открывшаяся земля казалась Камчаткой. Моряки хвалились в своем неведении: будь хоть тысяча мореплавателей, никто не пришел бы вернее к цели.

Уже нетерпеливые взоры различают характерные очертания Авачинской губы, называют отдельные горы,

мысы. Скорее, скорее на берег, но чем ближе к берегу подходит корабль, подгоняемый засвежившим ветром, тем более растет недоумение. Пустынный, безлесный берег совершенно не похож на Авачу и ее окрестности».

5 ноября Беринг, совершенно ослабевший от цынги, созвал совет, на который были приглашены Ваксель, унтер-офицеры и матросы. Обсуждался вопрос — что делать дальше?

Команда находилась в тяжелом состоянии, из всего экипажа с большим трудом могли ходить только три человека. Сильно ощущался недостаток провианта и пресной воды. Продолжать дальнейшее плавание в таких условиях было невозможно.

Участники совета единодушно решили «за невозможностью управления судна работными людьми, понеже служителей весьма много больных от цинготной болезни, недвижимых с мест, а некоторые хотя в числе здоровых, токмо отехчены той же болезнью, с трудом великим на вахту выходят, и верхние работы некому исполнять. К тому же многие снасти подорваны и воды пресной малое число, с которым отлучатца от берегу весьма опасны; и на оное согласно положили не отступя благополучного ветра, следовать к видимому берегу, чтобы спасти судно и служителей, а по силе упоминаемого взяли курс NtW к видимому берегу с 9 часа с полунощи».

Подведя корабль к берегу, моряки спустили на воду ланг-бот и начали перевозить на остров больных, преодолевая невероятные трудности. К 22 ноября высадка была закончена. Пакетбот был оставлен на якоре без людей, потому что караул держать было некому. Вскоре судно сорвало с якоря и выбросило на камни.

За время высадки на берег погибло еще несколько человек из наиболее тяжело больных. Беринг так сильно ослабел, что совершенно не мог двигаться без посторонней помощи. Он уже давно понял, что земля, на которую высадились моряки, — не Камчатка, но скрывал эту истину от своих подчиненных, которые все еще на что-то надеялись.

Как только моряки перебрались на берег, решено было обследовать землю. Для этой цели создали два отряда, один из которых направился на юг, другой — на север. Моряки нигде не встречали ни тропинок, ни остатков костров. Зато всюду попадалось очень много морских бобров

и песцов. Заметив человека, они спокойно продолжали лежать на побережье. Исходя из этих наблюдений, моряки пришли к убеждению, что земля необитаема и что она является островом. Чтобы удостовериться в этом окончательно, несколько человек отправилось в глубь острова. Пройдя две мили, они встретили на своем пути гору и, взобравшись на нее, на западе увидели открытое море. Всем стало ясно, что земля, у берегов которой «Св. Петр» сел на подводные камни, — остров. «Это известие подействовало на всех наших людей, словно удар грома. Мы ясно поняли, в какое беспомощное и тяжелое положение попали и что нам угрожает полная гибель»¹.

Моряков страшило то, что на острове, кроме тальника, нет деревьев. Следовательно, построить новое судно здесь не было возможности.

Вся земля была покрыта снегом, надвигалась пора сильных морозов. Не было жилья, а провианта и лекарств почти не имелось.

В таких ужасных условиях прежде всего необходимо было создать запасы продовольствия и построить жилье. Запасов муки оставалось ничтожно мало, с весны решено было включить в питание траву. Все получали одинаковый паек, независимо от звания и положения. Многие из состава экипажа тяжело болели. Нередко живым приходилось подолгу лежать рядом с трупами, так как ни у кого не было сил вынести покойников из землянки.

8 декабря скончался капитан-командор Беринг. За несколько часов до смерти Беринг приказал закопать себя по горло в землю, чтобы согреться, — так он и умер, уже почти похороненный.

Так закончил свой жизненный путь отважный мореплаватель капитан-командор Беринг. Умер он мужественно, до конца находя слова ободрения товарищам.

Оставшиеся в живых члены экипажа продолжали бороться за существование. Много терпели моряки из-за ветров. Быстро приходили в негодность палатки, сделанные из парусов. Приходилось зарываться в снег. Порой ветер достигал такой силы, что мог унести человека. «Однажды, — пишет Ваксель, — меня самого как-то раз перебросило ветром через крышу нашей землянки, которая

---

¹ Свен Ваксель, Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга, стр. 79.

была покрыта брезентом..., я ухватился изо всех сил за что-то и закричал во весь голос, призывая на помощь товарищей».

Огромные лишения перенесли моряки за время зимовки, однако, с наступлением весны положение не особенно улучшилось, так как все труднее становилось добывать пропитание. Морских бобров стало значительно меньше, они стали пугливее, охота за ними нередко оказывалась безуспешной.

Поэтому пришлось перейти на питание морскими котами, которые большими стадами выходили на берег. Мясо их очень жесткое и жилистое и обладает неприятным запахом, но иного выхода не было. В течение двух месяцев питались морскими котами, но в мае и они исчезли; тогда стали охотиться на тюленей. Однажды на берег выбросило тушу кита, таким образом значительно пополнились запасы продовольствия.

Во время скитаний на острове удалось убить несколько морских коров (этот вид морского млекопитающего ныне уже исчез). Хорошее описание этого морского животного дал Стеллер. Между прочим, он отмечал, что мясо морских коров приятно на вкус и обладает целебным свойством: от постоянного питания мясом других зверей моряки страдали «тяжестью в желудке», а употребление мяса морских коров принесло им большое облегчение.

Наступила весна. Зазеленели лужайки, небольшие долинки. Моряки стали собирать травы; из некоторых варили чай, другие употребляли в пищу. Начав есть зелень, все стали чувствовать себя лучше. Стеллер вел большую научно-исследовательскую работу. Он составил каталог растений острова. Этот каталог содержит 218 различных видов растений. Последующие исследования подтвердили правильность наблюдений Стеллера. Это говорит о том, что мужественный ученый, который имел совсем слабую надежду когда-либо вернуться домой, очень добросовестно относился к выполнению своего научного задания. Он дал красочное описание животного мира острова. Вот характерный пример из его записок:

«Из четвероногих сухопутных животных на острове Беринг водится только каменная или полярная лисица (песец). Эта порода занесена туда, несомненно, пловучими льдами и, питаясь выбрасываемыми морем животными, вероятно размножилась. Я имел случай во время нашего

злосчастливого пребывания на острове более чем точно изучить повадки этого животного, по дерзости, хитрости и ловкости далеко оставляющего за собой обыкновенную лисицу. Рассказ об их бесчисленных проделках вполне мог соперничать с историей Альберта Юлиуса об обезьянах на острове Саксенбурга. Они пробирались днем и ночью в наши жилища и тащили все, что только способны были унести, даже предметы, явно для них бесполезные, как ножи, палки, мешки, сапоги, чулки, шапки и т. п. Они с таким неподражаемым искусством умели сбрасывать с наших провиантских бочек груз в несколько пудов, чтобы достать из них мясо, что вначале мы не решались приписывать им эти подвиги. Часто случалось, что, снимая шкуру с убитого животного, мы попутно закалывали ножом двух-трех других, которые пытались вырвать у нас из рук мясо. Если мы закапывали что-нибудь, хотя бы очень глубоко, и наваливали сверху тяжелые камни, то они не только находили зарытое, но, как люди, сдвигали плечами наваленные камни и, ложась под ними, помогали друг другу изо всех сил. Если мы клали что-нибудь на высокий столб, то они подрывали столб так, чтобы он опрокинулся, или же один из песцов, как обезьяна или кошка, взбирался на верх и с невероятной ловкостью и хитростью сбрасывал спрятанный предмет. Они наблюдали за всеми нашими действиями и сопровождали нас повсюду, куда бы мы ни отправились. Выброшенных морем животных они пожирали раньше, чем мог подрасти кто-нибудь из людей, и этим наносили нам большой ущерб; то, чего они не могли съесть на месте, они утаскивали кусками в горы и прятали от нас, зарывая между камнями; так они сновали вперед и назад, пока еще оставалось что тащить. Другие песцы в течение этого времени стояли на страже и караулили, не приближается ли человек. Увидав издалека, что идет кто-нибудь из людей, они соединялись все вместе толпой и совместными усилиями зарывали добычу в песок, и умели так искусно упрятать целого морского бобра, что невозможно было найти даже следов зарытого зверя. В ночное время, если нам случалось ночевать под открытым небом, они стаскивали у нас с головы шапки, а из-под нас вытаскивали бобровые одеяла и шкуры. Если мы ложились спать на туши убитых морских бобров, желая охранить их от покушения песцов, они из-под спящего человека выгрызали у животных куски мяса и внутрен-

ности. Мы спали всегда с дубинками в руках, чтобы, проснувшись от их возни, отгонять и бить их.

Где бы мы ни сели в дороге, они ждали нас и в нашем присутствии проделывали тысячи разных проказ, становились все нахальнее, и если мы оставались сидеть неподвижно, подходили вплотную и принимались грызть ремни наших новомодных самодельных сапог или же грызли даже сами сапоги. Если мы ложились и притворялись спящими, они обнюхивали наши носы, чтобы определить, живы ли мы или мертвы, и если мы задерживали при этом дыхание, то они начинали дергать нас за нос, пытаясь укусить. В день нашего прибытия они успели, за то время, что копались могилы, объесть нашим покойникам носы и пальцы рук и ног, попытались даже напасть на наших слабых и больных, так что еле удалось их отогнать. Каждое утро эти нахальные животные обходили стада лежащих на берегу сивучей и морских котов, обнюхивая спящих, не найдется ли среди них мертвого зверя. Найдя такого, они немедленно разрывали его на куски, и вся стая принималась таскать мясо. Так как, в частности, сивучи нередко дают во сне своих детенышей, то песцы, как будто зная это, каждое утро проверяют стада сивучей, одно животное за другим, а найдя мертвых детенышей, немедленно утаскивают их прочь»¹.

Многие животные, обитавшие на острове, встречались морякам впервые, и они с любопытством наблюдали за их повадками. Особенно привлекал внимание моряков морской бобр.

Морской бобр очень красивое животное. Его мех, напоминающий мех соболя, имеет серебристый блеск. Вес бобра достигает 100 фунтов. Он имеет два плавника и большую часть времени проводит в воде, но потомство свое выводит на суше. Самка очень привязана к своему детенышу и никогда не покидает его. Во время зимних штормов бобры выходят на берег. В это время обычно на них и охотятся. «Это грациозное и привлекательное животное, — пишет Стеллер, — повадки его очень забавны и занятны, и притом это очень ласковое и привязчивое животное. Обычно они лежат на берегу семьями; самец со своей самкой, полувзрослыми животными — кошлоками — и

---

¹ Цит. по книге Свена Вакселя «Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга», стр. 171—172.

совсем еще маленькими сосунками — медведками. Самец ласкает самку, гладит ее передними лапами, как руками, ложится на нее, а она многократно как бы в шутку с показной стыдливостью отталкивает его и забавляется со своими малышами, как самая нежная мать. Любовь их к потомству так велика, что они ради его готовы подвергнуться явной смертельной опасности; лишившись детенышей, они плачут во весь голос, точно маленькие дети, и убиваются до такой степени, что в течение десяти-четырнадцати дней, как мы наблюдали на ряде случаев, становятся худыми, как скелеты, болеют и слабеют и не желают уходить с берега в море. Во время бегства они держат сосунков зубами, а больших детенышей гонят впереди себя. Если им удастся убежать от преследователей, то, достигнув моря, они начинают насмехаться над ними так, что невозможно видеть их ужимки, не испытывая величайшего удовольствия. Они то поднимаются в воде, становясь вертикально, как человек, и танцуют на волнах, а иной раз подносят передние лапы ко лбу и держат перед глазами, как бы всматриваясь в кого-то против солнца, то бросаются на спину и чешут себе передними лапами брюхо, наподобие обезьян, затем кидают детенышей в воду и снова их ловят и так далее»¹.

Не меньший интерес вызывал у моряков также морской кот. По своим размерам это млекопитающее в несколько раз больше морского бобра. Встречаются коты весом до 20 пудов. Вес самки: несколько меньше. Они имеют жесткие волосы-усы и по два плавника, мех котов серого цвета. Каждая самка приносит одновременно не более двух детенышей.

Замечательное зрелище представляет морской лев-сивуч. Встречаются львы очень крупных размеров, весом до 40 пудов. На берег они выходят редко. Преимущественно они обитают на подводных камнях. мех льва имеет желтоватый цвет. Мясо его пригодно к употреблению в пищу.

С наступлением весны встал вопрос о том, что делать дальше. Снять с мели и отремонтировать корабль было очень трудно, почти невозможно. Однако матрос Д. Овцын, отличавшийся исключительной смелостью и инициа-

---

¹ Цит. по книге Свена Вакселя «Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга», стр. 170.

тивой, высказал твердое убеждение, что пакетбот можно поднять и подготовить к плаванию. Свое предложение Овцын обоснованно изложил в специальной докладной записке Вакселю. В этом документе, где подробно говорится о способах спасения корабля, особенно ярко выявляются характерные черты русского человека, который в самые трудные минуты жизни прежде всего думает о том, чтобы не нанести материального ущерба своей стране. Под давлением Вакселя предложение Овцына было отвергнуто, но Овцын, уверенный в справедливости своих предложений, так и не подписал решения, принятого совещанием офицеров.

Некоторые предлагали послать на Камчатку шлюпку и ждать оттуда помощи. Однако это было слишком рискованно, ввиду чего было решено разобрать пакетбот и сделать новое небольшое судно. В апреле приступили к разборке и снятию такелажа. К концу месяца эта работа в основном была завершена. Наступил момент закладки нового судна, но здесь встретилась неожиданная трудность. Оказалось, что среди экипажа не осталось в живых ни одного плотника. При выходе в плавание на борту корабля было три плотника, но все они умерли. Трудность казалась непреодолимой.

Но беде помог сибирский казак, уроженец г. Красноярска Савва Стародубцев, который участвовал в постройке обоих пакетботов в Охотске в качестве простого рабочего. Стародубцев заявил, что он, если ему будут указаны необходимые пропорции, может построить судно такой крепости, что на нем можно будет совершенно безопасно выйти в море.

В один из майских дней 1742 года состоялась закладка гукора — небольшого судна. Вечером по этому случаю командир пригласил всех членов экспедиции к себе на обед. Каждый пришел со своей ложкой и плоской. Угощение состояло из китового жира и ржаных лепешек.

На следующий день моряки дружно принялись за работу. Для постройки было отобрано человек 20 из наиболее крепких. Остальные охотились на морских зверей.

Работа сравнительно быстро подвигалась к концу. Длина гукора, названного также «Св. Петр», равнялась по килю 40 футам, по ширине 13 футам, по высоте 6 футов. Киль был сделан из гротмачты пакетбота. В кормо-

вой части судна соорудили каюту для командира и трех офицеров. В носовой части находился камбуз.

10 августа состоялся торжественный спуск корабля на воду.

Отмечая очень большие заслуги сметливого казака Стародубцева в постройке судна, Ваксель впоследствии писал: «Должен заявить так же, по справедливости, что этот человек оказал мне большие услуги, и едва ли удалось бы мне справиться с делом без его помощи».

По представлению Вакселя Стародубцев был награжден Енисейской канцелярией званием сына боярского, т. е. произведен в сибирское дворянство.

13 августа негостеприимный остров был покинут.

14 августа моряки заметили южную оконечность острова Беринга, которой дали название мыса Манати (морской коровы); 27 августа гукор «Св. Петр» бросил якорь в Петропавловской гавани.

ПЕРВОЕ ПЛАВАНИЕ А. И. ЧИРИКОВА

Разлучившись с Берингом, Чириков направился сначала на восток, а потом на восток-северо-восток.

С 4 июля 1741 года¹ наступили маловетренные, но очень туманные дни; земля скрылась из виду. 7 июля мореплаватели заметили «в море много цветов плавающих, видом в воде зеленые и желтоватые». У мореплавателей появилась надежда, что земля близка и что они у цели. Чтобы определить глубину, стали бросать лот, но и «ста саженьями земли не достали. Цветы осмотрели, что оные не травяные токмо згустившая вода наподобие киселя, каких обычайно много выбрасывает на морские берега»².

В последующие дни моряки проводили астрономические определения своего местонахождения и все время бросали лот, но достать дна не могли. Наконец, признаки, указывающие на близость земли, исчезли. Однако экипаж пакетбота «Св. Павел» не терял надежды на то, что плавание увенчается успехом. Еще чаще стали бросать лот, но попрежнему безрезультатно. В шканечном журнале за ряд дней была сделана запись, в ней говорилось:

---

¹ Даты плавания даны по ст. ст. гражданского календаря.

² Архив Академии наук СССР, ф. 21, оп. 5, д. 58, л. 159/об.; Д. М. Лебедев, Плавание А. И. Чирикова, стр. 193.

«бросали лот и ста саженьями земли не достали». Погода продолжала оставаться безветренной, но облачной. В журнале Чирикова за 12 июля имеется такая запись: «В настоящие сутки погода была облачна, временем солнце сияло, а другим временем с перемежкой немало дождь шел и туманно было». В этот день моряки заметили утку. Теперь уже никто не сомневался, что земля находится в непосредственной близости. Матросы удвоили усилия, они работали с изумительной ловкостью и проворством. Кругом кипела работа. Каждый моряк корабля стремился увидеть землю, у берегов которой еще не бывал ни один из западноевропейских мореплавателей. Они напрягали все усилия к тому, чтобы поскорее увидеть «белое пятно» — неизвестную землю.

14 июля ветер вновь разбушевался, большая волна стала заливать палубу. Погода все ухудшалась. Ветер крепчал. Около девяти часов «взяли у марселей по два рифа и гротсейль закрепили». Через три часа моряки обратили внимание на изменение цвета воды. На водной поверхности были замечены длинные и широкие белые дорожки. Изменение цвета воды Чириков объяснил наличием в воде большого количества мелкой рыбы, что также указывало на близость берега. В этот день Чириков приказал вести систематическое определение глубины и принять ряд мер предосторожности, так как в темное время суток при густом тумане можно было легко наскочить на берег, что грозило кораблю и людям гибелью.

О распорядительности командира и его помощников свидетельствуют записи Чирикова в корабельном журнале. «Вначале часа увидели круг судна отменную воду, широкими и долгими полосами, цветом очень белую, и таких полос видели три, чего ради дрейфовали и метали трижды лот, токмо земли ста саженьями не достали. А как дрейфовали, то с первой полосы, которая была длиной с полверсты и шириной с двести сажен, с оной сдрейфовало, потом нанесло на другие полосы, которые были меньше». Далее Чириков объясняет, почему вода изменила цвет: «а признаваем, что оные отменны воды от идущей вместе собравшейся мелкой рыбы». Однако не имея возможности доказать это предположение, Алексей Ильич счел своим долгом указать, что оно могло быть и ошибочным. Свое сомнение он сформулировал такими словами: «а подлинно отчево такая отменная вода была — знать не-

можно». Наблюдения Чириков производил, разумеется, не прекращая плавания.

Плавание ночью, в тумане, было сопряжено с большими опасностями — корабль мог неожиданно наскочить на мель, потерпеть крушение. Измерив глубину и убедившись, что глубины здесь достаточно большие, Чириков приказал идти прежним курсом. Алексей Ильич распорядился приготовить якорь к отдаче.

По мере продвижения вперед мореплаватели видели все больше птиц — посланцев земли. «С полуночи от третьего часу явилось летающих довольно береговых уток и чаек. Также видели китов и морских свинок, да три небольшие древа носящих старых. Видели отменную воду»¹.

На рассвете 16 июля открылась земля. Чувство волнения охватило отважных моряков. Об этом знаменательном дне в журнале Чирикова сделана следующая запись: «В 2 часа пополудни впереди себя увидели землю, на которой горы высокие, а тогда еще не очень было светло, того ради легли на дрейф; в 3-м часу стало быть землю свободнее видеть».

Оказалось, что это был остров, расположенный западнее острова принца Уэльского, у южного побережья Большой Земли, т. е. Аляски. В настоящее время название острова — Бейкер (55°20' с. ш.). Побережье было изрезано множеством бухт и заливов.

Теперь уже Чириков был уверен, что достиг Америки. «Признаваем без сомнения, что она часть Америки, по-неже по картам изданиям норимбергского географа Иоанна Баптиста Гоммана (составлена в 1712 г. — В. Д.) и по прочим от сего места отстоят уже не очень далече известные некоторые американские места», — писал Чириков. И он приказал «положить на карту, плавания и описи нашей сделанную, к предложению при сем государственной Адмиралтейств-коллегии с карты помянутого географа Гоммана, также и с карты астрономии профессора Делиль де ла Кройера некоторые американские места, а именно: северный край Калифорнии, устья реки Мозамблека, да часть внутреннего восточного берега Годзунского»².

¹ Архив Академии наук СССР, ф. 21, оп. 5, д. 58, л. 167; Д. М. Лебедев, Плавание А. И. Чирикова, стр. 207.

² Экспедиция Беринга, стр. 274—275.

Когда бушевавший шторм прекратился, пакетбот направился к берегу. Приблизившись к нему километра на три, Чириков приказал измерить глубину, чтобы найти якорную стоянку, но подходящего места не оказалось, «по-неже везде глубина воды была близ 70 сажен и больше.

Морепоплаватели с интересом рассматривали землю. Это была страна высоких гор, вершины которых покрывали вечные снега. У подножья гор «виден был лес великого роста».

Чтобы более детально ознакомиться с Америкой, нужно было во что бы то ни стало найти бухту.

Заметив какой-то залив, Чириков послал боцманмата Григория Трубицына на шлюпке с 8 матросами осмотреть залив и выяснить, можно ли туда войти пакетботу и стать на якорь¹. Трубицыну также поручалось определить, «какая защита во оной может быть от ветров и притом ему приказано, что б слушал пушки и осмотрел флакшоу на пакетботе, и ежели оное учинено будет, то б возвратился к судну»².

Трубицын, подойдя к берегу на 60 сажен, при помощи лота несколько раз измерил глубину; она равнялась 40 саженям. Он сообщил, что бухта прикрыта с востока и севера, но от южных и западных ветров не защищена. Поэтому Трубицын в своем письменном рапорте высказал мнение, что этот залив непригоден для якорной стоянки. Трубицын сообщил также, что он видел на берегу много морских зверей — сивучей, «на горах-де растет великой лес ельник, пихтовник и сосняк, а жилья-де людского не видел».

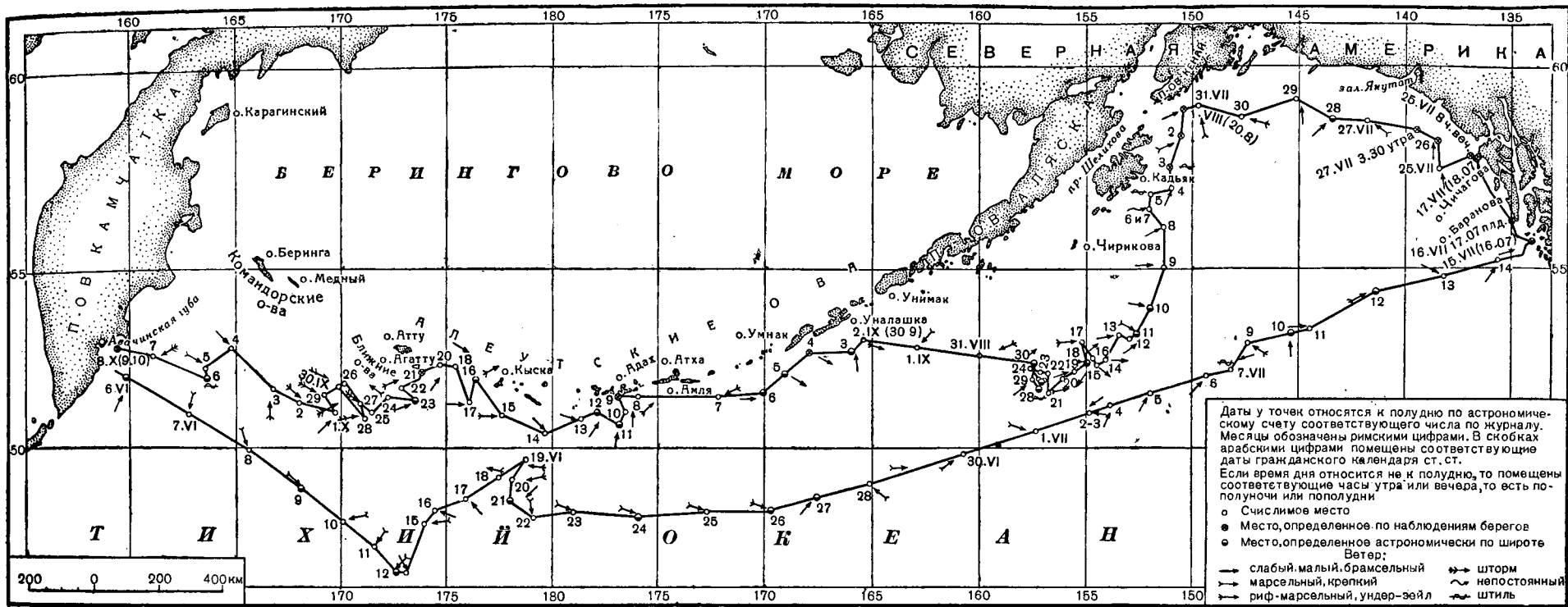
Убедившись в невозможности найти удобную якорную стоянку, Чириков приказал взять ланг-бот на буксир. Затем, подняв паруса, «Св. Павел» стал отходить от берега, чтобы в ночное время не наскочить на камни. Над пакетботом кружило множество чаек и уток. Чириков подметил, что подобные птицы водятся на Камчатке, где их называют юрики и ару. Морепоплаватели видели также морских зверей: китов, сивучей и моржей.

В ночь на 17 июля погода резко ухудшилась, стало пасмурно, полил сильный дождь. Продолжая движение на север, моряки открыли три небольших острова, расположенных друг от друга в непосредственной близости. Ту-

¹ Экспедиция Беринга, стр. 275.

² Архив Академии наук СССР, ф. 21, оп. 5, д. 58, л. 168, об. Д. М. Лебедев, Плавание А. И. Чирикова, стр. 210.

ман, нависший над морем, иногда совершенно скрывал землю от взоров мореплавателей. Приходилось идти только по счислению, чтобы не сбиться с пути.

18 июля плавание продолжалось при свежей погоде. Корабль все время лавировал. Вот характерная для этого дня запись:

«11 ч. ветер марселевый со шквалами и дождь.

12 ч. ветер риф-марселевый со шквалом».

Все это время, в течение двух суток, корабль шел вдоль американского берега. В шканечном журнале пакетбота «Св. Павел» за 17 июля сделана следующая запись: «От первого до 9 часу с полудни шли в параллель берега, имея оный в восточной стороне... на земле везде горы и изредка снег по горам, на тех же горах виден был и лес. В восемь часов пополудни ввиду нашем окончался берег N $\frac{3}{4}$ O, расстоянием восемь минут, и в том месте земля показалась низкая и имеющая шхеры, а высокие горы от ней несколько удалены». Земля эта теперь зовется островом Неккер, который расположен при входе в пролив Ситка.

Поднявшись до 58° с. ш., моряки отметили, что снега на горах стало значительно больше.

Чириков предполагал, что он входит в область более холодного климата: «и я опасаясь, чтоб, не учиня надлежащего о земли разведывания, не пройтить теплой климаты, в какой чаятельно всему лутчему находиться, нежели в местах холодных». Чириков решил послать «Дементьева с десятью человеки служителей вооруженных на берег».

Все офицеры «Св. Павла», с которыми Чириков всегда держал совет, согласились с решением своего начальника. Они не только глубоко уважали его, но безгранично верили ему, и каждый охотно брался за любое, самое трудное дело, сопряженное нередко с огромными опасностями. Это поручение взялся бы выполнить любой, но Чириков не случайно остановил свой выбор именно на Дементьеве, так как последний был известен своей хорошей теоретической подготовкой, находчивостью, наблюдательностью, исключительной отвагой и выносливостью. В самые опасные моменты плавания Дементьев сохранял полное хладнокровие, и все его действия отличались спокойствием и обдуманностью.

Перед отправлением Дементьева с 10 матросами на ланг-боте Чириков дал ему подробную инструкцию.

Дементьеву поручалось найти место, «где б ботом можно пристать». Если же ему посчастливилось бы найти бухту, пригодную для якорной стоянки бота, он должен был измерить лотом ее глубину, определить пути входа в нее и нанести свои наблюдения на карту.

О возвращении следовало оповестить двумя выстрелами из пушки. Пристав к берегу, Дементьев должен был узнать, кто живет на неизвестной земле, кому она принадлежит, численность ее населения и образ правления. При встрече с обитателями неведомой земли рекомендовалось относиться к ним дружелюбно: «ежели жителей увидите, то являть к ним приятность и дарить подарками небольшими». Для этого Дементьеву были даны один медный котел, один железный, двести корольков (бисера), куски китайской материи, иголки и т. д. «Да от меня поручается вам десять рублевиков, которые, лаская здешним народам, по рассуждению вашему, давать»¹, — напутствовал Чириков.

В другом месте инструкции Чириков еще раз обращает внимание Дементьева на необходимость не допускать действий, которые могли бы произвести неблагоприятное впечатление о русских на местных жителей: «ежели жители будут обращаться неприятельски, то от них оборонятся и, как возможно скорее, на судно возвращаться, а самому никакого озлобления им не делать и слугителей до того не допускать».

Но этим не ограничились задачи, поставленные перед Дементьевым. Чириков стремился собрать как можно больше сведений о земле, открытой им, его интересовала фауна, флора, ископаемые богатства. Поэтому Дементьеву было поручено узнать, какие травы растут на берегу, нет ли драгоценных камней и «земли, в которой можно чаять быть богатой руде». Все задание Дементьев должен был выполнить в течение суток. По высадке на берег ему следовало «раскласть большой огонь» так, чтобы его можно было заметить с пакетбота.

Дементьев не вернулся к условленному сроку. Прошел день, другой, третий, а его все не было. Чувство тревоги овладело каждым. Моряки строили всевозможные предположения о судьбе своих товарищей. Одни предполагали, что ланг-бот перевернулся и находившиеся в нем люди

---

¹ Экспедиция Беринга, стр. 276.

утонули; другие высказывали мысль, что Дементьев и его команда погибли от руки жителей неизвестной земли.

В течение пяти суток «Св. Павел» держался под парусами вблизи залива, куда направилась шлюпка. День и ночь велось наблюдение за горизонтом в ожидании условного сигнала — зажженного костра на берегу. Но напрасно. Тревога все росла.

На шестой день начался проливной дождь, поднялся сильный ветер. Пакетбот бросало из стороны в сторону. Но горсточка моряков, заброшенная на край света, не сдавалась. Ветром «Св. Павел» был отнесен на значительное расстояние от залива. Из-за тумана вести дальнейшие наблюдения оказалось невозможным.

23 июля наступил штиль. «Св. Павел» приблизился к тому месту, где он находился шесть дней назад. И вот, ровно через семь дней там, где, как предполагалось, высадился Дементьев, мореплаватели заметили огонь. Этот огонь вселил в них надежду, что с посланными все благополучно. «Увидели на берегу огонь, в котором чаели, что одной содержат посланные от нас служители, ибо сколько подле земли ни шли, нигде на берегу огня, строения и при берегу судов и протчих признаков к жилу никаких не видали, почему не очень чаели, чтоб были жители на оном месте»¹.

Был ясный солнечный день, «ветер самой малой, и воздух от тумана прочистился, и приметные места берега низменного и гор, куды послан бот, очень открылись, а огонь горел у самой той губы, куда послан от нас бот, и мы чая, что всеконечно одной содержат служители, посланные от нас», согласно приказу «палили из пушек чрез несколько время семь раз. Только бот не вышел, а погода к гребу очень была способна»².

В ответ на пушечные выстрелы огонь на берегу разгорелся ярче, но никаких других ответных сигналов не последовало. Тогда Чириков приказал на кормовом флагштоке поднять фонарь «с огнем что б, ежели пойдет наше судно с берегу, то могли б нас видеть».

Через несколько часов, к большому огорчению всех моряков пакетбота, огонь на берегу погас.

---

¹ Экспедиция Беринга, стр. 277.

² Архив Академии наук СССР, ф. 21, оп. 5, д. 58, л. 176.

В течение нескольких часов пакетбот лавировал около того места, куда был послан ланг-бот, «только ночью для опасения от берега поудалились». На рассвете следующего дня засвежело, пакетбот направился к берегу, к тому месту, где раньше был виден огонь и откуда теперь выгребали две лодки. Пройдя некоторое время вдоль берега, пакетбот не заметил условленных сигналов, туземные лодки также скрылись из виду; «токмо в том месте, где прежде был огонь, видно мало дыма», — записал в журнале Алексей Ильич.

24 июля Чириков собрал обер- и унтер-офицеров на совет. После долгих обсуждений все пришли к заключению, что ланг-бот поврежден и потому Дементьев, несмотря на благоприятную погоду, не выходит в море; «того ради согласились все... и подписку учинили, чтоб послать на малой лодке для починки бота плотника да конопатчика с принадлежащими к починке вещами, а для свозу оных возимел самовольно желание боцман Сидор Савельев да вприбавок для гребли дан в помощь матрос Фадеев, который также сам на берег похотел ехать»¹.

Чириков дал боцману письменное указание: «прибыв на берег, учинить огнем сигнал о своем прибытии, в каком состоянии найдет бот со служителями, что определено ему показать разными огнями и чтоб он, оставя плотника и конопатчика для починки бота, сам, ничего не мешкая, взяв с собой флочкого мастера и служителей сколько можно, возвратился на пакетбот, чего ради мы весьма близко подходим к берегу, где уже от берегу великое волнение, из которого мы с трудом выходили, понеже паруса от волнения мало действовали»².

Ко времени отправления матросов на остров была тихая погода. Лодку спустили на воду, Савельев со своими людьми, отвалив от судна, направился к берегу. «Св. Павел» следовал некоторое время за ними. Все внимательно следили за постепенно удалявшейся лодкой. Около шести часов вечера она приблизилась к берегу. Однако боцман, как пишет Чириков, «определенных от меня сигналов не чинил и в чаятельное время к нам не возвратился». С большим нетерпением мореплаватели ждали условного сигнала. Но все ожидания оказались тщетными. Тогда па-

¹ Экспедиция Беринга, стр. 277.

² Д. М. Лебедев, Плавание А. И. Чирикова, стр. 228.

кетбот направился к берегу. Чириков рассчитывал, что вблизи берега он найдет место для якорной стоянки. Приблизившись к берегу на милю, командир приказал бросить лот. Глубина была 65 сажен «и грунт почти везде плитник, и оказались во многих местах сверх воды и подводные камни»¹.

Дальше путь был закрыт. Стать на якорь из-за больших глубин и каменистого грунта также не представлялось возможным.

Определив свое местонахождение, мореплаватели легли в дрейф, искусно лавируя в опасном месте. Каждую минуту судно течением могло быть отнесено на подводные камни и разбито. Приходилось поминутно рисковать жизнью. Но никто не падал духом. Невзирая на усталость от бессонных ночей, недоедания, каждый силился нести свои обязанности. С великим нетерпением ждали возвращения Дементьева, на которого Чириков возлагал большие надежды, как на одного из лучших и храбрейших своих офицеров.

25 июля стояла ясная штилевая погода. Во второй половине дня с корабля были замечены две лодки, идущие от губы, куда посланы были ланг-бот и лодка; одна из них была малая, другая побольше. Моряки надеялись, что это возвращаются их бот и лодка. «Св. Павел» пошел им навстречу. «А как одна малая лодка уже стала быть к нам близко, а погода была тихая, то я, — пишет Чириков, — подобрав паруса, приказал опять натягивать ванты». Но вскоре моряков вновь постигло разочарование. По мере того, как лодки приближались, становилось все яснее, что это не те лодки, которые были посланы с корабля. Конструкция лодок и характер гребли не оставляли в этом сомнения. Чириков в журнале отметил: «потом разсмотрели мы, что лодка гребущая — не наша, понеже она корпусом остра и гребля не распашная, а гребут веслами у бортов»². Морякам удалось разглядеть в малой лодке четырех человек, один из них сидел на корме, остальные работали веслами. Лица людей из-за большого расстояния рассмотреть было невозможно, удалось лишь различить красное платье на одном из гребцов.

Люди, находившиеся в лодке, поднялись и с криками

¹ Экспедиция Беринга, стр. 276.

² Архив Академии наук СССР, ф. 21, оп. 5, д. 58, лл. 177/об. — 178; Д. М. Лебедев, Плавание А. И. Чирикова, стр. 232.

«агай, агай» начали махать руками, затем они повернули к берегу.

Чириков хотел во что бы то ни стало узнать, что это за люди, и «тогда приказал махать белыми платками и кланяться, чтобы оне к нашему судну подъехали, что и чинено от многих служителей». Но неизвестные, не обращая ни на что внимания, уходили к берегу, «а гнатца за ними было не можно, понеже ветер был тих, а лотка оная гораздо скороходна». Вскоре обе лодки скрылись из виду.

Офицеры и матросы пакетбота пришли к заключению, что моряки, посланные к американскому берегу, были убиты или захвачены туземцами в плен.

Этот вывод основывался, в частности, на том предположении, что местные жители не осмелились подойти к русскому кораблю, так как чувствовали за собой вину. Запись, сделанная по этому поводу Чириковым в журнале, представляет значительный интерес.

После ухода лодок в залив, отмечал Алексей Ильич, «мы утвердились, что посланные от нас служители все-конечно в нещастии, понеже флотскому мастеру как от-правлен уже настали осмые сутки и было довольно времени способного к возврату и мы к тому месту ходили в самой близости токмо он не возвратился, а по отправлении боцмана мы от того места не отлучались и погода была все тихая и ежели б нещастие, какого им не случилось, тоб по настоящее время уже к нам возвратились и можно чаять потому, что американцы к нашему пакетботу не смели подъехать, что с посланными от нас людьми от них на берегу поступлено неприятельски, или их побили или задержали». В течение суток корабль еще дрейфовал в этом месте, «поджидая своих судов, токмо ночью для опасения от берега поудалились»¹.

Такого же мнения относительно судьбы посланных на берег людей придерживался и Ваксель. «Можно предполагать с полным основанием, — писал он, — что, когда они подошли к берегу, американцы, вероятно, спрятались, и что люди, прибывшие на лодках, не подозревая о грозящей им при высадке на берег опасности, разошлись в разные стороны за водой, за ягодами и плодами или по другим надобностям. Таким образом, они, надо полагать,

---

¹ Архив Академии наук СССР, ф. 21, оп. 5, д. 58, лл. 177/об.—178; Д. М. Лебедев, Плавание А. И. Чирикова, стр. 232—233.

были разобщены друг от друга, когда американцы, улучив, наконец, удобное время, появились вдруг между ними и лодкой, преградив обратный путь. Если бы около лодки осталось большинство людей или даже хотя бы шесть или семь человек, то, имея при себе столько оружия и пороха, они в течение долгого времени могли бы удерживать на расстоянии даже несколько сот диких американцев, которые, вероятно, не обладали огнестрельным оружием... в крайнем случае, они могли и отчалить от берега»¹. Это объяснение Вакселя вполне правдоподобно.

Трагическая судьба 15 русских моряков долго привлекала внимание ученых. Однако до сего времени общепризнанного мнения о постигшей их участи нет. Некоторые ученые высказывают предположение, что обе группы моряков попали в буруны или сулой, возникший в результате приливов и отливов, и погибли в морской пучине. Так, академик Л. С. Берг указывает, что «агай» означает у племени тлинкитов «иди сюда» и что это племя, впервые увидевшее европейцев, не могло относиться к ним враждебно; причем упускается тот факт, что испанские колонизаторы к рассматриваемому времени уже проявили себя как жестокие завоеватели, уничтожавшие местное население и вызывавшие озлобление со стороны жителей Калифорнии. Можно предположительно сказать, что о зверствах испанцев знали племена, жившие на севере Америки. Заявляя, что моряки утонули, Берг ссылается на случай, когда во время путешествия французского мореплавателя Лаперуза две лодки последнего погибли в водовороте. Без всякого основания Берг утверждает, что точка зрения Чирикова неправдоподобна².

Необоснованной также является точка зрения американца Гольдера, объяснявшего гибель матросов тем, что лодка и ланг-бот якобы попали в водоворот. Мало вероятно, что оба судна, на которых находились русские моряки, столько раз доказавшие свое мужество и умение бороться с трудностями, погибли таким образом, в то время как лодки туземцев свободно вышли из залива и вернулись обратно.

¹ Свен Ваксель, Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга, стр. 103.

² Л. С. Берг, Открытие Камчатки и экспедиции Беринга, М. — Л., 1946 г., стр. 281.

Скорее всего русские матросы были убиты или захвачены жителями открытой ими земли.

26 июля «Св. Павел» шел при попутном ветре на широте 58°21' вблизи берегов Большой Земли. В районе бухты Льтуа взорам мореплавателей предстал величественный хребет Св. Ильи. Он был покрыт глубокими снегами. С южной стороны этого хребта у самого берега высились огромные самых причудливых форм каменные пики, их высота достигала 6 тысяч метров.

Дальнейшее плавание «Св. Павла» было сопряжено с невероятными трудностями и опасностями. Запасы пресной воды были на исходе, каждую каплю приходилось беречь. В трюмах оставалось всего сорок пять бочек воды. Питались только кашей, которую варили раз в день. Пресную воду употребляли лишь для питья, «и то не удовольствием», — писал Чириков. Для пополнения запасов питьевой воды приходилось перегонять морскую воду или использовать дождевую, стекавшую с парусов.

Длительное недоедание подорвало здоровье большинства участников экспедиции. Почти все болели цынгой: «служители уже пришли в крайнюю болезнь, и многие лежали. И достальные через великую силу ходили». Чириков стремился продолжать плавание, но, трезво оценив свои возможности, вынужден был принять решение о возвращении в Петропавловск, чтобы спасти корабль, матросов и материалы, добытые столь дорогой ценой. Офицеры Чихачев, Плаутин, Елагин, приглашенные Чириковым на совет, единодушно поддержали своего начальника. О решении совета от 27 июля в журнале записано: «согласились подписку учинить, чтоб за неимением при пакетботе малых судов, чем бы можно было разведать американские берега, к тому ж достать себе в пропитание с берега пресной воды... держать курс прямо к своей гавани святых опостолов Петра и Павла». Это было единственным правильным решением; оно дало возможность сохранить для истории ценнейшие материалы, собранные за время плавания у берегов Америки.

Итак, 27 июля «Св. Павел» повернул на Камчатку.

За время плавания Чириков осмотрел американское побережье общей протяженностью около 400 верст, собрал ценные сведения о животном мире и растительности побережья северо-западной Америки. Будучи человеком весьма наблюдательным, Алексей Ильич отметил, что

животный мир Тихого океана чрезвычайно разнообразен: «видели китов, сиучей, моржей, свинок, птиц, уток бело-плеких множество да другого роду, у которых красные кривые носы, и чаек множество разных родов»¹.

Совершенно точно охарактеризовал Чириков особенности американского побережья. «По земле оной, — писал он, — везде высокие горы и берега к морю имеют крутые и весьма приглубы; а на горах близь того места, где пришли... лесу довольно большого росту, на них же и снег изретка виден был, а что севернее шли, то больше на горах снегу оказывалось».

1 августа в течение первой половины дня шли в тумане, из-за чего земли не было видно. Во время плавания в условиях свежей погоды Чириков проявлял большую осторожность, приказывал часто измерять лотом глубину.

Появление большого количества птиц указывало на близость земли. «Во все сутки летало птиц множество також и цвет воды кажется не очень морист и потому признается, что берег земли не очень далече, токмо за великим туманом онаго видеть невозможно»².

Уместно заметить, что Чириков близость земли определял по нескольким признакам: глубине, цвету водной поверхности, плавающим растениям, птицам и т. д.

Земля была замечена в тот же день на северо-востоке. Это был Кенайский полуостров. «По земле оной везде нераздельные горы и покрытые снегами». Здесь Алексей Ильич делает любопытный вывод. Он утверждает, что лежащая перед ним земля является продолжением той, мимо которой они проплыли в предыдущие дни.

К такому заключению Чириков пришел на том основании, что формы органического мира совсем не изменились. «А признаем, что оная земля, от которой мы возвратились, с сею нераздельна, ибо во все дни видели довольно птиц чаек и уток и траву носящуюся по морю, какая растет у берегов морских».

В последующие дни «Св. Павел» удалился от берега на довольно значительное расстояние. Из-за тумана земля скрылась из виду. 2—3 августа, когда туман рассеялся, взорам мореплавателей вновь открылась земля. Это был остров Кадьяк.

---

¹ Экспедиция Беринга, стр. 279.

² Архив Академии наук СССР, ф. 21, оп. 5, д. 58, лл. 188—189/об.

К 4 августа глубина моря достигла 90 сажен, и земля вновь скрылась из виду. Однако крики птиц, доносившиеся до мореплавателей, и своеобразный цвет воды свидетельствовали о ее близости.

Плавание в последующие дни протекало в условиях большого тумана, дождя; корабль порой ложился в дрейф. Особенно большую тревогу у мореплавателей вызывала быстро уменьшавшаяся глубина. 6 и 7 августа бросали лот очень часто, иногда по два раза в час. Так, в один из этих дней Чириков записал:

«9 часов. Бросали лот, глубина воды 55 сажен.

10 часов. Бросали дважды лот, глубина воды 42—40 сажен.

11 часов. Бросали дважды лот, глубина воды 35—30 сажен, грунт во все время, как лот бросали, был переменный, иногда камень мелкий, иногда крупной, что и к лоту не приставал, а иногда серой мелкой песок, а берегу за ношным временем и туманом не видно, а и днем, когда прочищался на время туман, не видно было¹, и потому признаваецца, что это отдаленной от берега банк»². Это была банка Альбатрос. Через час после указанных измерений лот стал уже показывать увеличение глубины.

К этому времени запасы пресной воды на судне еще более сократились. Попрежнему дули встречные ветры, что затрудняло движение пакетбота. Поэтому невозможно было установить, когда удастся дойти до Камчатки.

Вынужденный экономить пресную воду, Чириков прилагал все усилия к тому, чтобы по возможности облегчить лишения своих подчиненных. Выход частично находили в том, что «для настоящей нужды в дождливые дни служители збирали текущую воду с парусов, поставляя ведра и другие [со]суда, которая, хотя вкусом от примешания с снастей смолы и горька, точию оную служители пили охотно, понеже они еще до настоящей нужды дождевую воду опробовали; и сказывали, что она им здорова, разсуждая, бутто смольною горестью цынгу выгоняет»³.

Чтобы люди не ослабели от сокращения нормы пищи, Чириков приказал сверх определенной порции давать по

---

¹ Часть записи, начиная со слов «а и днем», пропущена в журнале, опубликованном Д. М. Лебедевым в книге «Плавание А. И. Чирикова на пакетботе «Св. Павел» к побережьям Америки», стр. 255.

² Архив Академии наук СССР, ф. 21, оп. 5, д. 58, лл. 189/об.—190.

³ Экспедиция Беринга, стр. 279—280.

чарке простого вина. Ввиду нехватки воды еще 21 августа варили одну кашу, один раз в день. Далее стало хуже. «А понеже ветры противные весьма продолжались, и у нас надежды никакой не было, чтоб получить воды в прибавок, а от здешней гавани обретались весьма далеко, тогда приказал я, дабы людям через день давать по одной каши». Но никто не роптал на это решение командира. Все понимали, что всеобщее спасение и судьба каждого в отдельности зависят от того, хватит ли воды, чтобы продержаться до возвращения на Камчатку: «чего люди для сбережения воды и сами желали и пробавлялись сухарями с маслом». Для варки соленого мяса использовалась морская вода.

Продолжая путь, 9 сентября вечером мореплаватели по глубинам неожиданно обнаружили, что идут очень близко от берега. Ветер прекратился, наступил полный штиль, а пакетбот оказался так близко от берега, что моряки едва успели бросить якорь. Ранним утром следующего дня все увидели, что во-время принятые меры помогли им спастись от смертельной опасности. Пакетбот стоял у каменистого берега. «Онй берег имеет горы высокие и растет на нем трава великая, от которой и вид имеет зеленый, а лесу на нем не видали; берег моря имеет утесы местами, а подле берега лежит множество наружных и подводных камней и в настоящем девятом часу увидели мы на берегу двух человек, идущих от северной стороны к южной, которые шли косогором по траве под высокою горою мимо одново текущего с гор водяного ручейка». Когда эти люди увидели корабль, стали подходить поближе к берегу. С пакетбота стали кричать «русским и камчацким языком», приглашая незнакомцев на судно; «а высоходе того же часа услышали мы голос от людей, которые кричали к нам з берегу от стороны ZZW. Токмо людей было не видно, и слов за шумом бурана расслышать было невозможно... против чего и от нас к ним в трубу и без трубы многократно голос отдавано и звали их, чтоб к нам выехали»¹.

Впоследствии выяснилось, что «Св. Павел» находился близ острова Адах, самого большого из группы Андреяновских островов, входящих в открытую Чириковым и

---

¹ Архив Академии наук СССР, ф. 21, оп. 5, д. 58, лл. 223—224; Д. М. Лебедев, Плавание А. И. Чирикова, стр. 306—307.

Берингом Алеутскую гряду, протянувшуюся в виде гигантской цепи скалистых островов от Аляски до самых берегов Камчатки.

Еще через час мореплаватели увидели, что к борту подходит 7 небольших лодок; в каждой из них сидело по одному человеку. Это была первая встреча русских с обитателями Алеутских островов. С необыкновенным вниманием следил Чириков за подходящими лодками и заносил в свой журнал все примечательное. Отличаясь огромной наблюдательностью, Алексей Ильич за короткое время встречи с алеутами сделал много интересных записей, представляющих исключительную научную ценность (до Чирикова об этом народе не было ничего известно).

Прежде всего он обратил внимание на тип лодок, которые были у жителей открытого острова. Лодки были длиной приблизительно 15 футов, шириной 3 фута. Внешний вид их был весьма оригинален: носовая часть очень острая, а корма тупая. Лодки были обшиты тюленьей или сивучьей кожей и наглухо закрывались, что делало их водонепроницаемыми, «а веслы оные [лодки] имеют дву лопатные самые легкие из березового лесу... и как можно видеть плавают очень смело, ни опасаясь никакого волнения и в ходу оные лотки гораздо скоры»¹.

Такие лодки, как свидетельствовали русские моряки, обладали прекрасными мореходными качествами, они могли ходить при любой погоде, при любом волнении.

Гребцы были одеты в рубашки, сшитые из кишок китов или из шкур морских зверей. Они ловко работали веслами и быстро приближались к борту пакетбота. Подойдя к нему на расстояние 50 сажен, они стали кричать, «повертываясь на обе стороны не таким обычаем, чтобы разговаривать, а подобно тому, как якуцкие и тунгусские шаманы по своему зловерию шаманят (или колдуют), почему признаваем мы, что и выехавшие к нам люди тогда по своему обычаю шаманили или молились и заговаривались, дабы от нас им вреда никакого не зделалось; а подлинно для чего так странным образом кричали, знать не можно», — записал Чириков в своем судовом журнале².

Через несколько минут они перестали кричать и начали переговариваться между собой.

¹ Архив Академии наук СССР, ф. 21, оп. 5, д. 58, л. 224.

² Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в., М., 1948 г., стр. 107.

Русские кланялись и махали руками, приглашая островитян подойти к борту, но те не приближались, а лишь разводили руками, подражая движениям человека, натягивающего лук. Из этого моряки заключили, что обитатели острова опасались, как бы в них не стали стрелять с корабля. «И того ради мы им, — отмечал в журнале Чириков, — как возможно, давали знать, что от нас никакой противности показано не будет. И, прижимая руки к грудям, показывали, что они приняты будут приятельски, причем для ласкания их бросил я к ним чашку китайскую, чтоб приняли в знак дружбы, которую из них один человек с воды поднял и, взяв оную в руки, махал, ис чего можно было догадаться, что ему не надобно, и хотел оную бросить назад к нам на судно»¹. Моряки стали делать знаки, чтобы островитянин взял чашку себе, но он швырнул ее в воду.

Чириков приказал отрезать два куска материи и бросить с пакетбота, приглашая жителей острова подойти к судну. Те подняли материю, подержали немного в руках, а затем тоже кинули в воду.

Но Чириков обязательно хотел чем-то заинтересовать этих людей.

Обладая большим запасом всевозможных товаров для подарков, он приказал вынести на палубу иглы, шары, курительные трубки, корольки (бусы). Приглашая островитян на борт корабля, моряки старались всеми средствами убедить их, что их никто обижать не будет. Затем стали показывать знаками, что экипаж судна не имеет пресной воды, и просили о помощи. Наконец, одна лодка подошла к пакетботу, ее обладателю дали табак. Убедившись, что никакой опасности нет, стали подходить к судну и другие, их одаривали корольками (бусами), колокольчиками, иглами, которые они «принимали не с великим приятством, знатно не зная, во что оное употреблять. И можно было видеть, что они не знают, что иглы тонут, понеже оные от воды не берегли»².

Жители Адаха охотно принимали подарки и разными знаками показывали, что им нужны ножи, «понеже камчадалы и протчие здешние народы, как едят мясо или иное что, то ножами у рта отрезавают». Чириков приказал дать

¹ Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в., стр. 107.

² Там же, стр. 108.

один нож; гости очень обрадовались, перехватывали его друг у друга и настойчиво требовали еще ножей. Моряки, в свою очередь, усиленно просили новых знакомых к себе на корабль, но никто не шел. Затем островитянам решили дать небольшой бочонок для воды и попросили их привезти пресной воды.

Однако бочонка они не приняли, но показывали морякам большие надутые пузыри, повидимому пообещав доставить в них воду. Тотчас две лодки двинулись к берегу.

Вскоре островитяне вернулись, доставив в пузырях пресную воду и, подойдя к пакетботу, стали передавать один пузырь с водою, требуя за это ножей. Чириков велел дать им нож. Один из местных жителей нож взял, но пузырь с водой передал своему товарищу, показав знаком, чтобы и тому, и третьему, сидящему в лодке, дали по ножу за один и тот же пузырь.

Человек весьма наблюдательный, Алексей Ильич в своем журнале оставил краткое описание облика островитян, подметив характерные для них черты.

«А собою они мужики рослые, лицами похожи на татар, видом бледны, а знатно, что здоровы, бород почти у всех нет от природы или выщипывают, того знать невозможно, только двух или трех человек видели з бородами коротенькими; в носах имеют все коренья воткнуты, от чево у иных и кровь текла... На головах они у себя имеют вместо шляп зделанные из березовых тонких досок желупки¹, которые разными красками выкрашены и перьями натканы, а у некоторых на верху привязаны костяные штатурки»².

Желобок (kozyрек) заинтересовал Чирикова, и он получил этот головной убор в обмен на топор.

Чирикову хотелось приобрести как можно больше предметов, характеризующих быт, обычаи и нравы островитян. Ему удалось выменять также шляпу из березовой тонкой доски с раскрашенной на ней статуэткой, птичье перо, морского зверя «сиучауса», четыре стрелы, из которых одна была кипарисная. Чириков установил, что эти стрелы используются для охоты за нерпами и другими морскими зверьями и птицами. Алексею Ильичу посчастливилось добыть также «минерал, признаваемый антимониум крудум

¹ Козырьки от солнца.

² Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в., стр. 109.

(или сурьма), да три корешка, какие те люди все в носях у себя при выезде к нам имели, также и ели тоже коренья и нас есть потчевали». Взамен корешков дали сухарей.

Пробыв несколько часов близ русского корабля, островитяне отправились на берег; в полдень к самому борту пакетбота подплыло уже 14 лодок. Среди подошедших было несколько старых знакомых. И на этот раз моряки зазывали гостей к себе, но никто не решался принять приглашение. Они простояли у корабля около 3—4 часов и русские «хотя говорили много, а ничего не могли без толмача знать».

Алексей Ильич подробно останавливается на особенностях рельефа острова и характере его растительности. В журнале он записал: «На NWtW в расстоянии трех минут берег, горы высокие и безлесные, на которых видно травы есть довольно, а около моря утесы есть местами». Чирикова, как мореплавателя, особенно интересовали условия плавания в прибрежной полосе; наблюдения, сделанные им в этой связи, имеют практическое значение. Он отмечал, что у берега находится много подводных банок и камней, бурунов.

Наконец, вечером 10 сентября подул ветер. Стали сниматься с якоря, и когда каната уже оставалось мало и якорь уже не держал, засвежело и совершенно неожиданно из-за гор налетел шквал. Чириков приказал отдать марсели и фок, но корабль начал дрейфовать к берегу, до которого было не более 300 сажен. При опасности налететь на подводные камни, о которые деревянный корабль разбился бы, необходимо было быстро принимать меры для спасения судна и личного состава. Как всегда, Чириков не терял самообладания. Он поставил паруса, приказал отрубить якорный канат и направился в море на SO. Выходили из бухты при переменном ветре, о чем в журнале Чириков записал: «Ветер временно дышит и временно штилеет». Наконец, корабль вышел из опасного района. «Однако с помощью божию, хотя с великим страхом только от берега отошли. Небо мало облачно и синие луны». Для определения глубины бросали лот, но дна не достали. На рассвете 11 сентября берег острова постепенно скрылся за горизонтом.

К середине сентября воды осталось всего 19 бочек. Нужно было расходовать воду еще более бережно. Кашу теперь варили один раз в неделю, зоды выдавали только

пять небольших чарок на человека. Недоедание, холод, сырость, непосильная работа подрывали здоровье моряков. Почти вся команда болела цынгой. Многие умирали. Цынгой заболел лейтенант Чихачев. 20 сентября серьезно заболел сам Алексей Ильич, он не мог даже подниматься на палубу. Болезнь свалила лейтенанта Плаутина.

16—18 сентября русские мореплаватели видели много морской капусты и плавающей травы, которая растет у берегов. Это говорило о близости земли. Кроме того, было замечено, что цвет воды имеет зеленоватый оттенок, неположий на цвет морской воды.

Утро 22 сентября было особенно радостным для моряков: они увидели землю. Однако, внимательно всматриваясь в ее очертания, они убедились, что ликование было преждевременным.

Замеченная земля не была похожа на Камчатку. Несмотря на то, что почти все были больны, решено было осмотреть неизвестную землю.

Это был предпоследний остров Алеутской гряды — Агатту; в некотором отдалении от него находился остров Атту.

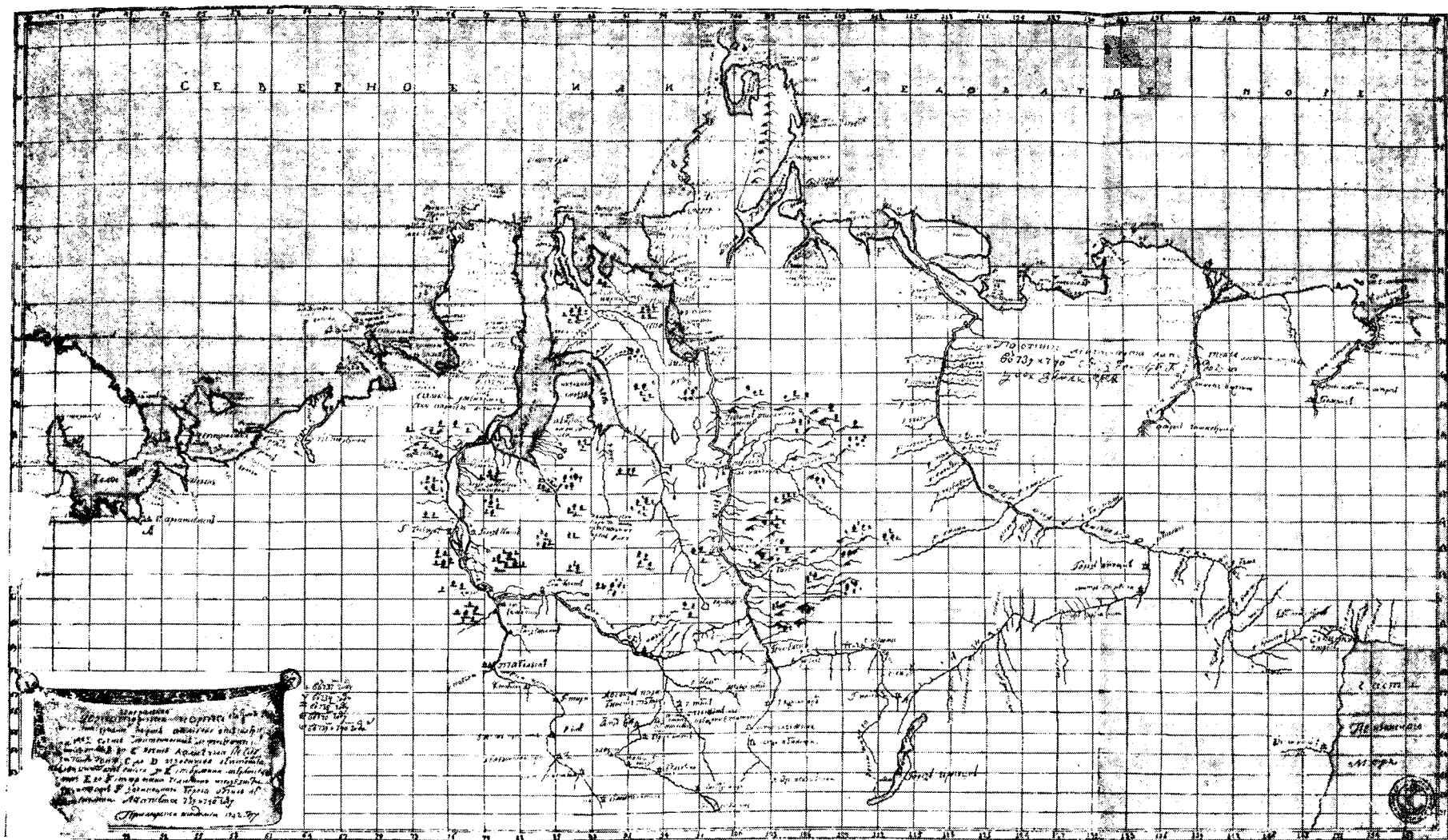
Вблизи островов видели на воде несколько спящих морских бобров, которых после выхода из Камчатки не встречали.

Основываясь на общности морфологии и флоры, Чириков считал, что земли, которые были видны 5, 10 и 22 сентября, являются частью американского материка, открытого им под 55° с. ш.

Ввиду болезни капитана командование пакетботом принял штурман Елагин. Таким образом, «во управлении судна остался один штурман Иван Елагин, да и тот был весьма ж болен, но по крайней возможности, преодолевая свою немощь, почти несходно был для управления наверху, которому от меня только вспоможения было (по-неже я, по милости божией, был в памяти), что смотря счисления по журналу пути нашего, приказывал ему, какой иметь курс»¹. Отдавая должное замечательному штурману, Чириков впоследствии писал, что только благодаря Елагину удалось достигнуть берегов Камчатки, так как сам он «от цынги изнемог и находился в отчаянии жизни и уже по обычаю был приготовлен к смерти».

---

¹ Экспедиция Беринга, стр. 283.

Зак. 3321

Генеральная меркаторская карта Северного Ледовитого океана.
 Составлена с разных карт при Морской академии в 1742 году.
 Публикуется впервые.

Наконец, рано утром 9 октября моряки увидели родные берега. Показалась Авачинская бухта, но из-за встречного ветра в бухту войти было невозможно.

Поздно вечером 10 октября пакетбот вошел в устье Авачинской бухты, но войти в бухту корабль не мог, теперь уже из-за отсутствия ветра. Чириков приказал палить из пушек, чтобы вызвать из гавани шлюпки. Утром на шлюпке прибыл капитан Левашев, исполнявший после отправления экспедиции обязанности главного начальника Петропавловска.

Левашев сообщил Чирикову, что Беринг из плавания еще не возвратился, а капитан Шпанберг, совершавший плавание к берегам Японии на пяти судах, уже прибыл в Петропавловск. Капитан Чириков с большим трудом сел в шлюпку и отбыл на берег «в жестокой цынготной болезни».

Только 12 октября «Св. Павел» сумел войти в Петропавловскую гавань. Утром 13 октября «поставили пакетбот на место, на котором ему надлежит и зиму стоять, с правой стороны с носу положили дагликс якорь с кормы той якорь с левой стороны с носу и с кормы закрепили перлины на берег и зачали растакелавивать», — говорится в последних строках корабельного журнала, повествующего о подвигах русских моряков, их героизме и самоотверженности, об их труде во имя прославления своей Родины.

Замечательное по своему значению плавание было окончено. Оно увенчалось открытием северо-западной Америки и Алеутских островов — великим географическим открытием русских моряков, Чирикова и его сподвижников, офицеров и матросов, — славных сынов героического русского народа.

Характеризуя выдающиеся заслуги русских моряков, А. П. Соколов дал высокую оценку плаванию Чирикова. Он писал: «Итак, открыв Американский берег, полутора сутками ранее Беринга, в долготе одиннадцати градусами далее; осмотрев его на протяжении трех градусов к северу и оставя пятью днями позже; Чириков возвратился в Камчатку — восемь градусов западнее Берингова пристанища — целым месяцем ранее; сделав те же на пути открытия Алеутских островов; во все это время не убирая парусов, и ни разу не наливаясь водой; тоже претерпевая бури, лишения, болезни и смертность, более, впро-

чем, павшую у него на офицеров, чем на низших чинов. Превосходство во всех отношениях разительное! По времени истинное торжество морского искусства!»¹

Если взглянуть на карту плавания «Св. Петра» и «Св. Павла», то сразу же по характеру линий пути можно заметить превосходство Чирикова над Берингом в мореходном искусстве. Разлучившись с капитан-командором, Алексей Ильич уверенно идет в район, который он указал еще до назначения его в экспедицию. Принятый Чириковым твердый, без всяких отклонений, курс говорит об уверенности Чирикова в том, что американский материк находится именно там, где он предвидел. Беринг же часто менял курс, упускал драгоценное для плавания время, терял местонахождения своего корабля, следствием чего была авария пакетбота «Св. Петр», невероятные лишения, а также человеческие жертвы.

Но Беринг, хотя и позже Чирикова, также достиг берегов Америки. Нет сомнения, что своими успехами в огромной степени он обязан превосходным качествам русских моряков.

Трудное плавание к американским берегам явилось торжеством русского мореходного искусства, оно показало высокую морскую выучку личного состава пакетботов «Св. Павел» и «Св. Петр», небывалое мужество и моральную силу русских людей. Это плавание показало также, что отечественные судостроители в исключительно неблагоприятных условиях могли строить корабли, которые по своим мореходным качествам и прочности не уступали иностранным.

Чириков и его соратники открыли Америку благодаря своим знаниям, целеустремленной воле и самоотверженности. Они черпали свои силы в сознании исключительного значения свершаемого, в сознании огромной важности их дела для усиления и возвеличения Родины.

Открытие Чириковым и Берингом берегов Америки внесло огромный вклад в географическую науку. Однако плавание «Св. Павла» лишь положило начало исследованию западных берегов американского континента. Для его подробного изучения предстояло сделать еще очень много, и Алексей Ильич это прекрасно понимал.

---

¹ А. Соколов, Северная экспедиция 1733—1743 гг., Записки Гидрограф. департамента, ч. IX, 1851 г., стр. 407—408.

ВТОРОЕ ПЛАВАНИЕ А. И. ЧИРИКОВА

Еще будучи совсем больным, Чириков весной 1742 года задумал новое плавание к американским берегам, которое было сопряжено с большими трудностями. Пакетбот «Св. Павел» требовал ремонта. Команда корабля не была полностью укомплектована, «да и ис тех многие не в совершенном здоровье, так же что и сам я от полученной в минувшей кампании цынготной болезни чувствовал в себе немалую слабость, понеже зубы по тогдашнее время не все укрепились, и с ног цынготные пятна не сошли». Невзирая на все это, Чириков решил снова итти к той земле, которую видел в предыдущем году лишь издали, и «учинить об ней разведывания, сколько всей возможности нашей будет».

23 мая пакетбот «Св. Павел» был полностью подготовлен к плаванию. В тот же день он вышел на рейд. 25 мая «во время прибылой воды как началась убывать с течением ея вышли из губы», но ввиду встречного ветра «Св. Павел» бросил якорь приблизительно в 6 милях от Авачинской бухты.

2 июня «Св. Павел» снялся с якоря и взял курс на Америку.

9 июня во втором часу пополудни мореплаватели заметили землю. Оказалось, что это остров, а не соединительная «от Америки Большая земля», как предполагали ранее. Остров получил имя Св. Федора. В течение шести дней «Св. Павел» лавировал вблизи острова, но подойти к нему из-за тумана и встречного ветра не смог. «Обстоятельно тот остров разведать и осмотреть противные ветры не допустили», — записал Чириков в журнале.

Этот остров был необитаем. «На упоминаемом острове Св. Федора признаку к жилу, как в прошлой 1741 год кампании, и ныне не видели, и лесу на нем и зелени никакой нет, и весь состоит в горах каменных, на которых множество снегу, и отлогих берегов нет же, и лотом при нем земли не доставали ж»¹, — так охарактеризовал остров Чириков. Это был остров Атту, и Чириков признал, что это тот же остров, который он открыл в 1741 году.

Мореплаватели заметили, что у берегов острова вода имеет белый цвет. Обнаружено также много морской ка-

---

¹ Экспедиция Беринга, стр. 291.

пусты, причем Чирикову было известно, что эта трава растет в местах, где есть подводные камни. Алексей Ильич в своем журнале записал: «а растет она на камнях при берегах в море по банкам... а деревья носячева и прочих признаков от земли не было. И потому признаваем мы, что в тех местах конечно есть подводные банки, отчево, с стоящими там всегдашними великими туманами, без страху потеряния совсем судна плавание быть не может», — писал в своем рапорте Чириков от 18 октября 1742 года ¹.

Плавание значительно затруднялось еще и тем, что стояли туманы, видимость была плохая и Чириков опасался, что в таких условиях корабль легко может потерпеть крушение. В связи с этим он сделал следующую запись в журнале: «плаваючи одним судном при незнаемых землях ² почти в беспрестанных стоящих там туманах, в которых часто далее ста сажень и в день не видно, можно скоро судно со всеми людьми потерять, и описи обстоятельной за упоминаемыми туманами учинить неможнq». Алексей Ильич много бессонных ночей провел на мостике, управляя кораблем. В результате непосильного труда он, по его собственным словам, «пришел в такую слабость, что уже насилу ходил, а обстоятельного помощника только имел у себя одново, упоминаемого мичмана Елагина, да и оной также в здоровье не тверд». Посоветовавшись с Елагиным и с шкипером Коростелевым, Чириков «положил намерение дале своего ныне пути не продолжать» ³.

17 июня «Св. Павел» лег на обратный курс. Следуя на Камчатку, Чириков стремился, поскольку позволяли метеорологические условия, держаться «севернее настоящего возвратного пути для осмотра, не найдется ль еще какая земля» ⁴.

Через пять дней мореплаватели заметили остров, который назвали островом Св. Иулиана. Чтобы лучше осмотреть его, Чириков приказал итти на возможно близком к нему расстоянии. Были определены общие контуры острова; «длиною оной от восточного края до западного минут с тридцать; лесу на нем большого и травы зеленой

---

¹ Экспедиция Беринга, стр. 291.

² Это были острова Атту и Агатту.

³ Экспедиция Беринга, стр. 292.

⁴ Там же.

нет, весь в горах, и крутой берег, а на горах много снега. При нем же видели множество котов морских»¹.

Моряки пакетбота «Св. Павел» не знали, что на этом острове томилась команда Беринга. Впоследствии этот остров был назван именем Беринга, впервые вступившего на его пустынные и неприветливые берега.

1 июля 1742 г. «Св. Павел» достиг Петропавловска.

12 июля корабль направился в Охотск. В Петропавловске было оставлено четыре солдата из команды пакетбота, которым поручалось ожидать прибытия Беринга. О гибели капитан-командора не было еще известно.

16 августа «Св. Павел» прибыл в Охотск. Чириков, разоружив пакетбот и сняв мачты, поставил корабль в безопасное место и оставил для охраны пакетбота из состава команды 20 человек.

24 августа с остальными своими людьми он отправился в Якутск².

Из Якутска Алексей Ильич послал в Адмиралтейств-коллегию рапорт, в котором рассказал об обстоятельствах, заставивших его прекратить плавание и прибыть в Якутск. Здесь он решил ждать указаний о дальнейших действиях из Адмиралтейств-коллегии, так как считал, что экспедиция полностью своих задач не разрешила. Продолжать же работу было невозможно. Нехватало людей, пакетбот нуждался в серьезном ремонте; для дальнейшего плавания нужно было построить новые суда, что требовало доставки стронтельных материалов и продовольствия в Охотск. ^

В это время Чирикову пришлось вести очень напряженную борьбу со Шпанбергом, который стремился захватить руководство экспедицией в свои руки. Письма из Петербурга, адресованные на имя Беринга, он перехватывал и «потому видно, что он Шпанберг вступается в главную над всей камчацкой экспедицией команду, чего ему как указом е. и. в. и не определено», — писал в Адмиралтейств-коллегию Чириков³.

Шпанберг — «чести великой любитель», говорит Алексей Ильич, хотел стать во главе Охотского правления, чтобы «командовать всеми и к ясашному сбору определять и посылать и сам в приказной избе заседать». Алек-

¹ Экспедиция Беринга, стр. 292.

² Там же, стр. 293.

³ ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 52, л. 246/об.

сея Ильича возмущали корыстолюбие и взяточничество Шпанберга. Приказы начальства тот не исполнял: «и как можно мне быть у него, Шпанберга, в команде, у такого непорядочного командира», — писал Чириков¹.

Но Чириков заботился в первую очередь не о себе, а об интересах экспедиции. Нужно было во что бы то ни стало сохранить то, что было добыто героическим трудом ее участников, многие из которых погибли. Он считал, что если Шпанберг станет во главе экспедиции, то погубит все.

В своем рапорте от 13 декабря 1742 года Чириков разоблачал Шпанберга, как человека бесчестного, грубого и жестокого, совершавшего всевозможные злодеяния. Так, осенью 1742 года по прибытии в Охотск «команды своей морского солдата Федора Буракова в доме своем неведомо за что бил своими руками и ногами топтал смертно, которого так и оставил в Охоцке и будет ли жив неизвестно»².

В этом же рапорте Чириков ссылается на инструкцию Сената и Адмиралтейств-коллегии (в том числе и на какую-то секретную инструкцию), данные Берингу, «которые, — пишет Алексей Ильич, — определено, что чинить ему капитан-командору на берегу и на море *точные копии за рукою ево господина командора имею я, и теми же инструкциями определено быть мне в одной экспедиции с ним капитан-командором*» (подчеркнуто мной. — В. Д.). Стало быть, Чириков имел юридические основания возглавить экспедицию. В указанном рапорте отмечал: «и по силе тех инструкций за невозвратом ево капитан-командора из похода морского, подлежащие дела по порученной ему обще со мною экспедиции исполняю я все преждеприсланные указы и главные экспедиции письменные дела, происходимые при команде ево капитан-командора имеются в моем ведении и вышеозначенных точных копий с инструкций порученных мне от него господина капитан-командора Беринга за ево рукою, такж и всех дел». Далее Алексей Ильич, основываясь на законных правах, решительно заявил, что без особого указа дела экспедиции он никому не передаст «и потому следует, что указом, присылаемым на имя ево господина капитана-командора, надлежит быть в небытность ево у меня, о чем я к нему, Шпанбергу, и писал».

¹ ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 52, л. 246/об.

² Там же.

Свой отчет о плавании от 1742 года Чириков направил в Петербург с Иваном Елагиным. Этот отчет, к которому были приложены шканечный журнал и карта, Елагин передал Н. Ф. Головину.

На карте Чирикова, составленной в 1741 году, были точно нанесены курсы пакетботов «Св. Петр» и «Св. Павел» (до их разлучения) и путь пакетбота «Св. Павел» во время его самостоятельного плавания. На этой же карте впервые в истории была обозначена значительная часть побережья северо-западной Америки, которая до этого называлась «Большой остров» или «Большая земля». Огромная научная ценность названной карты состоит и в том, что здесь нанесены открытые Чириковым Алеутские острова¹.

На основании полученных данных от участников экспедиции Адмиралтейств-коллегия поручила Морской академии срочно составить итоговую карту, работа над которой была закончена в ноябре 1742 года². В легенде указывается, что побережье Северного океана с устьями больших сибирских рек от Архангельска до реки Колымы положено по новым описаниям морских офицеров, а побережье от Колымы до Камчатки по данным прежних экспедиций. На карте нанесен путь плавания корабля «Св. Павел» к Америке и обратный путь к Камчатке. По данным карты Чирикова 1741 года было нанесено побережье северо-западной Америки и Алеутские острова. В легенде еще говорится, что Чириков во время своего плавания не видел земли Гама. На карте отмечен и путь, проложенный Шпанбергом к Японии и обратно, и часть обследованных им островов Курильской гряды.

Спешность, с которой составлялись карты, свидетельствует о том, что материалам экспедиции Адмиралтейств-коллегия придавала большое государственное значение. О том же говорит и тайна, с которой они хранились. Так, 19 января 1743 года Головин послал Адмиралтейств-коллегии сообщение о полученных от Чирикова материалах и подчеркнул необходимость содержать их в секрете, а также предложил использовать полученный отчет для

---

¹ Копия карты плавания Чирикова в 1741 г. была опубликована А. Соколовым в «Записках Гидрографического департамента», ч. IX, 1851 г.

² Архив древних карт ГУВМС СССР, портфель 14, № 4348.

экстракта, составленного коллегией «о действиях оной экспедиции»¹.

Головин поддержал ходатайство Чирикова о производстве мичмана Елагина в лейтенанты. В этой связи он писал: «оного Елагина за такие к неизвестным местам дальнейшие вояжи, в которых он... спасению всего судна с людьми от чаемой гибели оказал ревностнейшие труды, к тому же и в искусстве по его достоинству аттестован, что всего того судна правление на нем лежало... почитая оную службу и труды за чрезвычайные, произвести его без баллотирования по вышеописанному достоинству прямо в лейтенанты морские»².

В своем отчете Чириков не только обстоятельно излагал научные и практические результаты экспедиции, но и вносил ряд предложений для завершения начатого дела. Учитывая опыт прошлого, он советовал: «чтобы в таких отдаленных и опасных плаваниях иметь взаимную помощь, и надежные производить высадки, необходимо два судна и ежели «Св. Петр» не возвратится, то надобно построить вместо него новое, такой же величины».

Однако постройка второго корабля потребовала бы много времени, так как на Камчатке и в Охотске не было необходимого строительного материала. Чириков считал, что медлить с этим делом нельзя и предложил подготовку к новому плаванию завершить к 1743 году. Для этого он рекомендовал из отряда Шпанберга взять один корабль и направить его вместе с пакетботом «Св. Павел» к американским берегам.

Алексей Ильич убедительно обосновывал необходимость посылки именно двух кораблей: «потому, что они в тамошних всегдашних туманах могут, покамест не разлучатся, друг друга охранять, следуя один за другим; и ежели переднему случится найтись на берег или стать на мель, то другой остережется, потом и переднему споможение либо учинит, а по крайней мере, хотя людей каким ни есть образом иногда собрать и от смерти спасти может»³.

Опыт плавания 1741—1742 годов показал, что для успешного и обстоятельного исследования новых земель необходимо посылать на берег обследуемых земель доста-

¹ Материалы для истории русского флота, ч. IX, стр. 260.

² Там же, стр. 261.

³ ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 52, л. 89.

точное число людей, снабдить их необходимыми запасами провизии и соответствующими инструментами. Как известно, пакетбот не мог подойти к незнакомому берегу без предварительной разведки глубин бухт, характера течений и т. п. Чириков и Беринг во время своего плавания направляли для этих целей судовые боты и шлюпки, на которых можно было послать лишь небольшую команду; последняя, в случае нападения на нее туземцев, не могла успешно обороняться. Ссылаясь на печальный пример гибели ланг-бота и лодки со «Св. Павла» с 15 русскими моряками, Алексей Ильич предложил послать с двумя пакетботами небольшое, но крепкое мореходное судно. Он писал: «да при тех двух судах надлежит быть третьему малому судну с палубою, дабы могло собою держаться под парусами на море, иметь греблю для посылки на берега спроведывать о состоянии оных, и искания гаваней»¹. В это время пакетботы могут стоять на якоре или лавировать под парусами вблизи того места, куда послано будет малое судно.

Такое парусно-гребное судно, обладая хорошей мореходностью, могло передвигаться в море под парусами, а при помощи весел проникать в места, недоступные для пакетботов, в частности в небольшие бухты, защищенные от ветров.

Чириков настоятельно просил Адмиралтейств-коллегию срочно прислать ему людей для укомплектования экипажей корабля «Св. Павел» и второго корабля, а также выделить такелаж для оборудования обоих кораблей. К своему рапорту он приложил все расчеты материалов, необходимых для снаряжения экспедиции. В первую очередь он просил прислать из Петербурга или из Казанского Адмиралтейства штаги, ванты, талрепы, якорные канаты. Остальные виды такелажа он рассчитывал найти на месте.

В рапорте Чириков отмечал, что экспедиция тяжелым бременем ложилась на плечи русских крестьян, недавно переехавших на Дальний Восток, и на местное население — якутов и камчадалов. В результате привлечения пашенных крестьян к исполнению различных работ для обслуживания экспедиции «как пашня, так и протчие домовые работы остаются в неисправности»². Положение усу-

¹ ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 52, л. 89.

² Там же, л. 90/об.

гублялось тем, что в Сибири в 1743 году был большой неурожай. Чтобы облегчить положение местного населения, Чириков предлагал привлекать его в помощь экспедиции по возможности меньше. В частности, он рекомендовал доставлять провизию и строительный материал из Якутска до Юдомского креста только на судах. Прежде для нужд экспедиции у якутов брали много лошадей, что было для них очень обременительно, потому что «многие лошади в тех путях помирали», широкое же использование водного пути в значительной степени разрешило бы эту проблему.

Для перевозки всевозможных грузов от Юдомского креста до Охотска требовалось меньше труда, к тому же эта дорога «приведена в лутчей от прежнего порядок». Конечно, полностью обойтись без помощи местного населения экспедиция не могла, но Чириков проявлял заботу о том, чтобы привлечение местных жителей для нужд экспедиции не было для них слишком разорительно.

Чириков подчеркивал далее, что только при условии осуществления его предложений можно с успехом обследовать земли, которые моряки в 1741 году осмотрели в сравнительно короткое время. Чтобы «порядочную опись учинить тем землям»¹, Чириков, принимая во внимание большую удаленность Америки от Камчатки и постоянные туманы в том районе, считал, что обследовать эти земли в одну-две кампании невозможно. На это, по его мнению, требовалось много времени. «А по состоянию на тамошнем море темного воздуха, едва кажется оное действие произведено быть [может] без бедственных опасностей и потеряже людей».

РЕШЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА О ПРЕКРАЩЕНИИ ЭКСПЕДИЦИИ

Настойчивые требования Чирикова о необходимости организовать новую экспедицию к американским берегам с целью более обстоятельного изучения открытых земель русское правительство не приняло во внимание. Предложения знаменитого мореплавателя энергично поддерживал лишь адмирал Н. Ф. Головин, но он, конечно, не мог изменить отношения правящих кругов к этому очень

---

¹ ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 52, л. 90/об.

важному государственному мероприятию. Между тем материалы, поступившие с Дальнего Востока, показывали, что научные результаты экспедиции, хотя она и не полностью выполнила свое задание, трудно переоценить. Экспедиция не только действительно открыла Америку, но и определила расстояние, отделяющее ее от Азии.

Благодаря плаваниям Чирикова и Беринга было доказано, что легенда о земле Гама, усиленно поддерживавшаяся Жозефом Николя Делилем, является пустым вымыслом. Тем самым были точно установлены научная несостоятельность этого французского географа, а также заблуждения других западно-европейских ученых.

Благодаря донесениям Чирикова в Петербурге стало известно, что участники славной экспедиции жили в крайней нужде, однако эти сообщения никого не волновали.

Сенат и Адмиралтейств-коллегия перестали заниматься делами экспедиции и не принимали мер к тому, чтобы улучшить положение ее участников.

Что же случилось? Почему высшие правительственные органы, которые в течение многих лет поддерживали экспедицию, теперь утратили к ней всякий интерес? Объясняется это многими причинами.

Главная, на наш взгляд, заключалась в преступной политике правящей верхушки, состоявшей в значительной мере из иностранцев, которым были чужды жизненные интересы русского народа, русского государства.

Господство бирюзовщины, расточительность и казнокрадство немцев, стязавших у русского трона в 30—40 годах XVIII века, привели, в частности, к большим финансовым затруднениям. Между тем внешнеполитическая обстановка достигла крайней степени напряжения.

Начавшаяся в 1741 году война России со Швецией требовала значительных ассигнований на военные нужды. В это же время обострились отношения России с Францией, Англией и Пруссией. Русское правительство обращало свое главное внимание на укрепление западных границ и удержание завоеванных при Петре I позиций.

Царские сановники озабочены были не столько действительными государственными интересами, сколько непосредственными материальными выгодами, в то время как Вторая Сибирско-Тихоокеанская экспедиция пока что требовала лишь новых затрат.

Правительство не могло и не хотело понять, какие огромные перспективы откроет экономическое освоение необозримых просторов Дальнего Востока с его несметными богатствами.

В таких условиях вершители судеб государства стали склоняться к тому мнению, что дальнейшие затраты на экспедицию производить нецелесообразно.

На решение правительства о прекращении экспедиции оказали известное влияние также ложные доносы в Петербург со стороны противников Чирикова и недругов его сподвижников.

В результате этого и неизвестный автор краткого отчета экстракта¹ совершенно игнорировал научное значение экспедиции, всячески подчеркивал ее неудачи. Предложение Головина — при составлении экстракта основываться на материалах Чирикова — не было принято во внимание.

В экстракте указывалось также, что на экспедицию за десять лет было затрачено не менее полутора миллионов рублей. В действительности эта цифра значительно преувеличена.

23 сентября 1743 года Правительствующий сенат представил императрице Елизавете Петровне доклад о результатах экспедиции Беринга и Чирикова. Приведя ряд доводов в обоснование того, что экспедиция приносит лишь убытки, сенат сделал вывод: «Ту экспедицию, от которой сенат нимало плода быть не признавает, надлежит вовсе оставить». Царица 24 сентября наложила на сенатском докладе резолюцию: «быть по сему».

Адмиралтейств-коллегия 26 сентября направила Чирикову и Шпанбергу указы, в которых говорилось: «для крайнего в Иркутской и Енисейской провинциях хлебного недостатку, до будущего указа, в морские вояжи более не ездить... по получении указов, не мешкав ни малого времени, и с тех мест со всею командою возвратитца, и быть им всем до указа в сибирских городах, кроме Иркутской провинции, по рассмотрению Сибирской губернской канцелярии... где б команды их провиантом способнее довольствованы быть могли»².

---

¹ А. Покровский в своих комментариях к сборнику документов строит догадки относительно того, что автором этого документа являлся Г. Г. Скорняков-Писарев (Экспедиция Беринга, стр. 409).

² Экспедиция Беринга, стр. 372.

Все суда, принадлежавшие экспедиции, необходимо было поставить в безопасное место, выделив для их охраны надежный караул. Крестьян и других людей, взятых в Иркутской провинции для обслуживания экспедиции, велено было «отпустить в дома их немедленно, и более провиантов и материалов и прочего в ту экспедицию до указа не отправлять и не завозить и для того подвод и работников не забирать».

Далее Чирикову и Шпанбергу приказывалось все карты и судовые журналы немедленно отправить через Тобольскую губернскую канцелярию в Правительствующий сенат. В заключение содержалось указание на необходимость в «самой скорости» отправить курьера на Дальний Восток, чтобы императорский указ был доставлен Чирикову и Шпанбергу до наступления будущей весны и «они до приезде того курьеру... в море отправитца не могли».

Несмотря на слабое здоровье, Чириков занялся серьезной научной обработкой материалов Сибирско-Тихоокеанских экспедиций. Он сознавал, что большой фактический материал, собранный им и другими мореплавателями о Камчатке, Тихом океане и северо-западной Америке, получит настоящее значение для науки и практической деятельности людей только после его тщательного изучения и обобщения. Этому большому делу он и отдался всецело.

Здоровье Чирикова к тому времени оказалось сильно подорванным, и он неоднократно обращался в Адмиралтейство с просьбой о переводе его в Петербург, так как справедливо считал, что дальнейшее его пребывание на Дальнем Востоке бесполезно.

Очень плохое состояние здоровья Чирикова подтверждало заключение консилиума в составе старшего лекаря, лекарей и подлекарей, которые отмечали: «Мы нижеписанные сим засвидетельствуем, что флота-капитан господин Чириков от цынготной болезни совершенно еще не освободился и потому есть у него во рте и ногах знаки, почему как объявляет весьма имоверно, что и в ногах и в спине бывает у него лом, и зубы верхняя коренные некоторые еще и поныне трясутся. К тому же он имеет чахоточную болезнь... и великий шум в голове; да он же из начала экспедиции находился слаб в своем здоровье и часто бывал так болен, что и ходить едва мог, о чем не токмо мы нижеподписавшаяся сим засвидетельствуем, на-

ходившийся в экспедиции старший лекарь довольно о них известен»¹.

Наконец, Правительствующий сенат 6 марта 1744 года принял решение: «Обретающегося в Камчатской экспедиции от флота капитана Чирикова, ежели до него каких тамо дел не иметца, быть в Санкт-Петербург к команде, а тамо оставшую ево команду велеть другому». Этот указ Чириков, находившийся в то время в Енисейске, получил 31 октября, но лишь 29 июня 1745 г. он сдал «команду как морских, так и адмиралтейских и протчих служителей також денежную казну, припасы и письменные дела и о содержании всего оного поручил флоту лейтенанту Вакселю»².

Около двадцати лет жизни отдал Алексей Ильич изучению Сибири и Тихого океана. Он хотел, чтобы и его преемники с такой же настойчивостью продолжали начатое им дело по экономическому освоению, научному изучению и укреплению безопасности этого края.

В инструкции Чирикова Вакселю, содержащей 23 пункта, имеется много ценных указаний о дальнейшей работе в указанной области.

Алексей Ильич прежде всего стремился к тому, чтобы великие открытия, составленные им карты, описания и пр. не попали в руки враждебно настроенных к России иностранцев. Поэтому в инструкции Чириков строго-настрого предупреждает Вакселя содержать все результаты экспедиции в тайне. Так, в двадцать третьем, заключительном пункте инструкции он указывал:

«О делах, которые в тайности подлежат в государственных делах оного отнюдь в партикулярных письмах ни к кому не писать, ни же к тому от кого отправлен, кроме настоящих реляций, а ежели какое препятствие ст кого в том или ином будет вашему делу, то писать вольно куда заблагорассудите, только упоминая о врученном вам деле генерально, от чего оному повреждение есть, также ежели случатся дела посторонние тайне подлежащие, а в реляциях к тому, от кого отправлен писать будет за каким подозрением невозможно, то вольно писать кому в том поверите, а о врученном своем никак иначе только как выше писано под жестоким наказанием по вине преступления

¹ ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 67, л. 124; подлинник без даты, составлен приблизительно в 1744 г.

² Там же, д. 51, л. 531.

и сей пункт посланным от вас всякому в инструкциях писать».

Приведенная выписка свидетельствует о том, что Чириков честно исполнял свой служебный долг, он глубоко понимал значение открытий Сибирско-Тихоокеанских экспедиций для России.

13 марта 1746 года Чириков прибыл в Петербург и вскоре был назначен директором Морской академии¹. Хотя он недолго возглавлял Морскую академию, но и за это время Алексей Ильич сделал очень много. Под его руководством группа офицеров к маю 1746 года составила несколько карт, в которых обобщались итоги деятельности Сибирско-Тихоокеанских экспедиций.

Если учесть и ранее выполненные при Морской академии карты Второй Сибирско-Тихоокеанской экспедиции, то станет очевидным, что Морская академия являлась не только учебным заведением, но и крупным научным центром. В период, когда в Академии наук было засилие иностранцев, все научные вопросы, имевшие государственное значение, разрабатывались в Морской академии. Не случайно начальники академии назначались только из русских. С именем Алексея Ильича связана одна из лучших страниц истории Морской академии.

Вскоре Чириков получил назначение в Московскую контору Адмиралтейств-коллегии.

Умер Алексей Ильич по предположительным расчетам в конце ноября 1748 года. Это, в частности, подтверждается решением Адмиралтейств-коллегии, датированным 7 декабря того же года.

Последние свои годы, как и всю жизнь, Чириков испытывал крайнюю нужду, поэтому после его смерти осталось много долгов. В течение многих лет дети Алексея Ильича расплачивались за долги отца, но так и не в состоянии были расплатиться.

Терпя сильные материальные лишения, дети Чирикова в 1763 году², вскоре после вступления на престол Екатерины II, подали челобитную в Сенат. В протоколе Сената

---

¹ И. Голенищев - Кутузов, Собрание списков, содержащее имена всех служивших в Российском флоте с начала онаго, СПб., 1764 г., стр. 21; см. также стр. 271 данной книги.

² У Чирикова остались два сына — Василий и Петр и три дочери — Мария и Елизавета. Имя третьей дочери в документах не названо (ЦГАДА, ф. Правительств. сената, д. 5960, л. 748/об.).

от 1 августа имеется запись о том, что в присутствии императрицы была слушана челобитная капитан-командора Чирикова детей о «невзыскании с них за службу отца их, который в бытность свою в Камчатской экспедиции умре, имеющегося на них, просителях, по дворянскому банку долга 4 000 рублей, которых они не только по бедности своей не в состоянии заплатить, но и дневной пищи почти не имеют»¹.

Так царское самодержавие «оценило» деятельность великого русского мореплавателя, выдающегося ученого и патриота Алексея Ильича Чирикова, отдавшего все свои силы и жизнь делу укрепления и прославления своей Родины — России.

---

¹ Библиографические записки, СПб., 1861 г., т. 3, стр. 357.

ОБОБЩЕНИЕ А. И. ЧИРИКОВЫМ МАТЕРИАЛОВ
СИБИРСКО-ТИХООКЕАНСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ
И ЕГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ
ПО ОСВОЕНИЮ И УКРЕПЛЕНИЮ
БЕЗОПАСНОСТИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

НАУЧНЫЕ ЗАСЛУГИ А. И. ЧИРИКОВА

О ГРОМНЫ заслуги Чирикова в подведении итогов экспедиции, в обобщении богатого материала, собранного всеми ее участниками. Он показал себя талантливым ученым, истинным патриотом России, ставившим превыше всего интересы своего народа. Алексей Ильич вместе с тем

являлся одним из виднейших представителей передовой русской морской школы. Чириков обладал широким политическим и стратегическим кругозором. Разработанные им положения по освоению Дальнего Востока выдвинули его в ряд виднейших военно-морских деятелей, посвятивших свою жизнь делу укрепления отечественного флота и национальной независимости русского государства.

Особенно ярко проявилось дарование нашего замечательного соотечественника в составлении карт.

С 1735 года под руководством Чирикова были проведены большие исследования рек от Лены до Урака. Изучению реки Лены Чириков придавал большое значение, поскольку она служила основной водной магистралью для снабжения экспедиции всем необходимым. В результате усилий русских моряков была составлена карта

Лены, снабженная также пространной легендой, в которой говорилось: «Карта от города Якутска, реки Лены, Алдана, Май, Юдомы до судовой пристани Юдомского креста, в которой положена опись и реки Урака и часть берегов Пенжинского моря из журналов: от устья Майской пристани до означенного креста в 1736 г. похода господина капитана Чирикова, а 1735 г. от Якуцка до оной Майской пристани лейтенанта господина Лаптева, сделанная при означенном Юдомском кресте в феврале месяце. По приказу господина капитана Чирикова сделана штурманом Дементьевым в 1737 г. А подана сия карта к господину капитану командору Берингу при гавани Св. апостол Петра и Павла в 1741 г. в феврале месяце».

Таким образом, под руководством Чирикова была составлена карта реки Лены от Якутска до Юдомского креста с подробным описанием, отражающим результаты тщательного исследования.

Чириков значительно расширил и укрепил основы картографирования Камчатки. Еще весной 1742 года свою большую работу по изучению Камчатки он завершил составлением карты восточного побережья полуострова. Эта карта давала подробную характеристику рельефа побережья. Она была снабжена обстоятельной легендой, в ней значилось: «Карта плоская камчатского восточного берега протягивающа от устья заливы Авачинской меж норда и оста, сочиненная по правому компасу посылаемым флота капитана Чирикова гардемаринном Юрловым. 1742 году апреля 2 дня».

Составленная Чириковым карта плавания пакетбота «Св. Павел» графически отображает район, который был им обследован во время путешествия к американским берегам. Путь корабля, нанесенный Чириковым на карту, как показывают исследования профессора Д. М. Лебедева и капитана 2-го ранга Г. К. Шумейко, отличается исключительной точностью в определении места корабля по широте. Допущенные Чириковым ошибки, по расчетам Д. М. Лебедева и Г. К. Шумейко, не превышали 5 минут¹.

Необходимо отметить, что плавание происходило в столь отдаленном и неизведанном в то время районе, который характеризуется сложными метеорологическими

---

¹ Д. М. Лебедев, Плавание А. И. Чирикова, стр. 125—126.

была составлена и подписана Чириковым и Елагиным. Впервые ее опубликовал член-корреспондент Академии наук А. В. Ефимов в 1950 году¹. Она была важнейшим итогом деятельности последних лет жизни знаменитого ученого и мореплавателя; карта обобщала результаты исследований, осуществленных многими русскими моряками в первой половине XVIII века.

Используя материалы плавания отряда, возглавляемого Шпанбергом, Чириков нанес на карту также северную часть японского острова Хоккайдо и ряд островов Курильской гряды.

Сведения, собранные мичманами Ртищевым и Шельтингом во время их плавания, позволили нанести на карту западный берег Пенжинского моря, начиная от Охотска, а та часть Северной Америки, которая лежит против Чукотского восточного угла между 65 и 68° с. ш., была перенята с карты геодезиста Гвоздева.

Еще большее значение имела «карта Генеральная Российской империи, северных и восточных берегов, прилежащих к Северному Ледовитому и Восточному океанам с частью вновь найденных через морское плавание западных американских берегов и острова Японы»².

Очень показательно, что в составлении этой карты участвовали все виднейшие руководители отдельных отрядов экспедиции: Степан Малыгин, Дмитрий Лаптев, Харитон Лаптев, Дмитрий Овцын, Сафрон Хитров, Иван Елагин. Таким образом, труд обобщения материалов экспедиции всецело выполнили русские морские офицеры. В техническом отношении карта была выполнена учителем Морской академии Иваном Красильниковым и учеником геодезии Расторгуевым. Она датирована 10 мая 1746 года. В основу этой обобщенной итоговой карты легли карты, выполненные вышеперечисленными офицерами флота в ходе работы экспедиции, что видно из вступительной части легенды.

Таким образом, карта отражает открытия, осуществленные русскими мореплавателями, начиная с 1725 по

---

¹ А. В. Ефимов, Из истории великих русских географических открытий, стр. 192—193.

² Архив древних карт ГУВМС СССР, портфель 14, № 4349. Об этой карте упоминает В. А. Перевалов в своей книге «Ломоносов и Арктика» (стр. 126); в последней работе также опубликована деталь Генеральной карты (стр. 265).

1742 год. Это документ большой исторической важности, подытоживающий результаты работы многих экспедиций за большой отрезок времени.

На карту нанесен значительный район, начиная от Архангельска до Курильских островов. Район от Архангельска до устья реки Оби положен по материалам капитан-лейтенанта Малыгина и лейтенанта Алексея Скуратова, побережье от устья Оби до устья реки Енисея положено по карте лейтенанта Овцына и Ивана Кошелева. Участок от устья Лены к западу до Северо-восточного мыса нанесен на карту по данным съемки, произведенной Харитоном Лаптевым с моря, а побережье от указанного мыса до устья Енисея было положено на карту по данным описи, произведенной Харитоном Лаптевым по побережью; от Якутска до устья Лены и далее побережье до Колымы и отсюда до устья реки Анадырь — по карте Дмитрия Лаптева. Им же была составлена карта восточного побережья Камчатки и берегов Пенжинского моря вплоть до Чукотского угла — с описаний, произведенных морскими офицерами в 1725 году. Земля, лежащая против Чукотского угла между 65—68°, положена с карты геодезиста Гвоздева. Западный берег Пенжинского моря от Охотска до устья реки Уды и Шантарские острова положены по описи мичманов Ртищева и Шельтинга; японские и часть Курильских островов до 38° с. ш. и восточные японские острова до 33½° с. ш. — по данным исследований Шпанберга и Вальтона. Северо-западная Америка и Алеутские острова были положены по описи офицеров пакетбота «Св. Павел» Чирикова и лейтенанта Елагина, причем на карте отмечены участки, которые были описаны Хитровым и Вакселем.

На карте точно указано место, откуда было начато описание северо-западной Америки. Чириков придавал открытию Америки большое значение, поэтому он точно определяет район, обследованный им: «дабы явно было, в каком расстоянии описанная Чириковым новообретенная часть Америки от известных американских берегов: того ради из тех известных мест под литерой S: положены Мозамблек и земля, лежащая в Калифорнии и прочие с карт норхихберхского географа Гоммана и астрономии профессора де ла Кройера».

Составленная под руководством Чирикова Генеральная карта Российской империи (северной и восточной ее

части) является ценным вкладом в русскую картографию, занявшую к этому времени ведущее место в мировой картографической науке. На составленной Чириковым Генеральной карте и частных картах русских мореплавателей — участников многочисленных экспедиций — зафиксированы великие географические открытия русских людей, совершенные почти за двадцать лет. Они являются свидетельством бесспорного приоритета русских в открытии северо-западной Америки и показателем огромной роли русских в развитии картографии.

Сам Чириков дал очень высокую оценку открытиям русских моряков и последующему обобщению материалов экспедиций, составлению карт. Он отмечал: «Понеже чрез две Камчатские экспедиции, отправленные... в 1725 и в 1733 годах по 1743 год открылось не на малой части земноводного глобуза много земель и островов, о которых до упомянутого времени было неизвестно, а ныне явственно показывают поданные в Адмиралтейств-коллегию упоминаемой экспедиции от морских офицеров карты, а ис тех всех мест открылись западные американские берега»¹.

Генеральная карта, так же как и частные карты — доказательство высокой научной подготовки русских морских офицеров, принимавших участие в ее составлении. Успех в составлении Генеральной карты говорит о том, что Алексей Ильич обладал большими организаторскими способностями. Он возглавил большую группу русских морских офицеров, направил их работу по правильному руслу. Можно смело сказать, что если бы Чириков не сделал ничего, кроме этой карты, то и тогда история сохранила бы его имя.

Хорошо зная важность составления карт Сибири и Дальнего Востока, Чириков горячо поддерживал известного русского геодезиста Петра Скобельцына, который в период своей работы в Восточной Сибири составил (в 1740 г.) карты Иркутской провинции и озера Байкал; его товарищи в это же время составили карты Якутского уезда и Камчатки².

Карты Чирикова и его славных помощников, карты Петра Скобельцына и других геодезистов в значительной мере способствовали тому, что в 1745 г. Академия наук

¹ ЦГАВМФ, ф. Головина, оп. 1, д. 1, л. 52.

² Л. С. Багров, Карты Азиатской России, Пг., 1914 г., стр. 22.

завершила важную многолетнюю работу по составлению «Атласа Российского». «Издание этого атласа поставило Россию в области географической науки на одно из первых мест в Европе... Европейские ученые очень сочувственно отнеслись к этой работе и в основу своих работ стали брать этот атлас»¹.

После обобщения всех материалов Второй Сибирско-Тихоокеанской экспедиции выявились недостатки указанного атласа. В 1757 г. М. В. Ломоносов, став во главе Географического департамента, приступил к подготовке нового «Исправнейшего Российского атласа»². Он тщательно изучил материалы русских экспедиций на Тихий океан и прежде всего материалы Чирикова и вместе с тем разработал обширную программу исследования Северного Ледовитого океана.

Все это свидетельствует об исключительном научном значении картографических работ А. И. Чирикова.

Обследование обширных просторов Сибири и Дальнего Востока, установление соотношения между Азией и Америкой, открытие путей к Курильским островам и Японии было возможно также потому, что в изучении этих земель участвовали русские крестьяне и промышленники, которым помогали коренные жители — якуты, чукчи, юкагиры, коряки, эскимосы, айны, курилы и другие.

Во время плавания к американским берегам Чириков сделал много ценных метеорологических наблюдений, определяя температуру воздуха, направление и силу ветра, давая точную характеристику туманов и видимости.

Характеризуя условия плавания в различных районах северной части Тихого океана, в особенности у берегов Аляски, Чириков отмечал: «во время ходу нашего от Камчатки до земли американской, которой продолжался через шесть недель и, хотя оное время состояло в июне — июле месяцах, и в половине июня были в ширине 46 градусах, точию всегда погода была весьма холодная, как в наших местах бывает в глубокую осень, и почти вседневные стояли великие туманы, только в некоторые дни в приближных часах к полудню совершенно ясных дней толко было три; также и во время бытности нашей по возврате в августе и сентябре месяцах больше стало быть дней

---

¹ Л. С. Багров, Карты Азиатской России, стр. 22.

² Там же, стр. 24.

ясных, а сильные ветры по обыкновению осеннему чаще стали веять (однако ж при берегах американских большая часть время стояло непогоды...)»¹. Из этого Чириков делал практический вывод: «по моему признанию удобнее время к плаванию по здешнему морю месяц август и половина сентября, нежели июнь и июль»². Выводы Чирикова о наилучшем сезоне для плавания в северной части Тихого океана совершенно верны, о чем свидетельствуют все, плававшие в этих водах. Поэтому наблюдения великого мореплавателя имели не только научное значение, но и служили ценным практическим руководством.

Алексей Ильич собрал большой фактический материал о глубинах океана у берегов Америки, определил в общих чертах наличие банок и отмелей у Аляски и Алеутских островов, отметил особенности грунта морского дна в разных районах. Весьма ценны его наблюдения о физико-химических свойствах морской воды.

Чириков первый из русских мореплавателей подметил, что морская вода обладает способностью свечения, хотя он не мог в полной мере объяснить причины этого явления. Его заслуга состоит в том, что он попытался разгадать тайну свечения и тем привлек внимание ученых к изучению данного явления.

Большое научное значение имели материалы, собранные Чириковым и другими участниками экспедиции о морских животных и птицах, населяющих Тихий океан, что обогатило различные области знания. Тщательные наблюдения, проводившиеся участниками экспедиции, не только представляют интерес для науки, но и имеют практическое значение для мореплавателей. Особенно широко пользовались этими данными военные моряки.

Как уже отмечалось, Чириков уделял большое внимание изучению морских течений, что нашло отражение в его шканечном журнале. Не имея специальных средств, он, разумеется, был лишен возможности глубоко изучить данный вопрос. Тем не менее, он дважды делал попытки определить характер морского течения в океане, что необходимо было знать для исправления курса корабля при плавании по счислению. Эти попытки не увенчались успехом, но характерную особенность течения у американских

---

¹ Экспедиция Беринга, стр. 284.

² Там же.

берегов ему удалось подметить. Говоря о своих наблюдениях за морскими течениями, Алексей Ильич отмечает: «идучи вперед, дважды течение моря пробовали, точию никакова течения не обрелось, а при берегах американских имеется течение моря в параллель берега с обычайным возвратом; а по возврате, за неимением малых судов, течения пробовать не можно было»¹.

Все сказанное свидетельствует о том, что Чириков был ученым с широким и разносторонним кругом интересов.

Богатый научный материал, собранный русскими мореплавателями во время Первой и Второй Сибирско-Тихоокеанских экспедиций и в последующие плавания в Северном Ледовитом и Тихом океанах, таил в себе очень ценные сведения, необходимые для изучения ряда природных явлений, их научного объяснения. Так, до середины XVIII века еще не было ясного представления о причинах, вызывающих перемены климата в различных частях земного шара. Гениальный русский ученый М. В. Ломоносов благодаря освоению фактического материала, добытого преимущественно русскими экспедициями, обратил внимание на то, что оттепели в зимнее время чаще всего бывают в пасмурные, ветреные погоды, а с прекращением ветра обычно наступают ясные, солнечные, но морозные дни. Ломоносов дал глубокое объяснение этим явлениям. «Оттепелей причина из происхождения и натуры ветров, которые мягким воздухом дышат, довольно явствует. Ибо по повседневым примечаниям известно, что жестокость мороза в воздухе из глубины моря дышащими бурями умягчается»². Обосновывая свое заключение, Ломоносов ссылается на метеорологические особенности русского севера, Охотска, Камчатки, Сибири и т. п.

Ломоносов далее отметил, что благодаря морскому ветру на Камчатке и британских островах не бывает сильных морозов, в то время как в Сибири даже в тех районах, которые находятся на одинаковых широтах с Камчаткой, «чрез всю зиму пронизательный мороз терпят и редко оттепели имеют». Михаил Васильевич объяснял это тем, что Сибирь отделена от теплых морских ветров со стороны Индийского океана горами, а Северный Ледови-

¹ Экспедиция Беринга, стр. 284.

² М. В. Ломоносов, Избранные философские произведения, М., 1950 г., стр. 224.

тый океан покрыт вечными льдами. Рассмотрев климатические явления в различных частях Европы и Азии, великий ученый сформулировал следующую важную закономерность: «Итак, открытые моря и от льду свободные в лежащий на себе зимою воздух больше теплоты сообщают, нежели матерая земля, мерзлым запертая черепом и засыпанная глубокими снегами, сквозь которые дыханию подземной теплоты путь затворен»¹.

Ценные наблюдения, сделанные русскими учеными о морских течениях, растительном и животном мире бассейнов Северного Ледовитого океана, северо-восточной части Тихого океана, северо-западной Америки, Сибири и Дальнего Востока, — способствовали развитию русской материалистической философии.

Большой заслугой Чирикова было то, что он создал дружный коллектив из русских морских офицеров, штурманов, геодезистов, которые понимали великое значение проводимой ими экспедиции. Алексей Ильич постоянно проявлял отеческую заботу о своих подчиненных, всячески поощрял наиболее отличившихся. Озабоченный тем, чтобы его бывшие подчиненные, переносившие вместе с ним все лишения, после его отъезда из Камчатки, не были обижены, он предложил Вакселю выплачивать служителям все, что «определено по регламенту, ничего не задерживая... впредь хлебного жалованья извольте требовать на служителей вперед помесечно, а на офицерских денщиков наперед же по третьям года».

Чириков хорошо знал своих подчиненных и высоко ценил труд любого честного человека, независимо от занимаемого им положения. О его чуткости к подчиненным, о его нравственном облике говорит следующий факт: в качестве писаря в экспедиции около десяти лет служил Иван Редин, присланный из Сибирской губернской канцелярии. После окончания экспедиции Алексей Ильич предложил отпустить Редина «в сибирскую канцелярию... или куды пристой будет... дав ему надлежащую рекомендацию, что он будучи долгое время при главных делах Камчатской экспедиции исправлял, что надлежало бы исправлять доброму секретарю со всяким прилежанием и неусыпным трудом беспорочно, о чем и от меня ему дана надлежащая по доброй совести моей рекомендация, пока

¹ М. В. Ломоносов, Избранные философские произведения, стр. 225.

же иного награждения за многие его труды учинить силы не имею»¹.

В другом месте своих записок он с возмущением говорит, что геодезисту Ивану Киндякову, произведенному в прапорщики, все еще выплачивают по три рубля в месяц, в то время как его товарищи по Морской академии, хотя и работают в Петербурге, но получают в два раза больше Киндякова.

Предлагая Вакселю добиться исправления этой несправедливости, Чириков подчеркнул, что Киндяков «за получением малого жалованья вошел во многие долги и претерпевает крайнюю нужду». Поэтому Чириков считал необходимым выделить геодезисту сто пятьдесят рублей «в счет заслуженного им по тому рангу денежного жалованья». Здесь же он дал Киндякову, который с исключительным усердием исполнял возложенные на него обязанности геодезиста, хорошую характеристику. Алексей Ильич писал: «Киндяков и в бытность свою в моей команде геодезическую должность исправлял изрядно и карты делал и снимал довольно, да и сверх того и расход денежной казны держал порядочно. Чего ради в прибытие мое в Петербург и я должен в государственную адмиралтейскую коллегию представить, чтоб к команде о пожаловании его в геодезии прапорщики и о даче ему против прочих бывших служителей в Камчацкой экспедиции денежного жалования послан бы е. и. в. указ»².

Во время экспедиции Чириков следил за тем, чтобы все матросы и офицеры получали положенное им жалованье. Так, когда лейтенанту Плаутину не выплатили назначенного ему содержания, Алексей Ильич немедленно написал об этом в Петербург.

Чувствуя неустанную душевную заботу своего начальника, матросы и офицеры самоотверженно переносили любые тяготы морской службы. Выполняя приказание командира, они не щадили сил, проявляли твердость духа и изумительную выносливость.

На судах, построенных русскими корабельными мастерами в Охотске и Петропавловске и обладавших отличными мореходными качествами, они совершили изумительные плавания. Английские же мореплаватели только

---

¹ ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 65, инструкция Вакселю, подлинник.

² Там же.

спустя пятьдесят лет смогли проникнуть в северные широты, где Чириков, Гвоздев, Федоров и другие сделали замечательные открытия. Во время плаваний в чрезвычайно сложных условиях русские моряки проявили необыкновенную волю к достижению цели и показали великолепное знание морского дела.

Во время плаваний отработывалась организация корабельной службы, на практике проверялась система воспитания и обучения матросов и офицеров. Итоги плавания свидетельствовали о том, что русские офицеры, получившие образование в Московской математико-навигационной школе или в Морской академии, по своей теоретической подготовке намного выше офицеров-иностранцев, находившихся на русской службе. Опыт Сибирско-Тихоокеанских экспедиций показал также, что плавание в суровых климатических условиях является лучшей школой морской выучки личного состава флота.

Русские моряки и ученые в результате рассмотренных экспедиций совершили то, чего не в состоянии были даже повторить в течение длительного времени мореплаватели иностранных государств. И это понятно. Чирикова и его славных соратников побуждало к подвигам великое чувство долга перед Отчиной. Русские морские офицеры в борьбе за достижение научных целей действовали с такой же целеустремленностью и самоотверженностью, с какой русские люди бились в морских баталиях и на бранном поле.

Английское и французское правительства очень пристально следили за открытиями русских в северо-западной части Тихого океана, что объяснялось далеко не научными соображениями. Англия и Франция поручали своим послам собирать всевозможные материалы и документы о деятельности Второй Сибирско-Тихоокеанской экспедиции. Выполняя волю своих хозяев, иностранные дипломаты выкрадывали журналы плаваний русских кораблей и карты, составленные русскими мореплавателями.

Еще во время Второй Сибирско-Тихоокеанской экспедиции английское правительство пыталось организовать несколько экспедиций для открытия пролива, разделяющего Азию и Америку. Так, в 1737 году Гудзонская компания поручила капитану Кристофору Мидльтоу совершить плавание в северные широты для исследования указанного пролива. Не найдя выхода из Гудзонского залива,

английский мореплаватель вынужден был прекратить экспедицию. Через четыре года он предпринял новое путешествие с той же целью, но также безрезультатно.

В последующие пять лет было предпринято еще несколько экспедиций, но все они заканчивались неудачей. После этого англичане в течение длительного времени даже не пытались проникнуть в северные широты, хотя английский парламент обещал щедро вознаградить мореплавателей, которые откроют северо-западный проход.

В 1746 году английское правительство организовало новую экспедицию, которая разделила участь прежних. Убедившись в том, что ни одна из английских экспедиций не дала нужных результатов, правительство Великобритании решило воспользоваться результатами исследования русских моряков, поручив своему послу в Петербурге Джону Гиндфорду любыми средствами достать материалы и документы об открытиях русских в северо-западной части Тихого океана. Не останавливаясь перед самыми мерзкими способами, Гиндфорд сумел выкрасть важные документы об экспедиции Чирикова и Беринга. С присутствием английским колонизаторам бесстыдством он сообщал статс-секретарю по северным делам лорду Филиппу Дормер-Стенгопу Честерфилду: «Во исполнение моих первых инструкций я постарался узнать, какие именно открытия сделало здешнее правительство в северо-восточной окраине России, и мне посчастливилось достать копию журнала и карту знаменитого капитана Беринга, который взял на себя исследование Камчатского берега и островов, лежащих по направлению Японии; я надеюсь быть в состоянии послать их Вашему сиятельству со следующим курьером; *но это надо держать в секрете*, ибо если Чернышев¹ узнает об этом, весьма многие будут отправлены отсюда заканчивать свои дни в той стране»².

Такие же приемы применяло и французское правительство. Путем шпионажа англичанам и французам удалось получить сведения о русских открытиях, что наносило большой ущерб как русской науке, так и государственным интересам России.

¹ Имеется в виду граф П. Г. Чернышев, чрезвычайный русский посол в Лондоне.

² Цит. по книге А. В. Ефимова «Из истории великих русских географических открытий», стр. 198—200 (подчеркнуто мной. — В. Д.).

Русское правительство, конечно, мало что знало об указанной враждебной деятельности этих государств. Однако оно не могло не учитывать международной обстановки. Как известно, то был период острой борьбы между Францией и Испанией, с одной стороны, и Англией — с другой, за захват новых колоний. Как было уже отмечено, англичане неоднократно стремились проникнуть в северную часть Тихого океана, чтобы разведать возможности завоевания этих русских восточных земель и овладеть неиссякаемыми богатствами Сибири.

В таких условиях, естественно, что сразу же после окончания Второй Сибирско-Тихоокеанской экспедиции русское правительство признало крайнюю необходимость проведения срочных мер по усилению безопасности Дальнего Востока.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ А. И. ЧИРИКОВА ПО ОСВОЕНИЮ И УКРЕПЛЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В мае 1746 года русское правительство поручило Чирикову, получившему назначение в Московскую контору Адмиралтейств-коллегии, составить до отъезда в Москву проект по укреплению Дальнего Востока. В решении Адмиралтейств-коллегии говорилось: «А в прошлом 1746 году вышеупоминаемой бывший в Камчатской экспедиции капитан Чириков по силе посланных от коллегии указов прибыл в Санкт-Петербург и прошедшего мая 29 дня по определению Адмиралтейств-коллегии велено ево определить в Москву по управлению адмиралтейских дел для присудствия, а не потребуется ль он, Чириков, по камчатским делам для рассуждения в Правительствующий сенат, того ради о тех камчатских делах велено ему Чирикову в коллегию прожект»¹.

В июне 1746 года Алексей Ильич представил в коллегию проект, в котором подробно излагались меры, необходимые для быстрейшего экономического и культурного освоения Дальнего Востока и укрепления его обороны². Все, высказанное Чириковым в этом очень важном документе, свидетельствует о том, что он правильно определил значение дальневосточных земель для России.

¹ ЦГАВМФ, ф. Головина, оп. 1, д. 1, л. 52.

² Там же. Частично этот проект был опубликован А. П. Соколовым в «Записках Гидрограф. департамента», ч. IX, 1851 г.

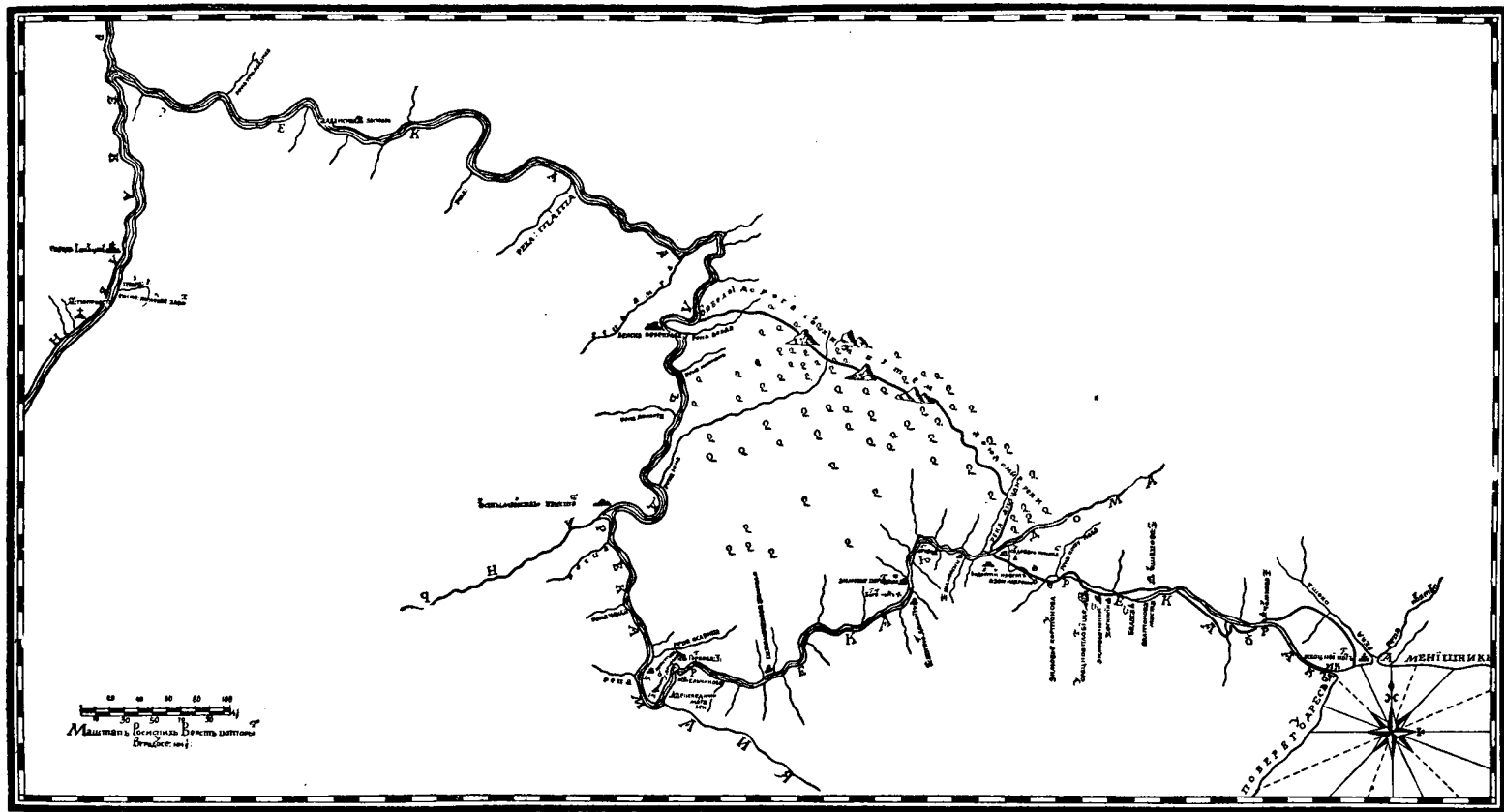
Чириков считал, что северо-западная Америка по праву первооткрытия является достоянием России. Вместе с тем он учитывал возможность посягательств на русские земли со стороны иностранцев. Отсюда Алексей Ильич хорошо понимал необходимость укрепления стратегических позиций русского государства на Тихом океане. Для этого, по его мнению, нужно было в первую очередь привести в русское подданство население северо-западной Америки: «не надлежало бы оные земли и острова оставить до такого произведения, чтоб прежде хотя на прилежащих от Камчатки американских берегах, обыскав удобное место, построить бы там крепость и приводить тамошних народов ласкою (употребляя осторожность, чтоб самих наших людей не повредили) в подданство державе Российской»¹.

Чтобы удержать в своих руках владения на Дальнем Востоке, Россия должна была постоянно иметь там свои военно-морские силы. В этой связи Чириков писал: «Но дабы сысканное чрез камчатские экспедиции совсем оставлено не было, того ради... на содержание Сибирской губернии употребить два судна из оставшихся от экспедиции». Здесь же Чириков указывает, что эти корабли необходимо укомплектовать хорошо обученными матросами, офицерами и штурманами. По мере открытия новых земель и островов Чириков в дальнейшем предлагал срочно сооружать такие крепости, которые могли бы отразить нападение вражеских сил. «Как при островах, так и при оной жилой земле осматривать гаваней и удобных мест ко убежанию с моря от жестоких погод, и при оной земле присматривать пристойных мест, где небольшую крепость сделать... и найдется ли близ той земли приличной островок, окруженный морем, где б, построя крепость, хотя бы и нападение было тоб оборониться можно»².

Большое стратегическое и экономическое значение Чириков придавал Курильским островам, которые были открыты русскими в начале XVIII века. Обладание этими островами открывало России свободный выход на Тихий океан, что могло помочь установлению торговых отношений с Китаем, Индией, Японией и другими странами. В то же время острова Курильского архипелага, в случае попытки иностранцев напасть на русские дальневосточные

¹ ЦГАВМФ, ф. Головина, д. 1, л. 53.

² Там же, л. 61.

Карта пути сообщения от Якутска по рекам Лене, Алдану, Мае, Юдоме до пристани Юдомский крест.
Составлена в 1737 году по указанию А. Чирикова.

земли, могли иметь серьезное значение. Но для этого нужно было укрепить их оборону. Алексей Ильич указывал на необходимость на одном из островов, лежащих между Камчаткой и Японией, отыскать удобное место для содержания морских судов, т. е. основать военноморскую базу. Эту мысль он выразил такими словами: «без препятствия можно крепость построить и служителей пристойное число содержать».

В целях укрепления безопасности дальневосточных земель он рекомендовал проводить поиски новых островов и земель, осуществляя всестороннее их изучение.

Как известно, бездорожье создавало большие трудности для освоения края, без решения дорожной проблемы нельзя было серьезно думать ни о развитии торгово-экономических связей с дальневосточными областями, ни об укреплении военного положения.

Освоение речных путей привело бы к усилению позиций России, облегчило бы установление связей с центральными областями России и способствовало бы быстрому заселению края. Широкое внедрение земледелия и животноводства призвано было сыграть решающую роль в экономическом развитии Дальнего Востока, а также способствовать развитию промыслов, торговли и проведению изыскательских работ с целью изучения естественных ресурсов края.

Чириков это хорошо понимал. И одной из важных мер он считал создание дорог и широкое использование речных магистралей — Амура с его притоками и реки Лены. Поэтому понятно, почему он в течение многих лет занимался изучением условий плавания по Лене, Ураку и другим рекам.

Особенно большое значение Алексей Ильич придавал использованию в качестве водной магистрали реки Амура. Он отмечал, что эта река протекает через местность с благотворным климатом «и впадает ниже пятидесяти градусов северной широты в Пенжинское или Камчатское море», что в верховьях Амура в него впадает река Шилка, на которой стоит город Нерчинск, являвшийся тогда важным торговым центром, через который русское купечество торговало с Китаем. По мнению Чирикова, Амур мог служить замечательной водной магистралью, которая связала бы Иркутскую губернию с Камчаткой и открыла бы широкие возможности для развития торговли

с Тихоокеанскими владениями России и с государствами, тяготеющими к Тихоокеанскому бассейну. Чириков при этом учитывал и международно-правовую сторону вопроса. Как известно, Амур на значительном своем протяжении является пограничной рекой с Китаем, ввиду этого Чириков рекомендовал правительству договориться с китайским двором «без нарушения с ним согласия и без пресечения происходящей комерции»¹ относительно использования этой реки для связей с Камчаткой. Вместе с тем он считал, что в устье Амура русские имеют возможность свободного и беспрепятственного плавания.

Чтобы вызвать к жизни Приамурский край, Чириков предлагал на свободных землях, простирающихся к северу, строить города и селения. Только это могло окончательно закрепить влияние России на берегах Тихого океана. Чириков подчеркивал, что использование реки Амур открывает большие перспективы для быстрого экономического и культурного развития края. «На северной стороне оной реки имеются свободные места для строения там города и довольного при нем селения жителей, ибо ко оному месту из Иркутской провинции провианты и всякие материалы можно б было без великого труда отправлять»².

Следовательно, Чириков сумел правильно выбрать место для создания экономической и культурной базы, призванной служить делу распространения на Дальнем Востоке передовой русской культуры.

Большой размах экспедиций в первой половине XVIII века был, в частности, возможен благодаря тому, что значительные районы Сибири в экономическом отношении были уже освоены. Здесь имелись материальные предпосылки, позволявшие удовлетворять потребности Первой, в особенности Второй, а также последующих экспедиций. Решающее значение в снабжении Якутска, Охотска, Камчатки имел Илимский край. «Илимская пашня была основой снабжения всего северо-востока Сибири, включая Якутск, Охотск и Камчатку. Тем самым она являлась базой, на которую опирались русские, овладевая северо-восточной Сибирью», — отмечает Шерстобов³.

¹ ЦГАВМФ, ф. Головина, д. 1, л. 65.

² Там же, стр. 66.

³ В. Н. Шерстобов, Земледелие Северного Предбайкалья в XVII—XVIII веках, Материалы по истории земледелия СССР, Сборник I, М., 1952, стр. 281.

Как правильно отмечает тот же автор, в освоении Восточной Сибири — исключительны заслуги народных масс России. «Утверждение русской государственности в Ангаро-Илимско-Ленском крае и на крайнем северо-востоке континента явилось следствием не столько военных мероприятий воевод, сколько мирной трудовой героики пашенных крестьян»¹.

Интересы дальнейшего хозяйственного и культурного освоения вновь открытых земель на Тихом океане и северо-западной Америки настоятельно требовали продвижения земледелия дальше на восток.

А. И. Чириков не только отчетливо понимал значение этой задачи, но и обосновал возможность ее решения. По его мнению, наиболее благоприятные условия для земледелия были в Приамурье.

Алексей Ильич высказывал мысль о том, что земли Приамурского края плодородны, а климатические условия позволяют выращивать земледельческие культуры, поэтому он рекомендовал «сеетевой хлеб умножить». Развитие земледелия, по мнению Чирикова, должно было создать благоприятные предпосылки для установления торговых отношений с Японией.

Без укрепления влияния России на Амуре, отмечал Алексей Ильич, «вновь найденные от Камчатки в восточной стороне земли и острова овладеть и в подданство российской державе невозможно ж привести»².

Доставлять продовольствие и всевозможные материалы в Охотск Чириков предлагал по известному тогда маршруту: по Лене до Юдомского креста, а оттуда в Охотск. По его расчетам ежегодно нужно было доставлять в Охотск по три тысячи пудов. Чириков, зная что каждое судно могло взять на борт по пятьсот пудов груза, считал, что для доставки продовольствия требовалось не менее шести судов. Доставив грузы до Юдомского креста, корабли могли осенью возвратиться в Якутск. Для перевозки грузов из Юдомского креста, по расчетам Чирикова, там необходимо было содержать 25 «рабочих людей и до пятидесяти аленей». Весной же в Уракское селение он предлагал выделить еще двадцать плотников, поручив им построить лодки, на которых в мае можно было бы переправить грузы в Охотск по Пенжинскому морю.

¹ В. Н. Шерстобоев, Указ. соч., стр. 281.

² ЦГАВМФ, ф. Головина, д. 1, стр. 66.

Чтобы развить судоходство по Пенжинскому морю, Чириков внес предложение о необходимости тщательно изучить навигационные условия на этом море. Еще в 1743 году он посылал мичмана Хметевского для подробного исследования «оных мест». Так как Чириков с Камчатки уехал, о результатах работы Хметевского сведений у него не было. Морской путь по Охотскому морю Чириков предлагал использовать также для снабжения Анадырского острога, где в то время находился гарнизон под начальством Павлутского. «И буде в Пензе реке или близ оной сыщутся добрые пристани, то провиант на команду Павлутского весьма способно будет на судах отправлять. Отсюда без труда провиант можно перевести на аленях, которых у коряков имеется большое количество»¹. Чириков подчеркивал, что доставлять провиант Анадырскому гарнизону по морскому пути более целесообразно. Использование речного и морского пути могло облегчить тяготы якутов.

Во время Первой и Второй Сибирско-Тихоокеанской экспедиций Чириков неоднократно становился свидетелем произвола русских купцов и чиновников, которые за безделушки приобретали ценные меха и другие товары. Некоторые служилые люди, чувствовавшие себя господами положения, взимали с местного населения большой ясак. Нередко местные жители не выдерживали этого гнета, нападали на царских чиновников и убивали их.

Алексей Ильич, считая, что непомерные поборы могут ослабить позиции России на Тихом океане, выступил с предложением об ограждении прав коренных жителей, для чего в первую очередь, по его мнению, нужно было упорядочить взимание ясака. Так, Алексей Ильич писал: «Дабы тамошние природные жители якуты, тунгусы, каряки, камчадалы и протчие ясашные люди иркутскова, якутскова и охотскова подсудствия не были от русских служилых людей напрасно обижены и озлоблены, то надлежит их удержать, дабы в улусы их без указа своей корысти не ездили, а когда пошлются для ясашного збору от комиссаров для протчих необходимых городовых дел, тоб отнюдь у них ничего не отнимали и самовольно б не брали, также ничем бы их по тамошним обычаем для своих прихотей против желания ясашных не должны»².

¹ ЦГАВМФ, ф. Головина, д. 1, л. 66.

² Там же, л. 72.

Развивая свое предложение, Чириков советовал сложить подушную подать со служилых людей, хотя бы с тех, которые находятся «в самых дальних острогах», «дабы оные будучи в свободности от подушнова платежа и ясачных людей... ничем не обижали, и дабы... аманатами излишне их не отягчали». Особенную заботу он проявляет о жителях, принявших христианство и русское подданство. А. И. Чириков неоднократно писал, что коренные жители, показавшие верность России и принявшие христианство, должны получать всевозможные льготы. «У тех по рассмотрению тамошних воевод и главных управителей аманатов неимать и объявить им за то милость, чтобы они наилучше ясак платили, а за принос дорогих зверей в казну... тем принощикам определить надлежащее награждение»¹.

Хорошо для своего времени изучив естественные богатства Сибирского края, Чириков отмечал, что наибольшую ценность представляют различные породы пушных зверей, которые весьма здесь распространены. Развитие охотничьих промыслов, по убеждению Чирикова, должно было принести большие прибыли казне. Но в этом деле многое нужно было упорядочить. Царские чиновники при покупке мехов давали охотникам очень низкие цены. Выступая против произвола служилых людей, Чириков предлагал потребовать от них, чтобы товары оценивали «настоящей ценой».

Во время пребывания на Дальнем Востоке русским мореплавателям бросилось в глаза то, что с населения Колымы, Чукотки и Анадыря, как об этом неоднократно сообщал Дм. Лаптев, требовали платить ясак лисицами. С жителей же других районов Сибири, где водились лисы, требовали соболей. За одну лису приходилось платить по 3 р. 50 коп., а в казну сдавать по 2 рубля. Между тем в указанных местах лисиц было очень мало. Чтобы уплатить ясак, местные жители вынуждены были покупать лисий мех там, где этот зверь водился в достаточном количестве. Это наносило большой ущерб экономике края, вызывало недовольство местных жителей, что в конечном счете ослабляло влияние России на Дальнем Востоке. Понимая, что все это может повлечь за собою нехорошие последствия, Алексей Ильич требовал при определении

---

¹ ЦГАВМФ, ф. Головина, д. 1, л. 73.

ясака строго учитывать характер местных экономических условий: «а в которых местах нет соболей, ...там бы брать такими зверями, какие там имеются: лисицами, песцами, голубыми и белыми горностаями и белками»¹.

В экономическом и политическом устройстве нового края Чириков большую роль отводил воеводам. Пробыв длительное время на Востоке, он наблюдал, что нередко воеводы, командиры острогов больше заботились о собственном благополучии, чем об интересах государства и нуждах местного населения. Его до глубины души возмущало поведение начальника Охотского края Девиера и ему подобных, которые использовали свое пребывание на Дальнем Востоке для личного обогащения. Эти люди наносили большой вред освоению края. Коренные жители края, а также русские крестьяне и казаки боролись против произвола воевод и чиновников, нередко поднимали восстания. Конечно, Чириков не понимал социального смысла народной борьбы, но, будучи истинным патриотом, болевшим за судьбу своего государства, он стремился сделать все для того, чтобы пресечь злоупотребления, защитить население от произвола царских чиновников. В своих предложениях он говорил о том, что воевода или командир должен быть человеком честным, порядочным, хорошо знакомым с особенностями экономики Приморской области.

Указывая на большую роль начальника Охотского края, Чириков писал: «Не токмо для порядочного на острова отправления, но и для всего в Охотске и на Камчатке доброго содержания, наивящая нужда есть, чтоб там командир или воевода был добросовестной, к прибыткам не лакомый и не лихоимственный человек и радетельный к исканию интереса е. и. в. и общей пользе подчиненных ему тамошних природных жителей и русских людей»².

Учитывая особенности Охотского края, как приморского, Чириков считал, что воевода, назначенный для его управления, должен знать морское дело: «Охоцк и Камчатка суть места приморские, — писал он, — того ради не примется ль за благо туда посылать командиров из отставных офицеров, которые при отставке маэорские или

---

¹ ЦГАВМФ, ф. Головина, д. 1, л. 73/об.

² ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 48, лл. 723/об. — 744.

флота лейтенантские чины получили, из ведомых добрых людей»¹.

На должность управителя Камчатки Чириков рекомендовал назначить кого-нибудь из якутских жителей или из служилых людей Охотска, удовлетворяющих вышензложенным требованиям. В этом же рапорте он внес предложение о назначении камчатским управителем якутского дворянина Федора Амосова, пользовавшегося хорошей репутацией среди местного населения. Характеризуя Амосова, Чириков отмечал: «якуцкие жители сказывают, что на него никогда и ни от кого челобитья не было, и где б у дела ни был, то тех мест обыватели весьма им довольны и просят, чтоб и опять ему быть у них начальником, то несоблаговолено ль будет оного Амосова на Камчатку послать»².

В похвальном отзыве Чирикова об Амосове главное внимание обращается на моральные и нравственные качества управителя. Это свидетельствует о прогрессивных взглядах Чирикова. По мнению Алексея Ильича, установить правильный образ управления краем может только такой воевода, который является для других примером, достойным подражания.

В своих предложениях Чириков подробно останавливается на основных обязанностях охотского воеводы. Задача первостепенной важности заключалась, по его мнению, в том, чтобы исследовать и описать малоизученное побережье Охотского моря, что дало бы возможность найти более удобные, по сравнению с Охотском, места для устройства базы флота. Чириков разработал программу таких исследований, в которой он предлагал поручить штурманам и геодезистам обследовать побережье от Охотска к востоку на 200—300 верст и к западу до реки Уда, дать подробное описание этих районов, установить «куда тот морской берег простирается и осмотреть, не находятся ль где удобные гавани к лучшему хранению морских судов, нежели при Охоцком устье; понеже там содержатся суда по нужде». Здесь Чириков учитывал то, что в летние месяцы река Охота сильно высыхала и «большим судам за мелкостью в Охотское устье входить невозможно»³.

В свое время Алексей Ильич описал побережье

¹ ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 48, лл. 723/об. — 744.

² Там же, л. 743/об.

³ Там же, л. 744.

Пенжинского моря, но для устройства торгового и военного порта необходимо было более тщательно изучить бухту, измерить глубины, установить характер и направление течения. Кроме того, требовалось собрать сведения о районе, прилегающем к месту, избранному для нового порта. Основываясь на опыте прошлого, Чириков находил, что обследовать и изучать береговую полосу целесообразно не с моря, а с суши. В этой связи он писал, что «с моря верно описать и гаваней осмотреть гораздо не так способно, как следующему по самому берегу, а как гавани найдутся, то можно и проход из них в море осмотреть и вымерить»¹. Только при таком способе возможно наиболее всесторонне обследовать береговую полосу на значительную глубину, установить, на каком расстоянии от бухты находится лес, и какой он. Для этой же цели Чириков рекомендовал проводить описание штурманам совместно с геодезистами: «чего ради геодезистов от иркуцкой провинции послать можно, чтоб со служителями штурманской должности общую сию опись зделали, и ежели найдутся лутче Охоцкого гавани, то там морские суда содержать и пристани там иметь»².

В своих предложениях Алексей Ильич большое внимание уделил морскому промыслу, являвшемуся важнейшей отраслью экономики края. Охота за морским зверем давала казне значительные доходы, и Чириков считал, что эта отрасль хозяйства должна пользоваться поддержкой со стороны правительства и местных властей.

Для изучения естественных ресурсов северной части Тихого океана Алексей Ильич предлагал использовать находившиеся на Камчатке два мореходных корабля, экипажи которых должны были состоять из матросов и служилых людей, а для морского промысла он рекомендовал набирать охотников и «подчинить оных всех штурманам». Определяя район исследования и морского промысла, Чириков советовал, чтобы суда первоначально шли к островам, расположенным восточнее Камчатки, а в следующее лето, «или когда способное время к тому иметь будут и к югу также, и на котором острове найдут довольно бобров морских или земных зверей, лисиц и соболей, там бы оные и промышляли, к тому же збирали бы и китовые усы»³.

¹ ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 48, л. 744.

² Там же.

³ Там же.

Чириков считал нужным награждать промышленников за успешное освоение промыслов и установил для них соответствующую систему поощрения: «и чтоб к тому лучшую охоту имели, то из бобров, соболей, лисиц и китовых усов брать в казну две трети, а третью часть отдавать им (промышленникам. — В. Д.) и делить всем промышленникам и рядовым, кои будут на судах и с той третьей части поровну, а прочие кожи нерпьи, китовые и жир делить меж служителями и служилыми людьми»¹.

В разработанной Чириковым системе поощрения учитывались интересы казны и в то же время создавалась материальная заинтересованность для промышленников и моряков, управлявших кораблями. По мнению исследователя, организация промыслов должна была осуществляться государством, которое устанавливало бы строжайший учет всего того, что добывали промышленники.

Весьма показательно указание Чирикова о том, как нужно относиться к местному населению в случае, если охотники встретятся с ним на островах. В противоположность испанским, португальским, французским и английским путешественникам, которые в целях безудержного обогащения грабили народы посещаемых ими стран, Чириков говорит о необходимости гуманного отношения к местному населению: «Ежели, паче чаяния, найдут где жителей, то с ними поступать ласково, и отнюдь никаких обид им не чинить и увещевать их в подданство... и давать им недорогие гостинцы, например, котлы железные, каралки, бисер, иглы и прочее недорогое, усматривая, что им приятнее будет для приласкания»².

Алексей Ильич справедливо считал, что только при самом дружественном отношении к коренным жителям возможно установить с ними торговые и культурные связи. В ряде мест его проекта подчеркивается, что промышленники не должны применять мер принуждения, а стараться гуманными методами добиться расположения и доверия людей и на основе этого установить с ними торговлю. По этому поводу далее говорится: «насопротив того от тамошних жителей велеть требовать в казну бес принуждения и не похотят ли дать чего в знак доброжелательства от своих вещей, ежели есть у них что нарочитое из зверей

---

¹ ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 48, л. 744/об.

² Там же.

или паче чаяния и иное что, а неволею отнюдь не брать, чтоб ни к малому озлоблению их ни привести» (подчеркнуто мной. — В. Д.). Таким образом, Чириков намечал прогрессивные для того времени пути экономического освоения края.

Исследование Америки Чириков считал особенно важной задачей. Экспедиции, направляемые на Алеутские и Курильские острова, должны были, продвигаясь к востоку, «хотя бы на третье лето дойти бы и до той земли, которая от нас найдена служителями в тысяча пяти стах верстах от гавани святых апостол Петра и Павла... и поступать с тамошними жителями со всякою ласкою»¹.

Учитывая печальную участь Дементьева и пропавших вместе с ним матросов, Чириков подчеркивал необходимость максимальной осторожности и осмотрительности, чтобы русские люди не попали в руки «американцев».

В задании, разработанном им для будущей экспедиции к американским берегам, Алексей Ильич обращал особое внимание мореплавателей на то, насколько важно, по возможности, собирать наиболее полные сведения о нравах, быте и обычаях коренных жителей американского материка. В этом задании указывалось, что моряки, посланные в экспедицию, должны примечать, какое платье носят жители, чем питаются и какое имеют оружие.

Чтобы ускорить экономическое и культурное освоение северо-западной Америки и приобщить местное население к русской культуре, нужно было в этом крае иметь торговые гавани. Для этой цели требовалось найти удобные бухты, защищенные от ветров. В этих бухтах корабли могли бы укрыться от «жестоких погод». Такие порты, по мысли Чирикова, должны были прикрываться крепостями: «При оной жилой земле присматривать пристойных мест, гдеб небольшую крепость зделать»².

В другом месте Чириков высказал мысль о крайней важности укрепить остров, прикрывавший подход к порту на материке с моря. В его рапорте по этому поводу говорится: «не найдется ль близ той земли приличной островок, окруженный морем, где б построя крепость, хотя б и нападение было, тоб обороняться можно»³.

Из этого следует, что для прочного закрепления влия-

¹ ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 48, л. 744/об.

² Там же, л. 745.

³ Там же.

ния России на землях, принадлежащих ей по праву первооткрытия, Чириков намечал создание системы укрепленных пунктов, что должно было обеспечить надежную оборону этих русских владений как с суши, так и с моря.

Считая, что любое плавание в Тихом океане должно ставить себе целью решение научных задач по изучению малоисследованных земель, Чириков писал, что моряки должны примечать и тщательно записывать все достойное внимания. Для этого штурманам и их помощникам должно быть дано категорическое указание: «в плавании с острова до острова верный журнал держать, с которого б можно и обстоятельную карту учинить»¹.

При наличии благоприятных условий, судам рекомендовалось идти вплоть до той части американского материка, которую обследовал в 1732 году М. С. Гвоздев. Отметив сложность плавания в широтах выше 64°, вследствие холодного климата и постоянных туманов, Чириков высказал мысль о целесообразности изучения этого района, где, по данным русских мореплавателей, имелось много пушного зверя. Высказывая свое предложение, он писал: «точно слух обносится, будто имеется на ней много соболей и протчих зверей, для подлинного осведомления сходить бы и к той земле»².

Для плавания в указанный район Чириков предлагал построить два корабля, «на оные командирами определить боцманматов или добрых квартирмейстеров, у которых бы компасы тверды были, да при них по два человека матросов». Всю ответственность за подготовку экспедиции и ее снаряжение он предлагал возложить на «Камчатского управителя».

В том случае, если правительство не нашло бы возможным послать экспедиции к берегам Америки, Алексей Ильич рекомендовал организовать промыслы на Курильских и Алеутских островах. Для этих целей можно было использовать малые суда.

Большая заслуга русских людей заключается в том, что они распространили в Сибири и на Дальнем Востоке более высокие формы производства. Если коренные жители этого края занимались охотой и промыслом, то русские крестьяне и казаки, переселившиеся сюда, сразу начинали заниматься земледелием и животноводством.

¹ ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 48, л. 745.

² Там же.

Чириков, Крашенинников и многие другие лучшие представители русского народа не только внимательно изучали опыт по выращиванию хлебных злаков и овощей, но и сами проводили посеы ячменя, ярицы и других культур. Подобные опыты проводились в различных районах в течение длительного времени. Обобщив фактический материал, который был собран за много лет, Алексей Ильич пришел к твердому убеждению в том, что в ряде мест Дальнего Востока земледелие может стать главной отраслью хозяйства. Убежденный в обоснованности и правильности сделанных им выводов, Чириков писал в своем рапорте: «Стараться развести хлебопашество, особенно у Верхнекамчатского острога, которое место признается удобнейшим». Алексей Ильич с присущей ему настойчивостью требовал, чтобы крестьянам оказывали всяческую поддержку и, в первую очередь, снабжали их доброкачественными семенами.

Чириков был уверен, что ярица и ячмень могут произрастать на Камчатке — «чего ради послать туда онаго на семена четвертей до десяти и велеть хранить в дороге, чтоб не намочить и не погноить... ежели ячмень и ярица будут там умножаться, тогда туды ис тобольских слобод перевести сколько надобно будет крестьянства: к тому же послать туды на житье ис подлых людей, осуждаемых за вины в ссылки, и тем от времени до времени умножить сеетеву хлеба»¹.

Чириков ратовал за розыски местонахождений золота, серебра, меди. Так, в рапорте от 7 ноября 1737 года Беринг писал, что найденная в 1736 году капитаном Чириковым и шкипером Белым руда была отправлена проф. Гмелину для анализа. Последний, прекрасно понимая значение полезных ископаемых для промышленного развития края, сообщил, что «на пробе де ни в которой из оных руд ни золота, ни серебра, ни меди не явилось, а токмо во всех явилась сера горячая и по ево де рассуждению от оных руд и пользы иметь невозможно»². Но Чириков продолжал поиски. Он был уверен, что в недрах Сибири имеются богатые залежи руд. «Понеже Сибирь как пространством велика, что одна всей Европе равняется, то не дивно в ней быть, где ни есть, богатым рудам и протчему».

---

¹ ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 48, л. 747.

² Там же, д. 28, л. 1.

Он гордился тем, что благодаря усилиям русских людей огромные просторы Сибири стали неотъемлемой частью русского государства.

Высказывая уверенность в том, что Сибирь имеет неисчислимые богатства, Чириков предложил программу исследовательских работ. Обследовать необозримые территории Сибири только силами научных экспедиций он считал невозможным и, как ему было свойственно, сделал смелое и вполне осуществимое предложение: к поискам полезных ископаемых привлечь местных жителей, обязав их сообщать обо всем, что им удастся увидеть. Сам он часто обращался к промышленникам с просьбой вести записи всего примечательного, что им встретится на пути.

Особенно большую пользу в этом деле могли принести жители, ведущие кочевой образ жизни. Проникая в самые отдаленные и глухие места, они имели возможность обследовать значительные пространства Сибири. В своем рапорте он писал, что воеводы должны объявить сибирским народам, «чтоб они во всегдашних переходах своих на место примечали, не сыщется ли где гор или меж осыпающихся гор же глыб или обломков таких видом, каковы видом же и качеством богатые серебряные и золотые руды, и чтоб они наломав от тех же гор или набрав глыб и в города и остроги фунта по два по три или сколько надобно для малых проб приносили»¹.

Чириков подчеркивал, что в случае обнаружения серебра и золота необходимо принимать меры для сохранения этого открытия в тайне. Далее он указывает, что нужно отдать повеление туземцам отыскивать «глыбы, в каких медная и оловянная руда имеется», а также краски «отменные от простых, светлые камни». Образцы руд и камней Чириков предлагал воеводам отправлять в города на исследование.

Чтобы заинтересовать кочевников в розыске руд, Алексей Ильич рекомендовал поощрять местных жителей, отличившихся в изысканиях: «давать пристойное награждение смотря по доброту той вещи»².

В своих предложениях Чириков затронул множество важных и интересных проблем. Так, во время своего многолетнего пребывания на Дальнем Востоке, он наблюдал,

---

¹ ЦГАВМФ, ф. Головина, д. 1, л. 75.

² Там же.

что частые лесные пожары наносят огромный вред лесному и пушному хозяйству и потому предлагал принять меры для охраны лесов от пожаров.

В этой связи он высказал ряд ценных практических советов. Например, он писал: «дабы повелено было во всех тамошних городах публиковать, чтобы приезжая на промыслы ходящие люди, ежели ради какой потребности, огни раскладывать будут, тоб смотрели, чтоб онаго в сухие погоды ветром не разнесло, и чтоб с станов не залив огней не отъезжали и не отходили, также где есть жнив и ветошей травных отнюдь не выжигали б, а ежели ж такие пожары от внезапного случая произойдут: как-то делается иногда от молнии и грому и тоб, ежели возможность будет, гасили б»¹.

Во время Второй Сибирско-Тихоокеанской экспедиции на Камчатке было положено начало школьному образованию. Первыми основателями школ явились Чириков и Беринг. Много сделала для распространения просвещения, начиная с 1745 года, миссия Иосафа Хотунцевского в составе семи студентов Московской славяно-греческой академии. Так, в письме от 5 апреля 1748 года Хотунцевский сообщал, что в разных местах Камчатки открыты три школы, в которых обучалось 203 человека; камчадалы проявляли большой интерес к русскому языку и способности в его изучении. О дальнейших успехах просвещения среди местного населения писал иеромонах Пахомий, возглавивший духовную миссию в 1750 году².

Большие перемены в быте местного населения Камчатки под влиянием русских отметил также С. П. Крашенинников: «ныне во всем последовала великая перемена, — писал он. — Старые, которые крепко держатся своих обычаев, переводятся, а молодые почти все восприняли христианскую веру и стараются во всем российским людям последовать, насмехаясь житию предков своих, обрядам их, грубостию и суеверию... Во многих местах не токмо у тойонов, но и у простых людей построены избы и горницы по российскому обыкновению... заведены там и школы, в которые сами камчадалы охотно отдают детей своих». Интересные сведения сообщает Крашенинников о том, что ительмены шили себе одежду по русскому об-

---

¹ ЦГАВМФ, ф. Головина, д. 1, л. 75.

² Сибирский вестник, № 17—18, 1822 г., стр. 113.

разцу. Например, женщины стали носить телогреи и юбки, рубахи с манжетами, «чепцы и золотые ленты, а своим разве токмо не гнушаются, которым лет по 80 от роду».

Таким образом, русские люди оказывали самое всестороннее влияние на местное население Дальнего Востока, приобщая его к передовым формам хозяйства, новой культуре и быту.

С открытием путей к Америке и с включением открытых русскими в Тихом океане островов в систему политических, экономических и культурных связей русского государства Россия становится тихоокеанской державой.

Правильно оценив стратегическое значение Дальнего Востока и предвидя возможность посягательств со стороны иностранных завоевателей, Чириков разработал мероприятия по созданию прочной обороны края. Следовало создать опорные пункты на Курильских островах и в Америке, на Камчатке и Амуре, на Чукотке и побережье Охотского моря, что надежно обеспечило бы безопасность владений России на Тихом океане и прочно закрепило бы исторические права России на земли, открытые русскими людьми. Претворение в жизнь предложений знаменитого мореплавателя создало бы сильную преграду для иностранных агрессоров. Осуществление предложения Чирикова по экономическому освоению дальневосточных владений России способствовало бы укреплению дружественных отношений русских с многочисленными народами края, приобщению их к культуре великого русского народа.

Отважные русские мореплаватели за сравнительно короткое время накопили огромный опыт плавания и научной работы в исключительно трудных условиях Севера, создали целую школу замечательных моряков и ученых, обогатили русскую, а стало быть, и мировую науку великими открытиями. Сибирско-Тихоокеанские экспедиции открыли северо-западную Америку и положили начало русскому мореходству на Тихом океане. Вместе с тем, эти и другие экспедиции намного ускорили освоение и внутреннее развитие края, вызвав необходимость решения ряда новых задач, связанных с организацией и обслуживанием экспедиций.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Великие географические открытия русского флота на Тихом океане, совершенные в первой половине XVIII века, имели большое социально-политическое и научное значение.

Экспедиции, осуществленные под руководством Беринга и Чирикова, способствовали укреплению позиций России на Тихом океане, ускорению развития торговых связей, накоплению средств производства, что являлось важной предпосылкой для возникновения капиталистического производства в России.

«Внезапное расширение всемирного рынка, — писал К. Маркс, — умножение обращающихся товаров, соперничество между европейскими нациями в стремлении овладеть азиатскими продуктами и американскими сокровищами, колониальная система — все это существенным образом содействовало разрушению феодальных рамок производства»¹.

Сибирско-Тихоокеанские экспедиции по своему размаху и результатам являются выдающимися событиями в истории великих географических открытий. Большая заслуга в их осуществлении принадлежит русскому моряку-ученому Алексею Ильичу Чирикову. Изучение советскими учеными материалов экспедиции подтверждает глубокий вывод М. В. Ломоносова о том, что «Чириков был главным». И не потому, что он достиг Америки на 1—1,5 суток раньше чем Беринг, а потому, что он еще до Первой экспе-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIX, ч. 1, стр. 360.

диции правильно определил местонахождение Америки и указал кратчайший путь к ней. А. И. Чириков отстаивал эту правильную точку зрения и при организации Второй экспедиции. Наконец, приняв руководство экспедицией после трагической смерти Беринга, Чириков довел до конца ее научное задание, составив замечательную карту морского похода обеих групп американской экспедиции¹.

Плавание к берегам Америки стоило участникам экспедиции нечеловеческих усилий и больших жертв, но вместе с тем оно явилось торжеством отечественного судостроения, мореходного искусства и высокой выучки личного состава русского флота.

Чирикову принадлежит приоритет в открытии Аляски. Он же первый подвел итоги научным исследованиям Тихого океана, осуществленным им самим, его соратниками и предшественниками.

Основание Берингом и Чириковым Петропавловска-на-Камчатке сыграло огромную роль в укреплении дальневосточных границ нашего государства и отражении посягательств иностранных завоевателей на русские дальневосточные земли. Петропавловск-на-Камчатке являлся также научной базой многочисленных экспедиций, принятых русским флотом в XVIII и XIX веках для исследования северо-западной Америки, Курильских и Алеутских островов и т. д.

Открытие северо-западной Америки и Алеутских островов, описание ряда Курильских островов, а также картографирование всей северо-восточной части Тихого океана — все это создало предпосылки для более быстрого освоения нового края.

В результате двух экспедиций русского флота в Тихий океан, завершившихся замечательными открытиями, и последующего укрепления там своего влияния, Россия создала преграду, которая вплоть до середины XIX века препятствовала распространению экспансии западноевропейских государств и США на северо-восточную часть Тихого океана.

Исследования русских моряков в период Сибирско-Тихоокеанских экспедиций явились прочной основой для последующих экспедиций в Тихом океане, которые полу-

---

¹ А. В. Ефимов, Из истории русских экспедиций на Тихом океане, стр. 174—175.

чили широкий размах в первой половине XIX века. Россия по праву заняла ведущее место в географических открытиях. Все исследователи последующих поколений опирались на большой опыт, накопленный русскими моряками во время экспедиций Беринга и Чирикова. Они восхищались точностью наблюдений Чирикова и других русских исследователей. Не случайно Академия наук в день двухсотлетия Морского кадетского корпуса (1901 г.) среди первых воспитанников, выпущенных Морским корпусом, назвала имя Чирикова и других офицеров, трудившихся вместе с Алексеем Ильичем во имя обогащения русской науки. В приветствии, в частности, говорилось: «Велики заслуги питомцев Морского кадетского корпуса, геройски защищавших отечество в години испытаний и блестящими победами поддерживавших могущество России; но не менее славны их деяния на пользу науке: в истории ее навсегда останутся памятны имена Чирикова, Прончищева, братьев Лаптевых и других участников Великой Сибирской экспедиции, а также Беллинсгаузена, Крузенштерна, Коцебу, Литке и еще многих славных русских моряков, научные открытия которых поставили их наряду с замечательнейшими мореплавателями всего мира».

После Второй Сибирско-Тихоокеанской экспедиции плавания стали принимать систематический характер. Морской путь, связывающий Камчатку с Америкой, постепенно стал самым оживленным в то время.

Первоначально промыслы проводились в районе Командорских, Курильских и Алеутских островов. После Чирикова и Беринга первое плавание предпринял сержант Нижнекамчатского острога Емельян Басов. Построив небольшое судно на средства одного московского купца, он летом 1743 года отправился к острову Беринга. Перезимовав здесь, он весной следующего года возвратился на Камчатку с большой добычей. В том же году Басов предпринял второе плавание на этот же остров.

В 1746 году группа купцов построила судно, на котором селенгинский купец Андриан Толстых совершил плавание в целях поиска новых районов пушнины. Спустя тринадцать лет промышленник Глотов впервые после Чирикова успешно достиг островов Умнак и Уналашка, входящих в Алеутскую гряду. В 1761 году иркутский купец Иван Бечевин побывал на полуострове Аляска.

Успешные плавания промышленников побудили русское правительство вновь обратиться к Тихому океану. Однако решающее влияние на политику правительства оказала угроза английской экспансии на Дальнем Востоке, усилившаяся особенно после Семилетней войны 1756—1763 годов. Осуществляя свой традиционный принцип «вести войну чужими руками», англичане сумели тогда силами войск Фридриха II сковать своего соперника на континенте Европы Францию и отторгнуть от Франции Канаду, захватить ряд испанских островов в Вест-Индии, овладеть Манилой на Филиппинских островах. Хотя по Парижскому миру от 10 февраля 1763 года Англия вернула Испании Манилу, но в Северной Америке она значительно усилила свои позиции. Все это указывало на агрессивные устремления английского правительства на Тихом океане.

Опасность английской экспансии в направлении Аляски, Алеутских островов и других владений России на Тихом океане побудила русское правительство снарядить секретную экспедицию с целью описания «до ныне неизвестных разных островов, дабы оттуда можно было получить всю могущую пользу». В связи с этим встал вопрос о картах.

К составленным промышленниками картам русское правительство относилось с недоверием. Наиболее достоверным источником считались карты и журналы Чирикова. Так, например, граф Чернышев взял под сомнение карты, представленные Готовым и Шиловым, затребовал от Адмиралтейств-коллегии представления экстрактов Второй Сибирско-Тихоокеанской экспедиции. Есть основания предполагать, что, готовя материалы для Чернышева, Адмиралтейств-коллегия привлекла И. Елагина, являвшегося помощником Чирикова во время плавания к Америке. Он составил карту по данным журнала пакетбота «Св. Павел», на которой был изображен путь Чирикова к Америке и обратно; показано также плавание Беринга к Америке, обратный же его путь был дан не полностью. На этой же карте значились острова, ставшие известными в результате плаваний промышленников, например, Умнак, Уналашка, Уналга и т. д. Таково происхождение упомянутой карты, служившей практическим руководством для мореплавателей второй половины XVIII века. Вместе с тем карта Елагина свидетельствует

о большой точности записей, произведенных Чириковым в шканечный журнал¹.

Эта карта, без сомнения, была вручена начальнику экспедиции капитан-лейтенанту П. Е. Креницыну.

Чтобы оставить в тайне действительное назначение предприятия, экспедицию Креницына было решено именовать комиссией. В решении Адмиралтейств-коллегии от 11 мая 1764 года по этому вопросу сказано: «Адмиралтейств-коллегия запотребно рассудила организованную по царскому указу секретную экспедицию «именовать комиссией», посланной для описи лесов по рекам Каме и Белой и по впадающим в них рекам»².

На самом деле Креницыну поручалось идти к острову Умнак, обследовать Алеутские острова, а также остров Кадьяк и установить, на каком расстоянии он расположен от берегов Америки.

В 1768—1769 годах капитан-лейтенант Креницын, командуя отрядом из четырех кораблей, обследовал ряд островов Алеутской гряды, посетил Аляску и положил на карту ее западную часть.

Несколько раньше (1764 г.) М. В. Ломоносов разработал проект организации экспедиции для отыскания пути из Северного Ледовитого в Тихий океан. Он подчеркивал, что использование Северного морского пути будет иметь научное, экономическое и военное значение и укрепит положение России на Тихом океане. Обосновывая свое предложение, Ломоносов писал: «Россия не меньше счастием, как силою и общим рачением простерла свою власть до берегов Восточного океана, и в пространстве оного открыла неведомые земли.

Но как за безмерною дальностию, для долговременных и трудных путей сила ее на востоке весьма укоснительно и едва чувствительно умножается, так и в изыскании и овладении оных земель, и в предприятии купеческого сообщения с восточными народами нет почти больше никаких успехов.

Все сии трудности прекращены быть могут морским северным ходом». Экономическое развитие края, по мнению великого ученого-патриота, могло послужить основанием для укрепления безопасности России. Установлением

---

¹ Архив древних карт ГУВМС СССР, портфель 3, № 1307.

² ЦГАВМФ, ф. Адмиралтейств-коллегии, канцелярия, д. 451, л. 5.

торговых связей с Индией, Китаем, Японией и другими государствами русское купечество не только приобретет новые преимущества и богатства и славу, «но и на всех завистников своего благополучия страх навести может»¹.

Немало было противников этой смелой и верной мысли. Реакционеры утверждали, что чужеземцы могут захватить все, что будет добыто русскими. Ломоносов убедительно показал полную несостоятельность таких суждений следующим образом: «1) помянутое мореплавание, — указывал он, — к нам ближе, нежели к прочим европейским державам; 2) россиянам тамошний климат сноснее; 3) что на нужных и тесных местах построятся зимовья с предосторожностями для наших людей, коими чужестранные пользоваться не могут; 4) на Камчатке или около устьев реки Уды, или на островах Курильских, где климат, как во Франции, можно завести поселения, хороший флот с немалым количеством военных людей, россиян и сибирских подданных языческих народов, против коей силы не могут прочие европейские державы поставить войска ни севером, ни югом; но хотя б и учинили, однако придут утомленные на крепких, с привозными гнилыми припасами на снабденных жителей свежими домашними, безнадежные ближнего от своих споможения на места, где вспоможение нам неистошимо; таким образом путь и надежда чужим пресечется, российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и Америке»².

Следовательно, вопросы экономического освоения Дальнего Востока, установления торговых связей с другими государствами и укрепления безопасности дальневосточных владений России, т. е. вопросы, которым уделял большое внимание Чириков, — получили свое дальнейшее обоснование и развитие в трудах гениального русского ученого М. В. Ломоносова.

Русское правительство, сознавая опасность, которая угрожала России со стороны западных государств, уже в 60-х годах XVIII века проявляет значительный интерес к Тихому океану. В связи с организацией правительственных экспедиций царское правительство решило вызвать

---

¹ В. А. Перевалов, Ломоносов и Арктика, стр. 38.

² М. В. Ломоносов, Избранные философские произведения, стр. 629—630.

среди моряков интерес к службе на Дальнем Востоке, для чего приняло некоторые меры.

Таким образом, вместе с борьбой за выход на Черное море не упускались из поля зрения русские владения на Тихом океане, приобретавшем в международной жизни все более важное значение.

Усиленная борьба западноевропейских государств за колонии требовала решительных и самых эффективных мер, направленных к тому, чтобы Россия могла сохранить положение, соответствующее роли русского народа в географических открытиях на Тихом океане. Для этого требовалось создать опорные пункты на побережье Тихого океана, Аляске и Курильских островах. С этой целью вновь самым тщательным образом изучаются материалы Чирикова, в частности его предложения относительно укрепления безопасности Дальнего Востока¹.

Международная обстановка, сложившаяся в 80-х годах XVIII века, подтвердила правильность предположений Чирикова. В конце XVIII века англичане, а вслед за ними французы и американцы проявляли особенную активность в северной части Тихого океана. Здесь стали появляться китобои, рыболовы, всевозможные экспедиции, прикрывавшие свои крайне неблагоприятные в отношении русских владений цели «научными» интересами.

Чтобы придать своим действиям видимость законности, иностранцы приписывали себе честь «открытия» островов, рек, земель, давно открытых русскими. О подобных действиях иностранцев докладывали правительству в конце 1786 года видные государственные деятели Воронцов и Безбородко. Они резко осуждали «делаемое англичанами под начальством капитана Кука присвоение реки, по имени его названной, открытой прежде всего капитаном Чириковым, которую он (Кук) взял во владение на имя английского короля и, выставя флаг, велел зарыть в землю несколько английских денег, равномерно вход принца Вильгельма и острова Ке, что подробно доказывает морскими поденными записками капитана Беринга и Чирикова, которые великое пространство объехали, что яснее осмотрится из карты, сочиненной генерал-майором Соймоновым»².

---

¹ ЦГАВМФ, ф. Чернышева, д. 408, ч. 2, л. 794.

² Там же.

На основе международных обычаев далее в докладе убедительно доказывалось, что открытые русскими людьми земли в северо-восточной части Тихого океана являются неотъемлемыми владениями русского государства. России, указывалось в докладе, «неоспоримо должны принадлежать: 1. берег американский от 55°21' широты на север простирающийся, обойденный капитанами Берингом, Чириковым и другими российскими мореходцами; 2. все острова, около себя матерые земли и полуострова Аляски находящиеся, как то найденный Берингом и Куком, названный Монтаю, св. Стефана, св. Дальматия, Евдокийские, Шумагины и др., заключающиеся между курсом сих мореходцев и матерею землею; 3. все острова оттуда к западу, грядой лежащие под названием Лисьих и Алеутских, и другие, к северу простирающиеся, ежегодно российскими промышленниками посещаемые; 4. гряда Курильских островов, касающаяся Японии, открытая капитаном Шпанбергом и Вальтоном»¹.

В заключение доклада для «защиты интересов русских промышленников и достоинства России» предлагалось создать на Тихом океане военно-морские силы.

Одобрив предложения Воронцова и Безбородко, русское правительство предложило коллегии иностранных дел «все тут представленное к сохранению права нашего на земли, мореплавателями российскими открытыми, произвести в действо, поколико то от оной зависит»².

Одновременно было дано указание Адмиралтейств-коллегии отправить на Тихий океан эскадры Балтийского флота. От посылки экспедиции в северо-западную Америку русское правительство отказалось ввиду начавшейся войны с Турцией, а затем и со Швецией.

Таким образом, русское правительство решительно выступило в защиту интересов России в северо-восточной части Тихого океана.

Идеи Чирикова о необходимости заселения и укрепления Аляски и прилегающих к ней островов дальше развил Григорий Иванович Шелихов, который сделал ряд практических шагов для их осуществления.

В первые же годы своего пребывания на Востоке он стремился ликвидировать произвол многих купцов, кото-

---

¹ ЦГАВМФ, ф. Чернышева, д. 408, ч. 2, л. 794—795.

² Там же, л. 792.

рые в первую очередь думали о собственном обогащении и хищнически истребляли ценности этого богатейшего края. Так, один из биографов Шелихова писал о нем: «С умом, свойственным государственному человеку, он поставил главнейшею своею целью упрочить для отечества занятые острова, привести обитателей их в подданство России, завести оседлости, где только то возможно»¹.

К исполнению этого замысла Шелихов приступил уже в 1783 году, когда была создана торговая компания Шелихова и братьев Голиковых. В это же время он во главе экспедиции отправился из устья реки Урак в открытое море. Перезимовав на Командорских островах, экспедиция в августе 1784 года достигла острова Кадьяк, где было основано постоянное поселение русских и положено начало русским колониям в Америке. На юге острова по инициативе Шелихова в том же году была заложена Гавань трех святителей, и промысловые отряды — «артели» начали добычу дорогих мехов. Однако за первый же год плавания на Кадьяк шелиховцам, как называли себя люди, работавшие под руководством Григория Ивановича, удалось добыть нечто гораздо более ценное, чем самые редкие меха. Русских отделял от Америки только Кенайский пролив шириной в 60 верст, и Шелихов настойчиво занялся исследованием американского берега. Добытые им сведения представляли большой научный и практический интерес. Весной следующего года Шелихов послал большой отряд для исследования местности между берегами Кадьяка и Аляски. К августу отряд возвратился в Калукское селение для зимовки, но и зимой в самых тяжелых условиях шелиховцы продолжали производить исследования побережья Аляски и Кадьяка. На острове они нашли руду, слюду, горный хрусталь, строительные материалы, дали описание Кенайского залива, нанесли его на карту и «торг сей стороны с обитателями завели».

Весной 1786 года Шелихов покинул остров Кадьяк. К этому времени поселение русских значительно разрослось, и выходцы с Оки и Волги начали «обживать» Новый Свет.

Выяснилось, что леса острова Кадьяк представляют собой прекрасный строевой материал, который можно

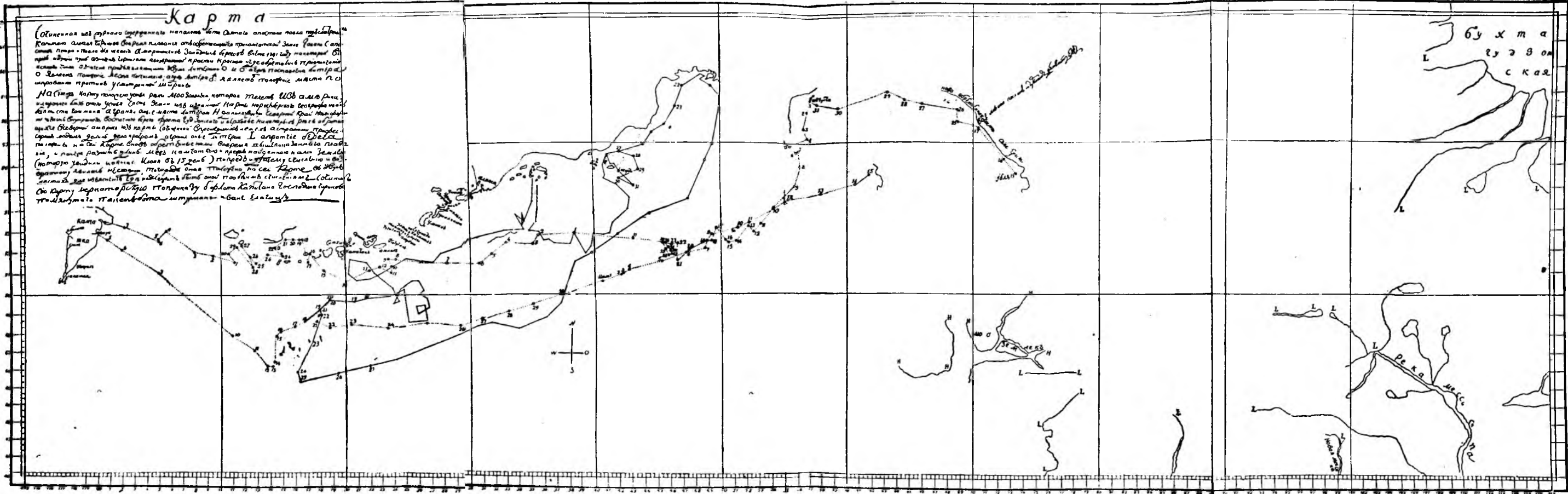
---

¹ Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в., стр. 43.

Карта

Описание из журналов суровых наплывов в море Острова азиатских полярных морей
Копию с карты Восточной Америки отобранных географических Замечаний Замечаний
Самой Парты - Парты из миссии Александровской Замечаний Восточных морей
Парты из миссии Александровской Замечаний Восточных морей
Парты из миссии Александровской Замечаний Восточных морей
Описание Парты из миссии Александровской Замечаний Восточных морей
Описание Парты из миссии Александровской Замечаний Восточных морей

На карте показаны курсовые линии пакетботов «Св. Павел» и «Св. Петра» к северо-западной Америке в 1741 году. Составлена И. Елагиным по указанию А. Чирикова. Пунктиром обозначен курс «Св. Павла», сплошной линией — «Св. Петра».

Карта плавания пакетботов «Св. Павел» и «Св. Петр» к северо-западной Америке в 1741 году. Составлена И. Елагиным по указанию А. Чирикова. Пунктиром обозначен курс «Св. Павла», сплошной линией — «Св. Петра».

было успешно использовать для постройки судов. На острове Афогнаке была заложена крепость, предназначенная для обороны владений России от нападения иностранцев.

Русские моряки проявляли дружелюбие к местным жителям и приобщали их к своей культуре. Шелихов привез с собой в Россию несколько эскимосов, индейцев, алеутов. В Иркутске «американцы» обучались российской словесности и различным наукам. Шелихов хотел также научить местных жителей морскому делу. В инструкции, которую он дал своему приказчику, говорилось: «Двух ребят американцев учить мореплаванию, арифметике и морской науке.. Держи их при себе, содержи пищею». Тысячи алеутов служили матросами на русских судах, участвовали в постройке судов.

Заботясь прежде всего об экономическом процветании Дальнего Востока, Шелихов предлагал ограничить английскую Ост-Индскую компанию, которая перепродавала русским купцам китайские и японские товары, получая от этой торговли большие прибыли. В специальной «Записке... в рассуждении торговли в Камчатке с англичанами» (апрель 1787 г.) он указывал, что можно «кроме англичан, посредством собственно наших торгующих получать потребные для россиян товары из первых рук китайских и японских... По славе же о сей выгоднейшей торговле стечется туда отовсюду купцы и всякого народа чрез время многочисленность и тот отдаленнейший край процветет до великости»¹. Далее Шелихов высказывал мысль, что развитие земледелия, всевозможных промыслов и торговли послужит материальной базой для дальнейшего изучения северной части Тихого океана «до отдаленнейших пределов по островам и матерой земли Америки, где еще, как я известится мог, никакая европейская держава не имеет своих обзаведений»².

Возмущенный произволом английских купцов, которые проникали на русские острова, истребляли пушных зверей, наносили большой ущерб интересам России, Шелихов настаивал «поставить границы и на картах назначить линию, чтобы они в север и северо-восток далее назначенной линии не уклонялись» и затем предлагал установить госу-

¹ Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в., стр. 217.

² Там же, стр. 215.

дарственные знаки, «дабы других наций подданные не могли входить в пользы, отечеству нашему принадлежащая»¹.

Итоги исследований и открытий Шелихова были нанесены на Морскую карту северо-восточной части Азии и северо-западной Америки, составленную в 1796 году².

Успехи русских вызвали серьезное беспокойство у английских, испанских и американских колонизаторов, которые претендовали на русские земли. У берегов Аляски все чаще стали появляться иностранные суда. В доношении Шелихова на имя иркутского генерал-губернатора от 11 февраля 1790 года говорилось: «По извещениям из Америки сведомо также и то, что в два минувшие перед сим лета около заселений наших и далее в север и к Калифорнии крейсировали многие европейские суда, коих в разные времена порознь примечено было до тридцати; цель же, намерение тех хотя и непонятны были нашим в Америке комиссионерам, но казались таковыми, что старались также свести с народами, с нами союзными, знакомство и наконец присвоить тех своим державам в подданство»³.

Шелихов правильно понял захватнический характер планов иностранцев. В своем письме от 30 августа 1789 года правителю русской колонии в Кадьяке Е. И. Деларову он указывал на необходимость соблюдения бдительности. «От иностранцев бутте осторожны: Англия, Пруссия, Швед, Голандия и Турецыя российския неприятели, оне могут переменить и флаги; а потому и должны вы всех иностранцов опасатца и быть во всяком случае осторожным, наставления храня все.

И отнюдь ныне кому секретов, вверенных тебе, не открывай, помни священние слова: бутте мудры, яко змии, а целы, яко голуби»⁴.

---

¹ Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в., стр. 217—218.

² Архив древних карт ГУВМС СССР, портфель 4, № 1301; проф. А. И. Андреев сообщает, что копии карты 1796 г. хранятся в ЦГВИА (Москва) и Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина (Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в., стр. 378—379).

³ Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в., стр. 294.

⁴ Там же, стр. 287.

Задавшись целью доказать приоритет появления русских в Америке, Шелихов решил оставить вещественные доказательства, которые вечно свидетельствовали бы о том, что именно русские впервые появились в этих местах. Так, он составил особую карту «главнейших вновь показываемых компаний Голикова и Шелихова у берега Америки островах, заливах и бухтах», где определенными условными знаками было отмечено, например, в каком месте зарыты доски (обозначены на плане литерой «В»). В землю Аляски, от берега Кенайского залива до бухты Льюта по приказу Шелихова было зарыто пятнадцать таких досок, тяжелых, с медными русскими гербами и надписью «Земля Российския владения». Старшинам туземных племен были розданы русские гербы.

Особенно энергичную деятельность развернул Шелихов в последние годы своей жизни. Учитывая возможность нападения иностранцев на русские земли, Шелихов предлагал создать у мыса Св. Ильи верфь «для усиления там нашего кораблестроения и отвращения посторонних покушений». Кроме того, он наметил меры по развитию хлебопашества на Аляске и Курильских островах. Григорий Иванович твердо верил, что все это скоро может дать «ощутительные для отечества выгоды».

В архивах Шелихова сохранились интересные записки о городе Славороссии, который он мечтал построить на американском материке. В Славороссии должны были быть широкие улицы, просторные площади, украшенные обелисками в честь русских патриотов.

Этот город, конечно, остался только фантазией. Но в повседневной жизни поселения на Кадьяке осуществлялось немало замечательных дел. На Аляске были открыты залежи руды. Один из спутников Шелихова завез на Кадьяк фунт ячменных зерен, и на острове заколосились поля ячменя. Продолжалась постройка судов из местного леса, добывалось все больше ценнейшей пушнины. Так, русские вносили в дикий край свою более высокую культуру. До сих пор сохранилось в этих местах немало вещественных памятников, которые свидетельствуют о благотворном влиянии русских на местных жителей.

В то время, когда отважные русские мореплаватели и ученые осваивали и изучали северо-западную Америку и острова, находящиеся в северной части Тихого океана, «чудо-богатыри» Суворова в боевом содружестве с

моряками Черноморского флота, возглавляемыми Ушаковым, разгромили турецкую армию и флот. В результате этих побед Россия прочно утвердилась на берегах Черного моря, с незапамятных времен принадлежавших славянам.

Следовательно, в конце XVIII века на двух направлениях — черноморском и тихоокеанском — различными методами и средствами решались жизненно важные для судьбы нашего государства вопросы.

Завоевание выхода на Черное море значительно укрепило безопасность южных границ России и открыло широкие возможности для развития торговли со странами Ближнего Востока и западноевропейскими государствами. Создание же Шелиховым поселений на Аляске положило фундамент для освоения этого края. Опираясь на созданные в этом районе крепости, русские преградили путь экспансии иностранных держав на русский Север и русский Дальний Восток.

В укреплении безопасности Дальнего Востока многое сделала Российско-Американская компания, созданная в 1799 году. Она организовала ряд кругосветных путешествий, в результате которых Россия в первой половине XIX века заняла ведущее место в географических исследованиях.

Выдающейся научной победой русского флота было открытие М. П. Лазаревым и Ф. Ф. Беллинсгаузеном Антарктиды — шестой части света. Это открытие показало несостоятельность измышлений Кука и английских ученых о том, что в Южном Ледовитом океане нет материка. Русские мореплаватели сделали немало важных открытий на Тихом океане, нанесли на карту земного шара неизвестные дотоле острова, заливы, бухты, мысы, проливы и т. д., назвав их именами политических деятелей России, великих русских исследователей, полководцев и флотоводцев.

Многочисленные плавания русских обогатили различные области знания. Широкое развитие получила этнография, был собран богатый материал по истории Америки, Бразилии, Австралии, Гавайских островов. Особенно ценные сведения были собраны по фауне и флоре различных частей земного шара. В это же время проводились большие океанографические исследования. Совершая плавания в северной части Тихого океана, В. М. Головнин, М. П. Ла-

зарев, Ю. Ф. Лисянский, И. Ф. Крузенштерн и другие сделали ряд открытий. Одна из важнейших их заслуг заключалась в том, что они уточнили географическое положение островов Курильских и Алеутских, собрав ценный материал о течениях и о метеорологической обстановке. Все это имело не только научное, но и оборонное значение.

Кругосветные плавания способствовали распространению русского влияния на коренных жителей островов и земель, которые посещались нашими мореплавателями.

Так, адмирал В. М. Головнин в записке о Российско-Американской компании отмечал, что русские поселенцы сеяли на острове Кадьяк зерновые культуры — пшеницу, ячмень, выращивали картофель и различные овощи, а также развивали животноводство.

Жизнь в тяжелых условиях еще не обжитого и мало изведенного края требовала от первых поселенцев исключительной выносливости и негибаемой воли. Недаром английский мореплаватель Ванкувер вынужден был признать, что только русские были способны на такие подвиги. «Я с чувством приятного удивления видел спокойствие и доброе согласие, в каком они живут между самыми грубыми сыновьями природы. Покорив их под свою власть, они удерживают влияние над ними не страхом победителей, но напротив того приобретая любовь их благосклонным обращением. Сие было видно во всех их поступках, и более всего в их сношениях с обитателями Кукова (Кенайского. — В. Д.) залива и Кадьяка»¹. «Русские приобретают и сохраняют всегда уважение и доброе расположение к себе туземцев»².

Отметив, таким образом, гуманное отношение русских к местному населению осваиваемых ими владений, Ванкувер затем сделал очень многозначительное заключение: «Обыкновения и общее поведение русских не могут быть приняты каким-либо другим мореходным народом»³. Этот вывод был совершенно закономерным для английского мореплавателя, совершившего свои путешествия как раз в период усиления колониальной экспансии Великобритании.

---

¹ Ванкувер, Путешествие в северную часть Тихого океана и вокруг света, совершенное в 1790—1795 гг., СПб., 1833 г., стр. 369.

² Там же, стр. 371.

³ Там же, стр. 373.

Иностранные колонизаторы стремились установить свое господство на землях, открытых русскими людьми и принадлежавших России по праву их открытия и освоения.

Установившиеся по традиции обычаи относительно вновь открываемых земель и островов особенно грубо нарушали американцы. Они посылали к русским владениям свои суда, чтобы подорвать промыслы и торговлю. Американцы хищнически истребляли морских животных, на торговле которыми они извлекали большие прибыли. Но самый большой вред американцы причиняли тем, что снабжали туземцев порохом, свинцом, ружьями и даже пушками и всемерно натравливали их на русских.

Указывая на такие действия американцев, наносившие ущерб кровным интересам России, В. М. Головнин писал: «Я не понимаю, каким образом согласить такую явную вражду сих республиканцев с правами народными»¹.

Опираясь на факты, Головнин утверждал, что только Россия имеет право на владение островами, открытыми и осваиваемыми русскими: «Право обладания России сим краем основано на началах, принятых за истинные и справедливые всеми просвещенными народами, а именно: по праву первого открытия, и по праву, еще того важнейшему, первого занятия. Вся Европа ведает и признает, что северо-западный берег Америки, от широты 51° к северу, открыт нашими мореплавателями Берингом и Чириковым. Русские первые из просвещенных народов подробно изведали здешний край и основали в нем свои промыслы; а потому, кажется, нет никакого сомнения, чтобы Россия, наравне с прочими державами, имеющими в их зависимости подобные области или колонии, не могла располагать ими сообразно со своими постановлениями, основанными на благе и выгодах ее подданных»².

Чтобы укрепить дальневосточные границы России, В. М. Головнин требовал (так же как в свое время это делали Чириков и Шелихов) укрепить военные силы на Дальнем Востоке, он высказал ряд ценных предложений о сооружении морских крепостей.

Русский мореплаватель М. П. Лазарев и другие обстоятельно описали Калифорнию, ее естественные богатства, климатические условия и социальный строй. Наличие леса и других природных богатств, а также близость океана

¹ В. М. Головнин, Сочинения, М. — Л., 1949 г., стр. 337.

² Там же, стр. 336.

благоприятствовали развитию торговли в Калифорнии, но ее население жило в нужде и бедности. Индейцы, которых жестоко эксплуатировали испанцы, вымирали. Процветало рабство. Индейцы работали в католических миссиях. По мере увеличения числа миссий сокращалась численность местного населения. Миссионеры помещали индейцев, как скот, в каменных хлевах.

Ужасные порядки устанавливали на захваченных землях и англичане, французы, которые истребляли целые племена, жившие на островах Тихоокеанского бассейна.

В отличие от Лаперуза и Ванкувера, которые называли индейцев слабоумными, русские моряки лестно отзывались об их умственных способностях. Они восхищались их изобретательностью, исключительным трудолюбием. Калифорнийцы хорошо владели всевозможными ремеслами, строили каменные здания, выполняли сложные и тонкие столярные работы, а также занимались искусством резьбы по дереву. Все это говорило о том, что индейцы, как и многие другие народы, которых европейцы считали дикими, по своим способностям не уступают «просвещенным» народам Европы и Америки.

Опираясь на исследования и открытия Чирикова и Беринга, В. М. Головнин решительно выступал против притязаний иностранцев. Основываясь на большом фактическом материале, он со всей убедительностью показал, что честь открытия многих островов принадлежит русским. «Хотя капитан Кук, — пишет В. М. Головнин, — приписывает себе первое открытие северо-западного берега Америки выше широты 57°, но он был введен в сие заблуждение по незнанию о плаваниях в том краю наших мореходцев, и что тот край был нам больше известен, нежели англичанам».

Несправедливые притязания англичан на чужую славу вызвали законное возмущение Головнина. С присущей ему прямоотой и объективностью он показал несостоятельность утверждений Кука, Мирса и других.

Всему миру было известно, что русские мореплаватели первыми открыли северо-западную Америку еще в первой половине XVIII века. На основании права первооткрытия эти земли стали составной частью России. Однако американское правительство нарушало правила, принятые всеми государствами относительно вновь открытых земель.

В 20-х годах XIX века при американском конгрессе был создан специальный комитет для рассмотрения состояния колоний на берегах Тихого океана. Составленное этим комитетом в январе 1821 года донесение было построено на ложных показаниях. Комитет безапелляционно заявлял, что «Соединенные Штаты имеют полное право на обладание весьма обширной частью северо-западного берега Америки, что комитет не находит, чтобы какой-либо европейский народ, кроме Испании, предъявлял свои права на западный берег Америки, от самого мыса Горна до 60° широты северной». Всеми силами комитет старался оправдать недоброжелательные в отношении России действия со стороны американских промышленников и купцов, стремившихся отеснить русских с Тихого океана. Головнин понимал, что такая политика может нанести ущерб государственным интересам России. Он показал полную несостоятельность притязаний американской буржуазии. «Очень странно, что никому из членов сего комитета не удавалось читать ни одной из множества книг, изданных на английском языке (который и им природный), ни путешествий капитана Кука и Ванкувера, во всех коих по несколько раз упоминается, что русские прежде всех европейцев открыли северо-западный берег Америки и прежде всех заняли его. Английские мореплаватели, первые после русских посетившие сии берега, нашли уже там наших промышленников и получили от них некоторые сведения касательно того края... Вообще комитет был столько несчастлив в своих изысканиях, что, будучи составлен именно для исследования вопроса, изысканного в вышеупомянутых книгах, не наткнулся ни на одну из них; иначе он тотчас усмотрел бы, что Чириков открыл помянутый берег гораздо далее на полдень, нежели 60 градусов широты. Разве комитет думает, что русские потому не предъявляли своих прав на сии берега, что министерскими нотами не сообщали всем государствам об оных; но членам оного, кажется, надлежало бы знать, что открыть землю, занять ее и утвердиться в ней почиталось во всех веках и у всех народов самым действительным из всех дипломатических актов»¹.

Тихоокеанская проблема привлекала внимание русских просветителей XVIII века, декабристов и револю-

---

¹ В. М. Головнин, Сочинения, стр. 434.

ционеро-демократов, считавших, что освоение и укрепление русских земель на Тихом океане и в Северной Америке является кровным делом России. Изучением состояния дел Российско-Американской компании занимался А. Н. Радищев. К. Ф. Рылеев в течение нескольких лет служил в компании в качестве правителя ее дел. В. Г. Белинский в юношеские годы мечтал совершить плавание в «северо-американские российские владения».

Передовые русские люди разрабатывали проекты по укреплению обороны России на Дальнем Востоке. Во всех этих проектах подчеркивалась мысль о том, что если не будут приняты срочные меры, Россия утратит свое положение тихоокеанской державы. В этой связи значительный интерес представляет проект помещика Олонцова, поданный им правительству в 1842 году. После вступительной части, посвященной деятельности и заслугам Петра I в исследовании Дальнего Востока, автор проекта пишет: «В настоящее же время, когда Великобритания опоясывает своими владениями земной шар, когда столь горячо увеличивает завоевания и стремится посредством их к соприкосновению во всех странах с большими государствами и когда посредством деятельнейших политических усилий захватывает в свои руки всесветную торговлю, подавляя и уничтожая оную во всех странах и даже в самой России, обогащаясь на счет всех наций, — все это побуждает думать о средствах... предусмотрительного ограничения себе и нашей торговле от гнета этих всесветных купцов»¹.

Развивая свою мысль, Олонцов указывает, что главным средством для усиления безопасности дальневосточных границ должно быть немедленное укрепление военного могущества России на берегах Тихого океана и на Амуре, ибо «придет время, что необходимы будут средства к обузданию завоевателей всесветных, но уже с величайшими пожертвованиями»².

Однако царское правительство оставалось равнодушным к такого рода предложениям. На проект Олонцова была наложена следующая резолюция: «его императорское величество в октябре 1842 г. изволил приказать оставить без последствий»³.

¹ ЦГАВМФ, ф. 227, д. 146, л. 132.

² Там же, л. 140.

³ Там же, л. 127.

Преступную для национальных интересов политику проводило царское правительство и в последующее время. Так, реакционные деятели во главе с министром иностранных дел немцем Нессельроде противились укреплению позиций России на Амуре, препятствовали организации судоходства на этой великой русской реке. Такая политика русского правительства относительно Дальнего Востока ставила под угрозу все то, что было добыто трудом многих поколений русских людей.

В таких условиях встревоженные за судьбы и безопасность Дальнего Востока прогрессивные деятели России на собственный страх и риск продолжали дело, начатое Чириковым.

Исключительно велики заслуги адмирала Геннадия Ивановича Невельского, который доказал, что река Амур судоходна на всем своем протяжении, и установил, что Сахалин — остров, в то время как на иностранных картах Сахалин изображался полуостровом. Невельской основал на Амуре город Николаевск с Императорской гаванью (ныне Советская гавань), что имело большое значение в усилении безопасности Приамурского края.

На острове Сахалин Невельской основал Муравьевский пост. Местные жители острова, айны, радушно встретили русских моряков, спасших их от произвола американцев, англичан и японцев. Обращаясь к сахалинцам, Невельской сказал о гуманных целях прихода на Сахалин русского военного корабля: «Мы—русские, с реки Амура, куда мы также пришли для защиты гиляков и манчжур от Америки, и теперь никто туда ходить с тем, чтобы бить гиляков, не смеет... Мы привезли пушки, посредством которых не допустим, чтобы американцы или другие, кто бы ни было, делали им худо, или обижали их»¹.

В декларации, составленной Невельским для предъявления иностранцам, согласно договорам с Китаем и открытию в XVII веке русскими Сахалина провозглашалось, что «территория острова Сахалина составляла всегда неотъемлемую принадлежность России».

В результате Амурской экспедиции Невельского между русским и китайским правительствами были заключены в 1858 и 1860 годах Айгунский и Пекинский трактаты. По

---

¹ Морской сборник, 1899 г., № 12, стр. 62—63.

ним Китай признал за Россией Приамурский и Приуссурийский края.

Царское правительство не оценило заслуг Невельского, зато передовые люди России справедливо придавали его открытиям большое общественное и политическое значение.

Н. А. Добролюбов в статье, посвященной амурскому вопросу, дал историю исследования Амура и высоко оценил деятельность Амурской экспедиции¹.

После Крымской войны, выявившей гнилость и бессилие крепостной России, были ослаблены позиции России и на Тихом океане. Оказавшись неспособным обеспечить безопасность Аляски от американского вторжения, русское правительство в 1867 году за бесценок продало Аляску Соединенным Штатам Америки.

Планы американских капиталистов в 60-х годах прошлого столетия сформулировал государственный секретарь Сьюард, который заявил, что США должны овладеть русскими землями в северо-западной Америке и на Дальнем Востоке. Аляску же американская буржуазия рассматривала как базу для включения русских дальневосточных владений в «сферу своего влияния», как важный плацдарм для борьбы за установление господства на всем Тихом океане.

Соответственно этому строились планы превращения Тихого океана в «панамериканское озеро». Американские дельцы и промышленники стали усиленно проникать из Аляски на Чукотку. Различные американские суда сновали у русских берегов от Камчатки до Колымы. Они хищнически истребляли морских животных в территориальных водах России, нанося огромный вред населению, жившему на побережье.

Однако американская буржуазия не могла удовлетвориться торговлей и морским промыслом. Она разработала проекты захвата Сибири. Чтобы осуществить эти планы, в конце XIX и начале XX века американские промышленники прилагали большие усилия для постройки железной дороги, соединяющей Америку и Азию, через Канаду, Аляску и Чукотку. Для этой же цели под Беринговым проливом предполагалось построить тоннель².

¹ Н. А. Добролюбов, Сочинения, т. 5, М., 1941 г., стр. 426.

² С. Иванов, Американские интервенты на Советском Дальнем Востоке, Владивосток, 1951 г., стр. 10—11.

С вступлением капитализма в свою последнюю стадию — империализм США развернули усиленную гонку морских вооружений с целью установления на всем Тихом океане своего господства, превращения народов Китая, Кореи, Филиппин в своих рабов.

Испано-американская война, начатая США в 1898 году, положила начало империалистическим войнам за передел уже поделенного мира. Захватив во время этой войны Филиппины, США укрепили стратегические позиции для вторжения в Китай.

С помощью английского и американского капитала Япония создала сильную армию и флот. Японские самураи разрабатывали планы вторжения в Корею, затем в Китай. Продажные и невежественные царские генералы и адмиралы, стоявшие во главе вооруженных сил России, не замечали или не хотели замечать усиленного приготовления Японии к войне против России.

И на этот раз русские прогрессивные деятели указывали на необходимость создания на Дальнем Востоке военно-морского флота, способного защищать государственные границы России. Адмирал С. О. Макаров еще в 1895 году разработал план, в котором предусматривалась система мер по укреплению обороноспособности Дальнего Востока. Но к голосу Макарова никто не прислушался.

В феврале 1904 года Япония неожиданно и вероломно напала на Россию. Началась русско-японская война, которая в результате слабости самодержавия закончилась поражением России.

Позорное поражение потерпел царизм, его генералитет. Русские же солдаты героически сражались под Ляояном и Мукденом, русские матросы и офицеры флота доблестно защищали Порт-Артур и били врага на море. Недаром народ воспел героический подвиг крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец», смело вступивших в бой с японской эскадрой.

Поражением царской России Япония воспользовалась для того, чтобы «...отхватить от России Южный Сахалин, утвердиться на Курильских островах и, таким образом, закрыть на замок для нашей страны на Востоке все выходы в океан — следовательно, также все выходы к портам советской Камчатки и советской Чукотки. Было ясно, что

Япония ставит себе задачу отторгнуть от России весь её Дальний Восток»¹.

Поражение русских войск в период русско-японской войны, по словам И. В. Сталина, оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. «Оно легло на нашу страну чёрным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано»².

Советская Армия и Военно-Морской флот, наголову разгромившие германских и японских захватчиков, вернули нашему народу законные права его на Курильские острова и Южный Сахалин и этим укрепили стратегическое положение Советского Союза на Тихом океане. Южный Сахалин и Курильские острова стали служить средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от агрессии на Дальнем Востоке. Современные американские и английские монополисты стремятся нарушить права Советского Союза на эти земли, издавна открытые русскими мореплавателями в Тихом океане и по праву принадлежащие Советскому Союзу.

Указывая на полную несостоятельность этой американской и английской политики, оценивая проект американского «мирного» договора с Японией, советский представитель на конференции в Сан-Франциско говорил, что, пытаясь «нарушить и суверенные права Советского Союза в отношении Южного Сахалина с прилегающими к нему островами и Курильских островов, уже в настоящее время находящихся под суверенитетом Советского Союза, проект также ограничивается лишь упоминанием об отказе Японии от прав, правооснований и претензий на эти территории, умалчивая об исторической принадлежности этих территорий и о бесспорной обязанности Японии признать суверенитет Советского Союза на эти части территории СССР. Мы уже не говорим, что, внося такого рода предложения по территориальным вопросам, США и Великобритания, подписавшие в свое время Каирскую и Потсдамскую декларации, а также Ялтинское соглашение, стали на путь грубейших нарушений обязательств, принятых на себя по этим международным соглашениям...

---

¹ И. В. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, изд. 5, 1946 г., стр. 204.

² Там же, стр. 205.

Также бесспорны права Советского Союза на южную часть острова Сахалина и все прилепающие к ней острова, а также на Курильские острова, находящиеся ныне под суверенитетом Советского Союза»¹.

Открытия и исследования русских мореплавателей в XVII—XVIII веках являются неоценимым вкладом русского народа в изучение и освоение северной части Тихого океана.

Советские люди свято хранят память о подвигах русских моряков, свершивших великие географические открытия, ибо доблестные вековые традиции русского флота составляют предмет нашей советской национальной гордости. Среди мореплавателей, прославивших Россию и отечественную науку, одним из первых стоит имя Алексея Ильича Чирикова — великого русского мореплавателя, отдавшего свою жизнь делу изучения северо-восточной части Тихого океана и укреплению позиций России на Дальнем Востоке и Тихом океане.

---

¹ «Правда» от 7 сентября 1951 г.

П Р И Л О Ж Е Н И Я

Документ № 1

Из личного дела А. И. Чирикова

Державнейший царь государь милостивейший.

По твоему Великого Государя указу велено набирать в школу математико и навигацких наук из всякого чину. А мы Государь тое науки воспринять желаем. Всемилостивейший Государь просим Вашего Величества: велиж Государь нас в Адмиралтейской канцелярии записать и ото-слать в школу математико и навигацких наук во учение.

Вашего Величества нижайшие рабы недоросли Алексей Ильин сын Чириков да Иван Иванов сын Чириков генваря в день 25 1715 году. К сему прошению Алексей Чириков руку приложил Иван Чириков руку приложил.

Выписать и взять скаски по указу (подпись)

И по сей помете челобитчики Алексей Ильин сын Чириков, — сказал от роду себе двенадцать лет. А отец де его служит в Киевской губернии комендантом. А ныне де он (Алексей Чириков. — А. Е.) живет на Москве за Пречистенскими вороты в приходе у церкви у Пакрова богородицы у дяди своего родного у Ивана Радивонова сына Чирикова. А крестьянских дворов за ним нет только де за отцом его в Торчском уезде по переписным книгам четыре двора с полудвором в Тульском уезде шесть дворов с четвертью, в Галицком уезде десять дворов а больше того нигде нет. А в службу и в чин и в школах во учение нигде не записан и на смотре не бывал. А буде он в том сказал что ложно и без указа Великого Государя от школьного учения самовольно отбудет и за то повинен он жестокова наказания сылкой на каторгу. К сей сказке Алексей Чириков руку приложил...

Опубликован в книге А. В. Ефимова «Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах, XVII-й — первая половина XVIII в.», М., 1950, стр. 283—284.

В Государственную Адмиралтейскую Коллегию

Р а п о р т

Сим рапортом Государственной Адмиралтейской Коллегии покорно доношу: понеже флота капитан Шпанберх присылаемые ея императорского величества из оной Государственной Адмиралтейской Коллегии указы писанные на имя господина капитана командора Беринга забирает к себе и распечатывает, из некоторых прислал ко мне копии, а с одного повторительного указа о посылке в Санкт-Питербурх прапорщика Павла Левашева, которой обретается в моей команде, мимо меня прислал при ордере к нему Левашеву копию, которым ордером велит ему Левашеву по силе того подтвердительного указа исполнение чинить, и потому видно, что он Шпанберх вступает самовольно в главную над всей комчацкой экспедицией команду, чего ему указом ея императорского величества и не определено, а поручена ему особливая экспедиция, а с инструкций порученных господину капитану командору Берингу из Правительствующего Сената и из Государственной Адмиралтейской Коллегии, в том числе и с секретной, которыми определено, что чинить ему капитан командору на берегу и на море точные копии за рукою его господина капитана командора имею я, и теми же инструкциями определено мне быть в одной экспедиции с ним капитаном командором, и по силе тех инструкций за невозвратом его капитана командора из похода морского, подлежащие дела по порученной ему обще со мною экспедиции исполняю я и все преждеприсланные указы и главные экспедиции письменные дела, происходимые при команде его капитана командора имеются в моем ведении и вышеозначенных точных копий с инструкций порученных мне от него господина капитана командора Беринга за ево рукою, також и всех дел без особливого ея императорского величества из Государственной Адмиралтейской Коллегии или из Правительствующего Сената ко мне указу отдать я никому не смею и потому следует, что и указом, присылаемым на имя его господина капитана командора надлежит быть в небытность ево у меня, о чем я к нему Шпанберху и писал, а хотя он капитан Шпанберх по списку морских капитанов пишется через несколько человек и

выше меня, почему он меня в команду свою, також и дела все в ведение свое взять и тщится, ибо на помянутые мои письма ко мне письмянно ж объявил, что в небытность де господина капитана командора Беринга и во отлучение надлежит яко старшему надо мною иметь над экспедициею старшинство ему Шпанберху, и происходимые в бытность господина капитана командора письменные дела надлежало мне по старшинству ево объявить ему и требовал от меня известия чего ради оные мною взяты, точию трудов моих во экспедиции больше ево было, хотя он и старше, а именно, кроме другого в одном мореплавании, которого против ево Шпанберхова расстояния подлинно не меньше было как в пол третьи доли, а на сухом пути также о чем при главных экспедичных делах известно, что все тяжелые припасы и материалы и вся артиллерия в Якуцк мною привезены и сколько на Ускуте и в протчих тамошних местах для сплавки до Якуцка тех материалов и припасов и правианта и для перевозки по рекам до Юдомского креста, судов построил и колико тысяч правианта и протчего в Якуцк приплавил, також и рабочих людей какое немалое число и чрез нарочные за ними от себя в Иркутск посылки и требования набрав привез с собою ж, в чем тогда как всем здесь известно было и в судах и в них крайняя нужда обстояла, что правианта ко Кресту в 735-м году перевозить не на чем и не кому было; ежели б то не моим старанием учинено, и уже с того моего в Якуцк прибытия правиант отправляем стал быть всегда, и в одном том 735-м году отправлено было из Якуцка одного правианта с семнадцать тысяч пудов, також и в бытность у Креста отправлял к нему материалы и правиант, и по многим моим предложениям описана и освидетельствована наилучшая и способнейшая ко охранению морских судов Петропавловская гавань, о чем более не представляют, дабы продолжением Государственную Адмиралтейскую Коллегию не утрудить, а и оное о себе упомянуть, принудила меня ево Шпанберхова гордость и ловкая похвала, что он и в Государственную Адмиралтейскую Коллегию представлять не устыдился, выхваляя себя как будто бы ево прилежным старанием и трудами много во экспедиции исправлено больше всех, а как по истине сказать что ево Шпанберховых больших трудов и на сухом пути не видно, да и быть не можно, потому что и самых нужных тогда потребностей не исправил, а именно, ни

судов к перевозке по рекам удобных, ни магазин, ни покоев служителям и работным людям зимовей в надлежащих местах по пути от Якуцка до Охоцка не построил, ни перевозки водяным путем не учредил, а которые суда мелководные немного и построил и те неудобны были и затем брошены; да и в Охоцке, где самая во всем обстояла нужда ни правянта и на свою команду, ни припасов и для своего вояжу, також и железа и инструментов и на свои суда ничего наперед себя не отправил и с собою не привез, но всего того ждал от нас же, что мы на него и отправляли и перевозили, а не он на нас трудился, и подлинно сказать можно, что он жил там в покое против нас, а надлежало б то все исправить и заготовить и перевозки учредить ему Шпанберху, ибо он наперед всех сюда послан и видел, что до прибытия ево ничего по силе указов не заготовлено и не учреждено было; да что он Шпанберх и заготовлял, и то много с немалою обидою было народу, ибо которой по Лене реке в Чечюнской волости заготовлен был лес на два судна, кои определено строить в Якуцке, тот весь возили из лесу на берег Лены реки той волости пашенные крестьяне на своих лошадях, а за оную вывозку по силе плаката заработных денег ничего им пашенным не дал, о чем они на него господину капитану командору в Якуцку и жаловались, а от него капитана командора к нему Шпанберху и ордер послан был, по которому о том велено ему отвечать, на что он ответом объявил, выдумав явную ложь, ибо иным нечем отговариваться, понеже денежная казна у него в приемке была, но будто они пашенные тою своею работою сами поклонились в казну и денег не взяли, чего от них никогда не бывало, ибо им из своей воли уступать не для чего, понеже им в том немалой был труд и в их крестьянских работах не без помешательства, да и лошадьми весьма нужны, да ежели б подлинно поклонились работою из своей воли, тоб почто им после на него и жаловаться, но разве из за страха, да и где это слыхано, чтоб такие бедные работные люди за надлежащую свою работу денег не брали, еще же он Шпанберх и тунгусам в Охоцку, коих было у него в работе не мало всем заработных денег не давал же долгое время и никогда б надеюсь не дал, ежели б по протестам Скорнякова Писарева не послан был к нему о том от господина капитана командора ордер; он же капитан Шпанберх и тем хвалится, что скоро ехал и в

Охоцк поспел рано и от того беспокойство принимал, но и то ево поспешение было не для чего иного, точию чтоб всех там взять в свою команду и сбор ясака заставить, ибо ведал, что там некому ему противится уже один большой будет понеже он чести великой любитель по своему характеру, и ежели б ему возможно было, тоб он всех здесь под свою команду забрал, чтоб ево все боялись и никто б ему ни в чем препятствовать не мог и не успел лишь только туда приехать, то весь Охоцк и взял в свою команду сильно, а бывшего штурмана Ивана Бирева, которому поручено было Охоцкое правление, за то что он в том ему Шпанберху противился и не стал было той охоцкой команды отдавать, раздевал и хотел бить батожьями и стал он Шпанберх командовать всеми и к ясашному сбору определять и посылать и сам в приказной избе заседать; чтоже еще из того ево в Охоцк и поспешения воспоследовало, но великой было учинился служителям, которые с ним Шпанберхом прибыли, голод, чего ради принужден был из Охоцка в 735-м году назад уехать в Якуцк, ежелиб не попалося ему на Урике реке оставленного от подполковника Мерлина несколько сот пудов правианта, что он увидя у Жестой реки опять в Охоцк возвратился и перевозить тот правиант велел, да и того не довольно б было ежели б еще к тому не поспешил присланной от господина капитана командора Беринга в том 735-м году летом сухим путем на вьюшных лошадях прямо из Якуцка правиант семьсот пудов, да и в протчем ево по Сибири проезде непорядочные происходили и приемы и отдачи припасов и правианта, не так как надлежало доброму командиру, но обязывал к тому и солдат команды своей людей безграмотных, да и не приняв с рук на руки и без росписок, а из Якуцка отбытие ево в 734-м году в Охоцк куда он спешил, чтоб заставить збор ясака уже и паче весьма непорядочное было; что приплавленные с собою припасы и инструменты и несколько разных правиантов оставил на руках у одного солдата, а довольно было в ево команде и обер и унтер офицеров есть кому б поручить под охранение, ибо он с собою в Охоцк из морских не токмо из обер но и из унтер офицеров, кроме писаря да боцманмата, не взял, всех покинул в Якуцку, да и командирами оставил трех офицеров бывших лейтенантов что ныне капитан Валтона, да штурманов в ранге флота лейтенантов, Прончи-

щева, Плаутина равными ибо дал им инструкцию обще на имя всех их, а не одному Валтону и имянного списка служителей, коих оставил в Якуцку обстоятельно к ним не сообщил, а правианта много покинул и безизвестно, ибо такие были приплавленные при команде ево сверху Лены реки два плота, о которых какие они и сколько на них правианта и чьево приему и где те приемщики, оные, оставленные от него командиры и не знали, понеже о том к ним не сообщил же, и тако они несколько времени у берегу без выгрузки стояли и едва об них уведомились, что те плоты со экспедичным правиантом, от чего много правианта и не явилось, и сыскать не наком, разве на нем Шпанберхе, понеже он одного комиссара, которой определен был от Иркутской провинциальной канцелярии неведомо для чего еще с Лены реки с сплошного лугу отпустил, а правиант у него велел принять солдату которой и принял без весу, и о таком ево Шпанберха непорядочном вступлении в прием правианта и о протчем Иркутская провинциальная канцелярия на него Шпанберха господину капитану командору и протестовала; також и в прошлом 739-м году как он прибыл из морского походу в Охоцк и поехал в Якуцк и тогда от езды ево было беспорядочной же и все припасы оставил и без надлежащей росписи, что уже после ево переписывали мы, да и в нынешнюю ево бытность на Камчатке в Большерецком остроге всех не токмо рядовых служителей, но и обер и унтер офицеров загнал из Большерецка жить на речку Чекавку расстоянием от Большерецка верстах в тридцати в пустое место, где ни рыбы, ни другой пищи (кроме одного правианта), ни жилья нет, где и продержал их почти с половины зимы и весну всю, ибо починивал тут суда в том числе и новое, которое построено в Охоцку в прошедшем 741-м году пакетбот именуемой Св. Иоанн, от которого недовольства пищи и утеснения служители не малую претерпевали нужду и больных было вдруг более осьмидесяти человек и с тем иных и на море взял, но не токмо команду свою всю, но и служилых много, еще же посадских людей забрал тудаж, а дела им было только что около судов снег велел огребать, и то признаваётся, что забирал их знатно из корысти своей, а не для настоящей работы, понеже довольно было у него в команде и служителей экспедицких, да и тех хотя и суда там починивать надлежало бы определять ему по рассмотрению

и с переменою, а не всех вдруг загнать такое множество и в такое нужное место, да и делать им всем там кажется нечего, ибо не новые суда строить, да которое судно пакетбот Св. Иоанна в Охоцку и строил, и то как мастер Козмин рассказывает с великим непорядочным поспешанием, которую де скоростью никак невозможно и построению быть крепко, понеже де доски пригибали и пришивали и конопатили все вдруг от чего лишь пошел из Охоцка в Большерецк в прошедшем 741-м году, то во оном судне и стала быть течь, а хотя и не на Чекавке речке чинили и конопатили токмо и в нынешнем ево последнем морском походе как слышно ж было в том судне наибольшая течь, а признаваётся ж, что он Шпанберх то судно пакетбот Св. Иоанн так спешил строить, не для чего иного точию чтоб отбыть скорее из Охоцка и тем бы избыть от следствия, которое указано было, учинить бывшему Охоцкому командиру Давиеру по протестам Скорнякова Писарева и укрыть свои дела, которые тем бы следствием могли явны быть; он же Шпанберх в нынешней осени по прибытии из того морского походу в Охоцк как слышно ж команды своей морского солдата Федора Буркова в доме своем неведомо за что бил своими руками и ногами топтал смертно, которого так и оставил в Охоцку и будет ли жив неизвестно; а оной Бурков ему Шпанберху человек причинной, потому что многое до него касается свительство по доношениям корабельного писаря Михаила Перевалова, ибо он Бурков от самого Санкт Питербурха и до Охоцка и в Охоцку уже несколько лет был всегда при нем Шпанберхе и при жене его безотлучно и управлял в доме как дворецкой, все чрез ево руки переходило; и как можно мне быть у него Шпанберха в команде у такого непорядочного командира, да еще же у подозрительного по многим другим делам, о которых ниже предложися, да к тому кроме того за одними ево ложными на меня в Государственную Адмиралтейскую Коллегию протестами, и за моими на него предложениями, також и за многими ево Шпанберховыми показанными ко мне обидами (о которых своих обидах ныне по надежде что по посланным моим трем прошениям к рассмотрению в Государственную Адмиралтейскую Коллегию от экспедиции уволен буду умалчиваю) быть мне в команде ево Шпанберха никак невозможно, тако ж и всех вышеупомянутых дел кроме того что я по силе объявленных инструкцией

не смею без указа никому вручить, но по другим многим обстоятельствам ему капитану Шпанберху отдать невозможно ж, ибо в них многие имеются дела на него подозрительные по протестам бывшего Охоцкого командира Скорнякова Писарева и по доношениям команды ево капитана Шпанберха вышереченного корабельного писаря Михаила Перевалова о вступлении им Шпанберхом в Охоцку без указа собою в збор ясака для своей корысти и в команду Охоцкую о корчемстве в продаже также заповедного китайского табаку называемого шару, о чем многие люди допросами показали, что такой шар и у жены ево и у девки в разные числа неслыханно дорогою ценою покупали и о безвинных побоях разных чинов людей многих и не своей команды и при том о травлении им же Шпанберхом мастера ластовых судов Макара Рогачева и протчих собаками, у которого Рогачева объявил, что от того и ныне на руке ево есть знак, також и о лихоимственных взятках и о протчих ево Шпанберховых непорядочных и противных указам поступках в бытность ево в Сибири и в Охоцку и на Комчатке и которых исследовать определено господину капитану командору Берингу присланными из Государственной Адмиралтейской Коллегии указами; и уже некоторые следствия были, а иным следствиям по силе тех же указов больше еще впредь быть надлежит, ибо за отлучками ево от главной команды (к чему он весьма спешил, чтоб обстоятельных о себе следствий не допустить и как бы нибудь от того отбыть) к тому ж между тем и за долговременным капитана командора из вояжу не прибытием о многом еще не следовано, в тех же делах имеются ж ордеры, каковы посланы к нему капитану Шпанберху от господина капитана командора Беринга запретительные о невступлении в дела и в команду Охоцкого правления и о протчем по которым он исполнения не учинил; також и ево капитана Шпанберха на те рапорты предосудительные в укоризну ему господину капитану командору и не послушные из которых один рапорт он господин капитан командор и в Государственную Адмиралтейскую Коллегию при рапорте своем с Камчатки в 741-м году послал с представлением на него Шпанберха жалобы, а имянно, о невысылке им Шпанберхом по посланному к нему от него господина капитана командора (по силе общего нашего с ним капитаном командором и с протчими офицерами определения)

ордеру пробирного мастера Гардебола и протчих в свидетельстве по важному делу в Иркутскую провинциальную канцелярию; також имеется доношение на него Шпанберха от майора Павлуцкого в бою ево Павлуцкого на Камчатке в квартире своей и в протчем, по которому также еще не исследовано; и по таким обстоятельствам не только вышепоминаемых дел отдать ему невозможно, но и присылаемых на имя господина капитана командора Беринга указов весьма забирать к себе ему не надлежит, дабы ежели те дела попадутся в руки ево, то б из них тех касающихся до него дел не скрыл, також и указу такова, ежели иногда прислан будет на имя господина капитана командора о следствии ж ево Шпанберха, или о протчем (как из поступок ево признается) может быть не в пользу ему, чтоб он Шпанберх забрав к себе и увидя то не затаил, и безизвестно о том не осталось, а на протчих бы невинных в том не взыскалось, или другим каким образом не утратились бы, ибо уже ево Шпанберховых старых письменных дел едва у него осталось ли, что понеже он Шпанберх присланным к господину капитану командору Берингу рапортом, который имеется у меня объявил, что в 741-м году в феврале месяце в Якуцку квартара ево Шпанберхова и со оною де обще контора сгорели, и в том де пожаре в конторе и присланные на имя его господина капитана командора с указами конверты из Правительствующего Сената один, из Государственной Адмиралтейской Коллегии двенадцать, из Сибирского приказу два, також промемории и рапорты всего двадцать пять конвертов, которые де все положены были в один ящик сгорели, а хотя он Шпанберх сказывает, что от того пожару будто ему и убыток есть, однакож в протчем хлопот ему меньше будет, ежели все старые ево дела згорели, понеже и считать ево будет уже не почему, а какие и те указы и промемории и рапорты были кои згорели, о том он Шпанберх хотя и смотрел, ибо он уже распечатывал, токмо не сообщил, а объявил другим рапортом своим, что о присылке де с ним дубликатов как в Государственную Адмиралтейскую Коллегию и в Сибирской приказ рапортами, так и в протчие места промемориями от него писано; точию всель дубликаты присланы, про то знать мне не можно; понеже указы все как выше предложено забират он Шпанберх к себе; а каковы ль меня к нему капитану Шпанберху два письма о том почему

присылаемым на имя господина капитана командора Беринга указам надлежит быть у меня, а не у него и о прочем посланы, також и от него Шпанберха на оное одно письмо ко мне прислано с тех писем предлагаю при сем точные копии; чтоже из оных во втором моем письме писаном к нему минувшего ноября 15 числа между прочим объявлено, что по сообщенным от него ко мне с присланных на имя господина капитана командора указов копиям и исполнять я не без опасения, понеже он Шпанберх русского письма читать не очень доволен и в письмах ево видны были весьма нужные слова не в надлежащую силу и неправо написаны и прочее, а в каких письмах того во оном моем письме к нему не объявлено, для того он сам о том известен, а Государственная Адмиралтейская Коллегия может быть и не известна; того ради о том Государственной Адмиралтейской Коллегии сим доношу, первая, в бытность в Охоцку в 740-м году, когда по силе блаженныя и вечно достойныя памяти великой государыни императрицы Анны Иоанновны указу сочинялась всеми бывшими тогда тамо экспедициями офицерами и им Шпанберхом по особливой порученной ему Шпанберху экспедиции ведомость, что по данным ему инструкциям исполнено и чего еще не исполнено, тогда при сочинении оной нашлося, что в данном от него капитана Шпанберха бывшему в команде ево лейтенанту, что ныне капитан Валтону (который в вояже с ним разлучился и ходил один) и в подлинном за рукою ево Шпанберховою ордере (а не токмо в копиях) написано; ежели паче чаяния от него Шпанберха отлучится и найдены будут им Валтоном дале самой Японии острова или земли так их осмотреть, а в инструкции Государственной Адмиралтейской Коллегии в пятом пункте в такую силу написано, чтоб итить от Камчацкого южного носу дале тех островов, которые видел навигатор Евреев к самой Японии, ежели острова и земли находится будут, а чтоб быть до самой Японии того в инструкции не находится, а он капитан Шпанберх при сочинении означенной ведомости объявил, что де в посланном от него к Валтону ордере написано, ежели им найдены будут острова и земли дале Японии будто бы ошибкою писаря, понеже де он Шпанберх читать русского письма не очень доволен, что в тое ведомость и внесено, которая за руками нашими и ево Шпанберха в том же 740-м году в бывшей тогда кабинет и послана; второе, от

него ж Шпанберха в 736-м году прислано к господину капитану командору Берингу из Охоцка в Якуцк дело за рукою ево, которое происходило следствием о колодниках о показателе важного дела команды Охоцкого правления служилом Арзамасове и о других и о прочем, которой Арзамасов тогда от бывшего Охоцкого командира Скорнякова Писарева и послан в Иркутскую провинциальную канцелярию, а в том присланном деле из указа, состоявшегося в 730-м году апреля 10 дня о первых двух пунктах много неверно, выписано с немалою проронкою против подлинного печатного указа, о чем к нему от господина капитана командора и ордер был послан; чтоб он о том ответствовал, а на выше помянутое присланное ко мне от него капитана Шпанберха письмо хоша в нем и не подлежащее дело писано, токмо я к нему Шпанберху уже ничего больше не ответствовал, не хотя с ним излишних чинить переписок и тем умножать дел и наводить затруднение, ибо сколько к нему о том ни писать, он надлежащего не учинит, а и умолчать не может же, чтоб ему себя не править излишнего не требовать, а меня не винить, понеже он Шпанберх не токмо к таким перепискам, но и посторонние дела где ево и не спрашивают вступаться и писать великий охотник, а ему Шпанберху не токмо ордерами капитана командора, но и присланными из Государственной Адмиралтейской Коллегии указами в посторонние и не подлежащие до экспедиции дела отнюдь вступаться не велено и о том накрепко ему запрещено, а о вышеписанном Государственной Адмиралтейской Коллегии сим представляю в высокое и милостивое рассмотрение.

Капитан Алексей Чириков.

Якуцк в 13 день декабрь
1742 года.

ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 52.
лл. 243—249, подлинник.

Документ № 3

В Государственную Адмиралтейскую Коллегию

Р а п о р т

Ея императорского величества из Государственной Адмиралтейской Коллегии указ, писанной октября от 16 дня прошлого 744 году под номером 2458, в котором

написано: в указе де ея императорского величества из Правительствующего Сената в Адмиралтейскую Коллегию написано: оный де Сенат по доношению и мнению Адмиралтейской Коллегии приказали по прошению вашему ежели до вас в камчатской экспедиции каких дел не имеется, то быть вам в Санкт-Петербурх к команде, а тамо оставшую вашу команду принять другому, а по справке во оной Коллегии по смерти капитана командора Беринга велено как слугителей, так суда, припасы, правянты и письменные дела кои были в команде ево Беринга по посланным от Коллегии указом велено произвести следствие; (1) в 736 году декабря 1 дня в бою ластовых судов мастера Рогачева от флота капитаном Шпанберхом на что оной Беринг и рапортовал, что оное следствие не окончено за бытием капитана Шпанберха в вояже, по которому рапорту Коллегиею определено оставить до возвращения Шпанберха из экспедиции; (2) в 738-м году августа 16 дня по рапорту капитана Шпанберха о учиненных де нами во отправлении правянта и судов и в протчем препятствиях и остановке и на оной помянутой Беринг октября от 31 дня 739 году рапортовал, что за отбытием Шпанберха в Питербурх следовать неким и декабря 3 числа послан к нему Берингу о том следствии вторичной указ а рапорта де на оной не получено; (3) в 741-м году сентября 17 дня по указу Правительствующего Сената по доношениям бывшего в Охоцке командира Скорнякова Писарева в сидении капитаном командором Берингом и капитаном Шпанберхом и протчими команды камчацкой экспедиции слугители вина и в торговле оным и табаком и мягкою рухлядью и о неплатеже пошлин по учиненных им Писаревым в произвождении камчацкой экспедиции препятствиях и о произвождении ж в продажу казенного вина дорогою ценою и о протчих непорядочных поступках изследовать определенному вновь командиру Давиеру; (4) в 742 году апреля 12 дня по указу ж Сената а по прошениам Иркутской правинции Якуцкого ведомства княжцое о взятъе камчацкой экспедиции плавающими по реке Лене на боте и дубельшлюпке и на мелких судах до Алданского устья у рыбного промысла ясашных якутов на суда в работу и об отъеме лодок, неводов и сетей и о взятъе промышленной рыбы грабежем безденежно и о покупке в экспедицию и к Охоцкому правлению скота малою ценою изследовать

иркуцкому вице-губернатору Ланге, а вам де велено что к тому следствию от команды вашей потребно будет оное сообщать немедленно; да сверх того по посланным от Коллегии указом велено де вам произвести следствий; а имянно в 741-м году марта 20 дня о шхипоре Белом в брани им Белым лейтенанта Вакселя и в назывании экспедичным вором, в 743-м году ноября 14 дня об отправлении капитана Шпанберха с командою из Якуцка в Охоцк без указа, причем и от оного Шпанберха велено взять ответ; ноября ж 29 дня о учинившемся на судне брегантине Архангел Михаиле, на котором был командиром геодезии подпорутчик Свистунов, от сломяния мачты и отрубления такелажа казенном убытке, причем потому ж велено от оного Шпанберха взять ответ, того де ради сего октября 12 дня по указу ея императорского величества Адмиралтейств Коллегия во исполнение вышеписанного присланного из Правительствующего Сената указу определили де послать к вам указ, по которому де вам учинить следующее по прежде посланным указом о шхипоре Белом в брани им лейтенанта Вакселя и об отправлении капитана Шпанберха с командою в Охоцк без указа и о учинившемся на брегантине от сломяния мачты и отрубления такелажа казенном убытке ежели не исследовано и от кого подлежит ответов не взято то по оным де указом вам из имеющих при вас под командою вашею служителей кого подлежит допросить, а которые служители в протчих местах и не под командою вашею обретаются и буде кого надлежит потому ж допросить, тем учинить вам с надлежащим обстоятельством вопросительные пункты, которые де послать вам в те места, где оные служители имеются к командирам с таким требованием, чтоб оных там допросить и в чем подлежит изследовать и те допросы и следствием из оных мест прислать в Коллегию немедленно; что же касается по вышеписанным делам до капитана Шпанберха и шхипора Белого тем потому ж о чем кому надлежит учинить де вам вопросительные пункты и где они обретаются в те места к ним послать, а им учиня по тем пунктам ответы прислать в Коллегию, ежели же из имеющих в команде оного Шпанберха служителей касаться будут к ответу по следующимся об нем Шпанберхе делам о тех де вам писать о допросе к кому заблагорассудите кроме ево Шпанберха, ибо ему по собственному до него делу присутствовать при

допросу оных не подлежит и по исправлении де оного вам з допросами и следствием протчих служителей, кои допрашиваны будут вами имеющиеся под командою де вашею ехать в Санкт-Питербурх и явиться в Коллегию, а команду де вашу как морских и адмиралтейских и протчих служителей кои допрашиваны також денежную казну, правиант и припасы и письменные дела и протчее с описью поручить все от флота лейтенанту Вакселю и велеть ему Вакселю все оное содержать по указам и регламентам, чтоже кроме вышешоказанного еще исследовать велено: (1) в бою капитаном Шпанберхом ластовых судов мастера Рогачева и оное по силе прежняго коллежского определения оставить до возвращения его Шпанберха из экспедиции, понеже по посланному от экспедиции над верфями и строениями указу и помянутому мастеру Рогачеву велено быть в Санкт-Питербурх; (2) по рапорту капитана Шпанберха во учиненных де вами во отправлении правианта и судов препятствиях и остановке подлежащей ответ по прибытии сюда подать де вам в Коллегию; (3) в сижении камчатской экспедиции служителями вина и в торговле оным також и табаком и рухлюдью которое следствие велено производить в Охотке, хотя де в присланном из Сената указе о том что по тому следствию до вас касается ль, что и не изображено, а показано точно о капитане командоре Беринге и о капитане Шпанберхе и о протчих служителях однакож де буде какие ответы от вас требуются или де вы должны и без требования в том ответ дать, то вам те ответы немедленно к тому следствию отослать дабы де за неприсылкою от вас тому следствию ни малейшего продолжения и остановки быть не могло и для того де вам не отослав к тому следствию ответов отнюдь сюда не ездить под опасением ежели впредь о том в Коллегию будут представлении не малого штрафа, а ежели де от вас к тому следствию никаких ответов не требуется, того де вам ехать сюда безостановочно; (4) о взятъе якутов на суда и в отъеме судов и протчего которое следствие велено производить иркуцкому вице-губернатору Ланге потому ж ежели что потребно от вас оное вам отослать немедленно, а ежели де от вас ничего не требуется то об оном указ для исполнения впредь отдать означенному ж Вакселю и о получении вышешописанного ея императорского величества указом и ко известию о чем тогда можно было рапортовано от меня

в Государственную Адмиралтейскую Коллегию генваря 22 числа минувшего 745 году под номером 23-м, а ныне рапортную какое по силе оного ея императорского величества указу мною исполнение учинено, а имянно: (1) что касалось следствием до флота лейтенанта Вакселя и шхипора Белого понеже они оба при команде моей в Енисейске обретались на лицо по силе прежде присланным ко мне из Государственной Адмиралтейской Коллегии указов первого состоявшегося в правлении принцессы Анне Брауншвейг Люнебургской писанного апреля 28 дня 741 году которым велено по силе сообщенной во оную Коллегию и канцелярию тайных розыскных дел промеромии и выписки в коих показано в присланном де в Правительствующий Сенат от капитана командора Беринга рапорте объявлено, что шхипор Иван Белый лейтенанта Вакселя называл экспедичным вором и плутом и каналиею и сукиным сыном и бранил матерно в чем он де Белый и в тайной канцелярии и роспросе не запирался и объявил на оного Вакселя о взятъе им себе казенной муки и о привозе им на казенных судах якуцкого полку солдату Николаю Чемодурову собственного ево Вакселя поступках и о прочем с которой выписки при помянутом указе прислана копия, да по указу ея императорского величества присланного февраля от 21 дня 743 году которым велено о вышеписанном следствии произвестъ, тогда когда оной Ваксель и прочие служители из вояжа прибудут и по силе третьего вышепрописанного указу на которой сей рапорт в Коллегию прилагается также по поданным от него Белого на лейтенанта Вакселя бывшему господину капитану командору Берингу генваря 29 числа, да февраля 28 числа 740 году двум доношениям понеже он которых делал о каковых объявлено в доношениях поданных капитану командору о таковых же и в присланной из Коллегии с сообщенной во оную Коллегию из канцелярии тайных розыскных дел с роспросу ево шхипора (Белого) выписки копии, показано, а об иных делах и вновь в той выписке объявлено чего в доношениях к капитану командору от него шхипора и не показано а в доношениях объявлено: того ради выписав и с присланной копии с роспросов шхипора Белого в канцелярии тайных розыскных дел что им шхипором показано на лейтенанта Вакселя также и с помянутых двух доношений что до лейтенанта Вакселя каса-

лося обще команды моей с обер офицерами которые к тому свободны были и с штурманами по указам и регламентам и по форме суда следовал и которые из наличных служителей подлежали по свидетельству к допросам и те под присягою допрашиваны и прочее что надлежало учинено, которые же служители надлежали к свидетельству а распушены по городам о тех допросе писано от меня тех городов в канцелярии, а имянно в Сибирскую губернскую и в Иркутскую провинциальную приложу и имянные им регестры дабы оные допрошены были под присягами ж и чтоб те допросные речи присланы были и с помянутых канцелярией в Государственную Адмиралтейскую Коллегию немедленно, а произведенное мною с офицерами следствие при копии с одного вышеписанного указа, а при другом подлинном указе сообща с вышепомянутыми ж поданными от шхипора Белого на лейтенанта Вакселя к покойному господину капитану командору Берингу двумя доношениями при сем в Государственную Адмиралтейскую Коллегию прилагаю в связке под 1-м номером, а понеже лейтенант Ваксель просил о бесчестии жены своей Ульяне Петровой дочери им же шхипором Белого и о том произведено следствие особое, которое прилагается под 2-м номером; (2) что касается ко учинению вопросительных пунктов капитану Шпанберху и отсылки к нему оных против которых велено ему в коллегию ответствовать об отправлении ево с командою в Охоцк без указу и о учинившемся на брегантине от сломяния мачты и отрубления такелажа казенном убытке и ко изследованию об оном служителями команды ево донес я Государственной Адмиралтейской Коллегии вышеписанным рапортом своим генваря от 22 числа минувшего 745 году, что по согласию моему команды моей с офицерами во оное до получения указу на посланной от меня августа 24 числа в 744 году в Коллегию рапорт не вступать, ежели же по исправлении протчих надлежащих мне дел и когда уже мне в Енисейске при команде камчатской экспедиции жить будет не за чем, а на упоминаемой посланной от меня августа от 24 дня 744 году рапорт из Коллегии указу не получу то по силе сего последнего выше прописанного указу к капитану Шпанберху написав пункты чтоб против оных в коллегию ответствовал пошлю и что о учинении надлежащих допросов команды ево служителям и о присылке тех допросных

речей в Коллегию и о прочем будет писано от меня в томскую воеводскую канцелярию понеже он капитан Шпанберх с командою обретался тогда в Томске и понеже чаемого указа на рапорт мой, посланный в Коллегию августа от 24 дня 744 году мною не получено, того ради мая 31 дня минувшего 745 году во исполнение присланных ко мне ея императорского величества указов определил я обще камчацкой экспедиции с офицерами, а имянно с лейтенантом флота Вакселем, со шхипорами Белым, Коростелевым, с геодезии прапорщиком Чекиным, с геодезистом Киндяковым, со штурманами Петровым и Юшиным учинить следующее: первое, флота капитану Шпанберху учиня вопросительные пункты отослать к нему в Томск при промемории и писать чтоб по силе указов на оные написав ответы послал в Государственную Адмиралтейскую Коллегию и тою промемориею ему Шпанберху объявить, что хотя точная копия с письма ево ко мне Чирикову августа от 19 дня 744 году, которым показал, что он ответствовать нам не должен того ж августа 24 числа от меня в Государственную Адмиралтейскую Коллегию и послано и притом как я так и прочие команды моей офицеры просили дабы от следствия за ним Шпанберхом указом ея императорского величества отрешены были точию и поныне на оной рапорт из Коллегии указу не получено, а октября от 16 числа 744 году указом ея императорского величества и дубликатом одного указу того ж октября от 3 дня велено во исполнение прежних указов, а имянно посланных ко мне из Коллегии ноября от 14 дня и того ж ноября от 29 дня 743 году что к ответу ево капитана Шпанберха касается учиня мне вопросительные пункты послать ныне где он обретается, по которым ему Шпанберху учинить же ответы и послать в Коллегию о чем и к нему Шпанберху от того ж времени из Коллегии указ послан же, почему вопросительные пункты и учинены и при надлежащей промемории в Томск к нему и посланы, по которым ему и надлежит написав ответы послать в Коллегию немедленно; второе, определили писать к нему ж капитану Шпанберху, чтоб учиня два списка первой служителям, служилым и работным людям, которые обретались у него в команде при Якучке в 743-м году и отправлены им и при нем следовали водою и сухим путем в Охоцк, так же и кто взяты были им в том же 743 году на суда в работу для водяного пути к Юдом-

скому кресту из команды якуцкого полку капитана Лебедева, кроме ссыльных людей с показанием кто из них обретаются ныне при команде ево в Томске на лицо и кто из них куды в протчие команды и в которые города имянно от него капитана Шпанберха отпущены; другой список о служителях, которые обретались на брегантине Архангеле Михаиле в 741-м году во время следствия от Охочка до Большерецка в команде геодезии подпоручика Свистунова с ясным же показанием кто из них обретается на лицо при команде в Томске и где кто в отлучках имянно и отослать бы немедленно оные списки в Томскую воеводскую канцелярию понеже оное следует ко исполнению по вышепоказанным ея императорского величества указам; третье, по силе вышеписанных указов первого, присланного октября от 14 дня и второго ноября от 29 дня 743 году учиня вопросительные пункты по первому обер и унтер офицерам и всем служителям и протчим людям команды капитана Шпанберха, которые отправлены им и при нем самом следовали в 743 году из Якуцка в Охочк, по которому всем же служителям бывшим в 741 году на вышеупоминаемом брегантине в команде геодезии подпоручика Свистунова послать три промемории в Томскую воеводскую канцелярию и по силе вышепоказанных указов требовать, чтоб оная канцелярия взяв флота от капитана Шпанберха команды ево служителям и протчим людям с вышепоказанным обстоятельством два списка обретающихся на лицо при Томске по присланным от нас вопросительным пунктам по регламенту каждого допросила и в чем подлежит исследовала по указам и регламентам же и те допросы и следствием немедленно отослали при рапорте в Государственную Адмиралтейскую Коллегию, а которые показаны будут служители в отпуске к команде в Санкт-Петербурх и о тех бы токмо коллегию уведомить кто имянно в Питербурх отпущены, а которые из морских служителей из солдат и служилых людей распушены и обретаются по разным городам: в Тобольске, в Иркутке, в Якучке и в протчих городах о тех из Томской воеводской канцелярии приложа точные копии с присланных от нас вопросительных пунктов в канцелярии тех мест кроме обретающихся и с тех служителей и протчих людей при Охочке писать чтоб потому ж оные служители и служилые люди допрошены были и ежели какие несогласии в ответах их будут тоб исследовать по

указам и регламентам к показанию сущей правды и оные ответы и следствиями ежели произойдут отослали ж бы из тех канцелярий в Государственную Адмиралтейскую Коллегию немедленно ж; четвертое, определили понеже известно, что из вышеписанных бывших служителей в 743-м году в команде капитана Шпанберха обретаются ныне несколько при Охоцком порте, то и в канцелярию Охоцкого порта при промемории ж послать служителям вопросительные пункты и требовать же, чтоб тамошней Охоцкой командир обще с обретающимся тамо над морскими служителями командиром мичманом Васильем Ртищевым по оным посланным вопросительным пунктам кои подлежать будут допросили и ежели о чем надобно будет по обстоятельству по указам же и регламентам исследовали и потому ж допросные речи и ежели произойдет и следствие то и с следствиями прислали бы при общем рапорте в упоминаемую ж Коллегию; пятое, понеже того мая в 30 день присланы из Иркутской провинциальной канцелярии ко мне из бывших в команде капитана Шпанберха при Якуцке в 743 году которые в том году с прочими команды ево людьми из Якуцка в Охоцк водою или сухим путем дорогу имели ж, а имянно, матроз первой статьи Семен Щербаков, да прядильщик Евдоким Лютин, то оных по вышепоказанным же пунктам до кого что касается здесь при собрании вышеписанных офицеров допросить и учинить о тех допросах как мне вышепомянутые указы повелевают; шестое, каковы учинены будут все вопросительные пункты флота капитану Шпанберху и команды ево обер и унтер офицерам также и обретающимся на брегантине Михаиле при сломлении мачты и отрублении такелажа с настоящим определением при делах камчацкой экспедиции иметь за подпискою всех вышеписанных обер офицеров геодезиста штурманов, а разослать куды по указам точные оным за рукою моею капитана Чирикова; седьмое, для обстоятельного известия что во исполнения вышеписанных указов учинено при рапорте моем со всего и со всех же учиненных по сем вопросительных пунктов послать в Государственную Адмиралтейскую Коллегию копии, а в Томскую воеводскую и Охоцкого порта канцелярии со учиненными же вопросительными пунктами обер и унтер офицерам и всем служителям и прочим людям кроме вопросительных пунктов капитану Шпанберху и с настоящего определения при

промемориях дабы чего проронено не было послать же точные копии, а к мичману Ртищеву о присутствии с Охоцким командиром у вышеобъявленных служителям вопросах и у протчего послать ордер мне и по сему вышеписанному определению исполнено и в силу первого указа присланного ко мне ноября от 14 числа 743 году капитану Шпанберху чего ради не имея точного указа на присланной от него в Коллегию декабря от 11 дня 742 году рапорт, которым требовал указ же с имеющимися об ево команде обер и унтер офицеры консилии отправляясь в такой дальней вояж (то есть из Якуцка в Охоцк) не учинил пять вопросительных пунктов написано, а команды ево служителям в силу того ж указу учинено вопросительных пунктов семь а по другому указу присланному ко мне из Коллегии того ж ноября от 29 числа о учинившемся в 741 году в команде геодезии подпорутчика Сви-стунова на брегантине Михаиле от сломятия мачты и отрубления такелажа казенном убытке флота капитану Шпанберху учинено вопросительных пунктов три и служителям бывшим на брегантине Михаиле при том сломятии мачты и отрублении такелажа три ж.

Июня 10 числа минувшего 745 году чрез Енисейскую провинциальную канцелярию и посланы против вышеписанного определения принадлежащих промемориях к капитану Шпанберху учиненные ему вопросительные пункты, а в Томскую воеводскую и в Охоцкого портовую канцелярию вопросительные ж пункты бывшим в команде у него капитана (Шпанберха) служителям и протчим чинов людям, причем куда надлежало по вышеобъявленному определению писано со обстоятельством, а в Государственную Адмиралтейскую Коллегию с вышеобъявленного общего моего с офицерами мая 31 дня 745 году определения и со учиненных нами флота капитану Шпанберху и служителям команды ево и бывшим на брегантине Михаиле при сломятии мачты и отрублении такелажа вопросительных пунктов при сем прилагаются точные копии за моею рукою в связке под номером 3; тут же приобщены допросные речи семи человек Иркутской провинции разных городов служилых людей которые допрашиваны июля 13 дня 744 году при Ускуте понеже оные ходили в 743 году из Якуцка к Майской пристани сухим путем и водою на судах до Юдомского креста в команде флота капитана Шпанберха тут же приобщены

учиненные июня 14 числа 745 году вышеписанным прибывшим в команду мою мая 30 дня того ж 745 году из Иркутской провинциальной канцелярии матрозу первой статьи Семену Щербакову да прядильщику Евдокиму Лютину вопросы и их ответы ибо оные Щербаков и Лютин в 743 году при Якуцке были у него в команде и Щербаков ездил с ним из Якуцка к Майской пристани и оттуда с ним же Шпанберхом в Якуцк возвратился и потом следовал водою при нем же до Юдомского креста и от креста при нем же следовал и в Охоцк, а Лютин отправлен был от него Шпанберха из Якуцка водою; к сему приложена копия с посланной от меня июля 14 дня 744 году в Якуцкую канцелярию промемории во исполнении присланного ко мне вышеупомянутого Государственной Адмиралтейской Коллегии ея императорского величества ноября от 14 дня 743 году указа о изследовании оною канцеляриею не было ль от отправления капитана Шпанберха с командою в 743 году вешним временем от Якуцка до Охоцка тамошним обывателям от взятъя подвод излишнего отягощения и о протчем точию на оную мою промеморию по отбытие мое от команды камчацкой экспедиции из Якуцкой воеводской канцелярии ответу не получено (3); команду мою как морских так адмиралтейских и протчих служителей також денежную казну припасы и письменные дела все с описью июня 29 числа 745 году при Енисейске поручил флота лейтенанту Вакселю с роспискою и о содержании всего оного по указам и регламентам дан ему лейтенанту от меня ордер да инструкция в двадцати в трех пунктах и со оного ордера и инструкции рапорт поданной от него лейтенанта о получении того ордера и инструкции при сем прилагаются в Государственную Адмиралтейскую Коллегию в связке под номером 4-м; тут же в связке сообщен имянной список и табель служителям которые поручены от меня лейтенанту Вакселю в команду, по которому списку он лейтенант в приеме служителей и росписался а всего служителей разных чинов осталось и с ним лейтенантом семьдесят пять человек, а на лицо при Енисейске пятьдесят семь человек которым до отбытия моего произведено денежного ея императорского величества жалованья сентября по 1 число а хлебного кому дача по указу производится августа по первое, а офицерским денщикам хлебного ж жалованья сентября ж по первое ж число минувшего 745 году, да отпущено

в Тобольске сибирского гарнизона солдат семь человек да в Иркутск из ссыльных переплетчик один а кто оные имянно также кто от экспедиции после посланных от меня в Коллегию последнего списка и табели из морских и адмиралтейских служителей за болезнми отпущены и для них посланы для лечения которые и следовали в Санкт-Питербурх со мною об оных имянной реестр подается от меня в Коллегию при особливом рапорте да в той же прилагающейся при сем вышепомянутой под четвертым номером связке имеется о денежной казне два экстракта, первой сколько и каких денег имелось в приходе у корабельного писаря Михайла Перевалова сначала определения ево к приему денежной казны, а имянно июля с 14 дня 744 году и что из оных в росходе и за росходом имелось в остатке при отбытии моем от команды камчацкой экспедиции и поручении оной флота лейтенанту Вакселю, второй, сколько имелось же денежной казны в приеме геодезиста Киндякова генваря с первого числа 745 году с остатками от прежних приемов к сему помянутому генваря первому числу (о котором остатке показано мною экстрактом же о приходе и расходе денежной казны посланным от меня в Коллегию при рапорте генваря 21 числа 745 году под номером 22-м) и сколько из оных и на что в росход удержано и за росходами чтож имелось на лицо по поручение команды ему ж лейтенанту Вакселю третий экстракт о приходе ж и росходе и о остатках денег умерших камчацкой экспедиции служителей по которым экстрактом в наличных деньгах приняв в свое ведение упоминаемой лейтенант Ваксель росписался, и имянно по первому экстракту остаточных за росходом наличных казенных денег пять тысяч сорок девять рублей двенадцать и три четверти копейки за точным приемом корабельного писаря Михайла Перевалова, а какие и куды оные деньги надлежат явствует вышеозначенной экстракт первой, по второму остаточных же за росходами наличных казенных денег за точным приемом геодезиста Киндякова пятьдесят два рубли семьдесят с третью копейки, по третьему оставшихся после умерших служителей за точным приемом помянутого ж геодезиста Киндякова принял он лейтенант Ваксель в свое ведение и росписался ж наличных денег две тысячи пятьсот пятьдесят рублей семьдесят одна с половиной копейки, да того ж упоминаемого четвертого номера в связке прилагаются реестры

геодезическим инструментам и книгам, церковным книгам же, печатным имеющимся при делах камчацкой экспедиции и прочим разным вещам по которому в приеме в ведение свое лейтенант Ваксель росписался ж тут же приобщены при рапортах, лекарские реестры лекарским инструментам и наличным медикаментам, а опись данным в камчацкую экспедицию инструкциям и данным же и присланным указам промемориям, книгам приходным и расходным, журналам рапортов, протоколам, определениям и прочим происшедшим при камчацкой экспедиции делам также опись картам (которая имеется по описи меж номерами 136-м и 137-м по которой часто упоминаемой лейтенант в приеме от меня в ведение свое росписался и состоит она в 406 номерах да сверх того которые произошли в особливой моей команде до отлучения капитана командора Беринга в морской поход в 741 году в котором же он и жизнь свою скончал в 32-х номерах) прилагается при сем рапорте в переплете под номером 5-м и поруча все вышеписанное в команду лейтенанта Вакселя по силе указу отправился я из Енисейска августа 4 числа 745 году в Санкт-Петербурх, прибыл подписанного числа при сем рапорте; (4) против рапорта капитана Шпанберха которым представлял в Коллегию будто бы мною учинено ему во отправлении правянта и судов и в прочем препятствие и остановка очем по посланному августа от 16 дня 738 году из Коллегии к бывшему капитану командору Берингу указу велено было исследовать, а от него капитана командора октября от 31 дня 739 году рапортовано что за отбытием капитана Шпанберха следовать неким точию на оное Шпанберхова на меня неправое в Коллегию представление октября 2 дня того ж 739 году при рапорте моем к помянутому господину капитану командору подан от меня ответ в шести пунктах и при том приложена табель каковым по пропорции надлежало быть толщиною на судах команды капитана Шпанберха якорным канатам и каковы были приняты, точию на лицо оных не было и каковы вместо оных из пакетботных канатов от меня к нему в Охоцк отправлены и тем рапортом своим просил я ево господина капитана командора понеже о правости почти всего ответа моего при главных экспедиционных делах известно и того ради что об оном в Государственную Адмиралтейскую Коллегию от него было свидетельствовано почему хотя и не о всем совершенно точию при главных делах

камчацкой экспедиции справка учинена и к ответам моим приобщена в семи пунктах, да того ж октября 25 числа при доношении своему капитану командору з двух писем да з двух ордеров присланных ко мне от капитана Шпанберха копии, причем объявил и подлинныя те письма и ордера за рукою ево капитана Шпанберха и просил, чтоб означенныя копии в верной списке поверены были при нем господине капитане командоре и потом чтоб приобщены были к вышеписанному ответу моему, понеже оныя следуют к некоторому оправданию моему, а к какому имянно о том изъяснено тем доношением моим чего ради и просил дабы оное доношение мое и приложенныя при нем выше помянутыя копии сверя с подлинными сообщить с преждеподанным моим ответом что им господином капитаном командором и учинено и вышеобъявленнаго октября ль 31 числа 739 году при рапорте от него господина капитана командора как ответ мой в шести пунктах с приложенною табелью о канатах так и учиненную справку при главных камчацкой экспедиции делах в свидетельство правости ответов моих в семи пунктах и помянутое ж доношение мое поданное октября 25 числа и с приложенными копиями з двух писем и с двух ордеров капитана Шпанберха в Государственную Адмиралтейскую Коллегию посланы и ныне со всего вышеписаннаго точныя копии прибавя к тому копию ж с рапорта моего, поданнаго к капитану командору упоминаемаго октября 2 числа при котором подан к нему мой ответ и для яснаго оправдания своего к всякому пункту тогдашняго ответа моего приписав из вышеупомянуемаго учиненной в свидетельство правости того ответа моего при главных камчацкой экспедиции делах в семи пунктах справки да и еще сверх онаго в дополнение прибавя ко всякому ж пункту прежняго ответа моего многое ко оправданию своему прилагаю в милостивое рассмотрение Коллегии собрав все оное в связку под номером б-м; (5) как прежним моим рапортом генваря от 22 числа 745 году Коллегии доносил, так и ныне доношу, вино я не токмо продавал но и никогда ево нигде во экспедиции не сиживал о чем могут свидетельствовать мне все камчацкой экспедиции служители, а и служителям команды своей о сижении и продаже приказами запрещал накрепко не точию в тех местах где была казенному вину продажа но и в пустых местах где мы приедучи и хоромы строили в чем жить офицерам и рядовым служителям,

а именно, при Юдомском кресте и на Камчатке при гаване Святых апостол Петра и Павла о чем свидетельствуют записки повседневным приказам, а при помянутых святых апостол Петра и Павла гавани где прежде камчадал про вино и не слыхивали моим старанием казенная винная продажа учрежена, которою продажею в короткое время в бытность мою там и лейтенанта Вакселя собрано в казну прибылых денег близ тысячи трехсот рублей и чтоб оная винная продажа упущена не была писано от меня в Канцелярию Охоцкого правления, также отнюдь табаком и мяхкою рухлядью не торговал и о том на меня никто не доносил и потому от меня и ответ ни откуда не требуют и я оному и не подлежу, а которую рухлядь имел для своей домашней нужды а не на продажу из той в Охоцке и в Якуцке отдал без всякого прекословия десятую долю в пошлину и сверх того что требовали от таможе платил же в чем даны мне выписи о чем приказами подтверждал и служителям команды своей и кто имел у себя рухлядь те со оных указную пошлину платили ж и кто б оному противен был из служителей команды моей как я возымел команду по капитане командоре Беринге ни от кого мне об оном не представлявано; (6) к следствию определенных от иркуцкого вице губернатора Ланга о взятые якутов на суда и в отъеме судов и прочего точию требован был от меня боцман Нилс Янсен да солдат якуцкого полку Шкутин да служилой человек Неустроев, на что тогда ж от меня и ответствовано что оной боцман Нилс из походу не возвратился (которой уже будучи на пакетботе Санкт Петре и умер в 741-м году), а солдат обретался в команде якуцкого полку у капитана Лебедева, а служилой человек Неустроев где находится не известно, а других требований ко оному следствию не было, ежели ж впредь востребуются и для того лейтенанту Вакселю указ для исполнения оного с прочими указами отдан да о том же и данною ему от меня вышепомянутою инструкциею в третьем пункте подтверждено. И тако, о всем, что надлежало против вышепрописанного е. и. в. указу в Государственную Адмиралтейскую Коллегию настоящим рапортом представя прошу дабы все вышеобъявленное приложенное при сем же рапорте в связках под шестью номерами повелено было от меня в Коллегию к рассмотрению принять.

Марта 13 дня 1746 году.

Капитан Алексей Чириков.

ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 51, лл. 351—563,
подлинник.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Классики марксизма-ленинизма

- Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии [М.], Госполитиздат, 1953.
- Маркс К. Капитал, т. 1, [М.], Госполитиздат, 1949, [гл. XIV].
- Маркс К. Хронологические выписки. В кн. Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, [М.], Госполитиздат, 1946.
- Энгельс Ф. Диалектика природы, [М.], Госполитиздат, 1950.
- Энгельс Ф. Анти-Дюринг, [М.], Госполитиздат, 1952.
- Энгельс Ф. Флот, Избранные военные произведения, т. 1, М., 1941.
- Ленин В. И. Развитие капитализма в России, Сочинения, т. 3.
- Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Сочинения, т. 1.
- Ленин В. И. Падение Порт-Артура, Сочинения, т. 8.
- Ленин В. И. Разгром, Сочинения, т. 8.
- Ленин В. И. О национальной гордости великороссов, Сочинения, т. 21.
- Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма, Сочинения, т. 22.
- Ленин В. И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности, Сочинения, т. 27.
- Ленин В. И. Письмо к американским рабочим, Сочинения, т. 28.
- Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос, Сочинения, т. 2.
- Сталин И. В., Жданов А. А., Киров С. М., Замечания по поводу конспекта по истории СССР. В кн. К изучению истории, Сборник, М., 1937.
- Сталин И. В. Речь на приеме в Кремле работников высшей школы 17 мая 1938 года, М., 1938.
- Сталин И. В. Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б), Сочинения, т. 11.
- Сталин И. В. О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма», Большевик, № 9, 1941.
- Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза, изд. 5-е, М., Госполитиздат, 1952.
- Ответ товарища Сталина на письмо полковника Разина, Военная мысль, № 1, 1947.
- Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания, [М.], Госполитиздат, 1950.

Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР, [М.], Госполитиздат, 1952.
История ВКП(б). Краткий курс.

II. Источники

1. Труды выдающихся русских мореплавателей, путешественников и ученых

Врангель Ф. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю в 1820—1824 гг., ч. I, СПб., 1914.

Головнин Василий. Сочинения, М.—Л., 1949.

Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, сочиненное Степаном Крашенинниковым, Академии наук профессором, т. I, СПб., 1755, т. II, СПб., 1755.

Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. С приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. М.—Л., 1949.

Лаптев Х. Описание, содержащее от флота лейтенанта Харитона Лаптева в Камчатской экспедиции, меж реками Лены и Енисея, в каком расстоянии лежат реки и на них всех живущих промышленников состояние, Записки гидрографического департамента, т. IX, 1851.

Литке Ф. П. Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военном бриге в 1821—1824 гг., М., 1948.

Ломоносов М. В. Краткое описание разных путешествий по Северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию. В кн: «Проект Ломоносова и экспедиция Чичагова», СПб., 1763.

Магницкий Л. Арифметика, сиречь наука числительная, М., 1703.
Невельской Г. И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России в 1849—1855 гг. Приамурский и Приуссурийский край, СПб., 1878.

Сарычев Г. А. О плавании Российских морских офицеров из рек Лены, Оби и Енисея, а также из г. Архангельска к Востоку по Ледовитому морю с 1734 по 1742 гг., Записки Адмиралтейского департамента, ч. 4, 1820.

Стеллер Г. В. Из Камчатки в Америку, Быт и нравы камчадалов в XVII в., Л., 1928.

Шелихов Г. Путешествие Г. Шелихова с 1783 по 1790 гг. из Охотска к Восточному океану, к Американским берегам и возвращение его в Россию... в двух частях, СПб., 1813.

2. Публикации

Андреев В. Документы по экспедиции капитан-командора Беринга в Америку в 1741 г., Морской сборник, 1893, № 5.

Ваксель Свен. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга, М.—Л., 1940.

- Гнучева В. Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках, Хронологические обзоры и описание архивных материалов, М. — Л., 1940.
- Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века, под ред. А. И. Андреева, М. — Л., 1946.
- Голенищев-Кутузов Иван. Собрание списков, содержащее имена всех служивших в Российском флоте с начала онаго, СПб., 1764.
- Документы о плавании капитан-командора Беринга к берегам Америки в 1741 году, Чикаго, 1893.
- Донесение флота капитана Беринга об экспедиции его к восточным берегам Сибири, Записки военно-топографического депо, ч. X, 1847.
- Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий, М., 1950 (документы, карты).
- Из истории освоения Северного морского пути (экспедиция Беринга). Красный архив, т. 4 (71), 1935; т. 5 (72), 1935; т. 6 (73), 1935; т. 1 (74), 1936.
- Книга Устав морской, напечатанный повелением императора Петра Великого в 1724 г., теснение 5-е, СПб., 1778.
- Кордт В. Материалы по истории картографии Украины, Киев, 1931.
- Лебедев Д. М. Плавание А. И. Чирикова на пакетботе «Св. Павел» к побережьям Америки. С приложением судового журнала 1741 г., М., 1951.
- Лобанов-Ростовский. Краткая реляция о Сибирской экспедиции флота капитана Беринга, СПб., 1824.
- Масловский. Северная война, Документы 1705—1708 гг., СПб., 1892.
- Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана, в. 1—4, СПб., 1861.
- Материалы для истории русского флота, ч. III—X, СПб., 1866—1883.
- Нартов К. Рассказы о Петре Великом, СПб., 1891.
- Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. Сборник документов, под ред. члена-корр. АН СССР А. В. Ефимова, М., 1951.
- Перевалов В. А. Ломоносов и Арктика (в книге опубликованы комментированные тексты и ряд архивных документов), 1949.
- Письмо капитана Чирикова капитану Шпанбергу от 8 июня 1743, опубликовано в сборнике архивных материалов: Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в., Л., 1935.
- Приказ капитана Шпанберга от 7.09.1743, опубликован в сборнике архивных материалов: Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в., Л., 1935.
- Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. Сборник документов под ред. и со вступительной статьей доктора исторических наук А. И. Андреева, М., 1946.
- Соколов А. Продолжение отчета о занятиях в архивах капитан-лейтенанта А. Соколова в Москве, Морской сборник, № 12, 1853 (дана характеристика ф. Миллера).
- Струве В. Я. О рукописи астронома Делиля, Записки Русского Географического общества, 1849, кн. 3.
- Экспедиция Беринга, Сборник документов, подготовил к печати А. Покровский, М., 1941.

3. Архивные материалы

Центральный государственный архив военно-морского флота (ЦГАВМФ)

- Фонд Головина, оп. 1, дд. 1, 30, 44.
Фонд Адмиралтейств-коллегии, дд. 44 и 451.
Фонд Канцелярии Апраксина, Записная книжка, ч. I, д. 235.
Фонд Беринга, дд. 28, 48, 51, 52, 65.
Фонд Гидрографии, д. 98.
Фонд Чернышева, д. 408.
Фонд Военской морской комиссии, д. 56.
Фонд 227, д. 146.

Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА)

- Фонд Правительств. сената, дд. 666 и 5960.
Фонд Госархива, разр. XXI, д. 9 доп.
Фонд Миллера, д. 285.

Архив Академии наук СССР

- Фонд 21, оп. 5, д. 58 (шканечный журнал пакетбота «Св. Павел», составленный Чириковым во время его плавания к американским берегам в 1741—1742 гг.)

Архив древних карт ГУВМС СССР

- Портфель 14, Генеральная карта северо-восточной части Российской империи, датированная 10 мая 1746 г., подписана А. Чириковым, С. Малыгиным, Д. Лаптевым, Х. Лаптевым, С. Хитровым, Дм. Овцыным, И. Елагиным.
Портфель 4, Карта восточного берега Камчатки, составленная гардемаринном Юрловым в 1742 г. по указанию Чирикова.
Портфель 9, Карта пути сообщения от города Якутска по рекам Лене, Алдану, Мае, Юдоме до пристани Юдомский крест, составленная в 1737 г. по указанию Чирикова.
Портфель 14, Генеральная меркаторская карта Северного моря, составленная с разных карт Морской академии в 1742 г.
Портфель 14, Сводная карта, составленная в Морской академии 19 ноября 1742 г. Карта отображает открытия русских мореплавателей в период 1725—1742 гг.
Портфель 3, Карта плавания пакетботов «Св. Павел» и «Св. Петр» в 1741 г. к американским берегам, составленная И. Елагиным по указанию Чирикова.
Портфель 4, Морская карта северо-восточной части Азии и северо-западной Америки, отображающая исследования Григория Шелихова.

III. Литература

- Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, т. I, Иркутск, 1932.
Андреев А. И. Роль русского военно-морского флота в географических открытиях XVIII в., Морской сборник, № 4, 1947.
Андреев А. И. Экспедиция Беринга, Известия Всесоюз. Географ. общества, т. 75, в. 2, 1943.

- Андреев А. И. Экспедиция на Восток в связи с картографией Сибири первой половины XVIII в., Труды историко-архивного института, 1946, в. 2.
- Багров Л. С. Карты Азиатской России, СПб., 1914.
- Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений России, ч. I, М., 1894.
- Баскин С. И. Большой Камчатский чертеж, Известия Всесоюзного Географического общества, т. 81, 1949, в. 2.
- Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв., в. 2, Пг., 1922.
- Бахрушин С. В. Военно-промышленные экспедиции торговых людей в Сибири в XVII в., Исторические записки, 1941, кн. 10.
- Белов, Плансон и Клыков. Краткий исторический очерк гидрографии русских морей, ч. I, СПб., 1896.
- Бейкер Дж. История географических открытий и исследований, М., 1950.
- Бендер Н. А. Имена русских людей на карте мира, М., 1948.
- Берг Л. С. Известия о Беринговом проливе и его берегах до Беринга и Кука, Записки по гидрографии, в. 2, 1919.
- Берг Л. С. Ломоносов и первое русское плавание для отыскания Северо-восточного прохода. Известия Всесоюз. Географического общества, т. 7, в. 6, 1940.
- Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга, 1725—1742 гг., изд. 3, М.—Л., 1946.
- Берг Л. С. Очерки по истории русских географических открытий, изд. 2, Л., 1949.
- Берг Л. С. Великие русские путешественники, М.—Л., 1950.
- Берг Л. С. Открытие русскими северо-западной Америки, Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Ленинграде в 1950 г., Л., 1950.
- Берх В. Путешествия по Северной Америке к Ледовитому морю и Тихому океану, совершенные господином Херном и Мекензием, СПб., 1808.
- Берх В. Путешествие капитан-командора Беринга и капитана Чирикова, Благонамеренный, 1818, ч. 2, № 6.
- Берх В. Хронологическая история открытия Алеутских островов или подвиги российского купечества с присовокуплением известия о меховой торговле, СПб., 1823.
- Боднарский М. С. Очерки по истории русского земледелия, I, М., 1947.
- Бэр К. М. Беринг и Чириков, Русский инвалид, 1849, №№ 121—123.
- Бэр К. М. Заслуги Петра Великого по части географических познаний. Записки Русского Географ. общества, чч. III и IV, 1848.
- Вахтин. Русские труженики моря. Первая морская экспедиция Беринга для решения вопроса, соединяется ли Азия с Америкой, СПб., 1819.
- Верходубов В. Д. Полководческое искусство Петра I, М., 1951.
- Веселаго Ф. Очерки истории морского кадетского корпуса, СПб., 1852.
- Веселаго Ф. Очерки русской морской истории, ч. I, СПб., 1875.
- Визе В. Ю. Моря Советской Арктики, изд. 3-е, М., 1948.
- Висковатов А. Краткий исторический обзор морских походов русских и мореходства их вообще до исхода XVII столетия, изд. 2-е, М., 1946.

- Висковатов А. Как Сибирь стала русской землей, 1914.
- Высшее Военно-морское ордена Ленина краснознаменное училище имени М. В. Фрунзе, краткий очерк, М., 1951.
- Галанин Д. Д. Леонтий Филиппович Магницкий и его Арифметика, М., 1914.
- Державин К. Н. Вольтер, М., 1946.
- Дивин В. А. А. И. Чириков — замечательный русский мореплаватель и ученый, стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральном лектории Общества в Москве, М., 1950. (Всесоюз. общество по распространению политических и научных знаний).
- Дивин В. А. Великий русский мореплаватель А. И. Чириков, М., 1949.
- Долгих Б. О. Новые данные о плавании русских Северным морским путем в XVII в., Проблемы Арктики, 1943, № 2.
- Евтеев О. А. Первые русские геодезисты на Тихом океане, М., 1950.
- Ефимов А. В. Из истории русских экспедиций на Тихом океане, М., 1948.
- Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий, М., 1950.
- Знаменский С. В поисках Японии (Хабаровск), 1929.
- Зубкова З. И. Алеутские острова, М., 1948.
- Зубов Н. Н., Черненко М. Б. Русские люди в Арктике и Антарктике, М., 1951.
- Иванов С. Американские интервенты на Советском Дальнем Востоке, Владивосток, 1951.
- Ивашинец П. Русские кругосветные путешествия с 1803 по 1849 г., СПб., 1872.
- История дипломатии, т. I, М., 1941.
- История плавания россиян из рек Сибирских Ледовитым морем, Сибирский вестник, издаваемый Г. Спасским, 1821, чч. 15, 18 и 19.
- История СССР, т. I. С древнейших времен до конца XVII в. под редакцией В. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, В. И. Лебедева, изд. 2, М., 1947.
- Кафенгауз Б. Б. Северная война и Ништадтский мир, М. — Л., 1944.
- Квашнин-Самарин Е. Морская идея в русской земле, История допетровской Руси с военно-морской точки зрения, СПб., 1912.
- Лебедев Д. М. География в России в XVII веке (допетровский период), М. — Л., 1949.
- Лебедев Д. М. География в России петровского времени, М. — Л., 1950.
- Лященко П. И. История народного хозяйства СССР, изд. 2-е, т. I, [М.], 1950.
- Марков С. Н. Летопись Аляски, изд. 2-е, М. — Л., 1948.
- Марков С. Н. Русские открытия на Северном Ледовитом и Тихом океанах в XVII и в начале XVIII в., Морской сборник, 1947, № 3.
- Миллер Г. Ф. Описание морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю, с Российской стороны учиненных, Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие, СПб., 1758.
- Миллер Г. Ф. История Сибири, ч. I и II, М. — Л., 1937—1941.

- Морозов А. А. Михайло Васильевич Ломоносов (1711—1765), Л., 1952.
- О течениях морских между Камчаткою и Япониею, Технологический журнал, 1806, № 3.
- Общий морской список, чч. I—II, СПб., 1885.
- Окладников А. П. Русские полярные мореходы XVII века у берегов Таймыра, М. — Л., 1948.
- Окунь С. Б. Российско-Американская компания, М. — Л., 1939.
- Островский Б. Г. Беринг, Л., 1939.
- Панкратова А. М. Великое прошлое советского народа, М., 1949.
- Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, СПб., 1862.
- Первый поход русских к Америке, Записки Гидрографического департамента, ч. 9, 1851.
- Позднеев Д. Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к матеруку Азии и России, т. 2, 1909.
- Пушкин А. С. Полное собрание соч., т. 9, М. — Л., 1949 (заметки, сделанные поэтом при чтении книги «Описание земли Камчатки» С. П. Крашенинникова).
- Салищев К. А. Основы картоведения, М., 1948.
-

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Участие А. И. Чирикова в Первой Сибирско-Тихоокеанской экспедиции	27
Годы учебы и начало научной деятельности А. И. Чирикова	27
Организация Первой Сибирско-Тихоокеанской экспедиции и ее задачи	36
Роль А. И. Чирикова в подготовке экспедиции и во время плавания 1728—1729 годов	44
Роль А. И. Чирикова в организации и подготовке Второй Сибирско-Тихоокеанской экспедиции	59
Задачи Второй Сибирско-Тихоокеанской экспедиции	59
А. И. Чириков — руководитель перехода экспедиции из Петербурга в Охотск	94
Открытие А. И. Чириковым и В. Берингом северо-западной Америки и Алеутских островов	128
Последние приготовления к плаванию	128
Совместное плавание кораблей «Св. Петр» и «Св. Павел»	135
Плавание В. Беринга	141
Первое плавание А. И. Чирикова	157
Второе плавание А. И. Чирикова	180
Решение правительства о прекращении экспедиции	187
Обобщение А. И. Чириковым материалов Сибирско-Тихоокеанских экспедиций и его предложения по освоению и укреплению безопасности Дальнего Востока	194
Научные заслуги А. И. Чирикова	194
Предложения А. И. Чирикова по освоению и укреплению безопасности Дальнего Востока	207
Послесловие	224
Приложения	247
Библиография	272

Редактор *И. К. Мячин*
Художественный редактор *В. В. Шукина*
Технический редактор *С. М. Кошелева*
Оформление художника *В. А. Селенгинского*
Корректоры *С. А. Мering, Т. К. Манис*

Сдано в производство 2/IV 53 г. Подписано к печати 23/VI 53 г. Т 05408 Формат 84×108/32. Тираж 25 000 экз. Бумаги. лист. 5,375 Печатных листов 14,35+2 л. вкл. Учетно-издательских листов 16,46
Заказ 2058. Цена 5 р. 35 к. Переплет 1 р.

Набрано в 3-й типографии «Красный пролетарий»
Союзполиграфпрома Главиздата Министерства
Культуры СССР.
Москва, Краснопролетарская, 15.

Отпечатано в типографии Металлургиздата,
Москва Цветной бульвар, д. 30. Зак. 3321